

МОИ ПОРТОФЕЛЪ

Михаил Жванецкий

В первое в Украине издание произведений знаменитого писателя-юмориста М. Жванецкого вошли наилучшие – как хорошо известные и известные, так и новые – юморески, рассказы, сатирические зарисовки и афоризмы, которые по праву считаются в настоящее время общенародным достоянием. Их цитируют при общении, они звучат из эстрады, эфира радио и голубого экрана, а книжки писателя занимают постоянное место среди бестселлеров уже несколько десятилетий подряд.

- [Михаил Жванецкий](#)
 - [Я и Украина!](#)
 - [Действительно](#)
 - [Помолодеть](#)
 - [Авас](#)
 - [Диета](#)
 - [Изобретатель](#)
 - [Вперед](#)
 - [Что с людьми происходит](#)
 - [Не надо было](#)
 - [Фантаст](#)
 - [Обнимемся, братья](#)
 - [Слова, слова](#)
 - [Попугай](#)
 - [Давайте копать!](#)
 - [Города](#)
 - [В век техники](#)
 - [Фельдгер](#)
 - [Белый свет](#)
 - [В греческом зале](#)
 - [Дефицит](#)
 - [Дай руку, внучек!](#)
 - [Для вас, женщины](#)
 - [Сосредоточенные размышления](#)
 - [Одесса](#)
 - [Холера в Одессе](#)
 - [После разлуки](#)
 - [Леониду Осиповичу Утесову](#)
 - [Коротко о себе](#)
 - [У кассы](#)
 - [На складе](#)
 - [Играет румынская музыка](#)
 - [Диалог с зеркалом](#)
 - [Одесский пароход](#)
 - [Я при себе](#)

- [Ставь псису](#)
- [Портрет](#)
- [Специалист](#)
- [Ранняя пташка](#)
- [Вы еще не слышали наш ансамбль](#)
- [Тренер](#)
- [Собрание на ликеро-водочном заводе](#)
- [Старость](#)
- [Как шутят в Одессе](#)
- [Нормально, Григорий! Отлично Константин!](#)
- [Женский язык](#)
- [Наши мамы](#)
- [Ну что такое Ойстрах?](#)
- [Сто одиннадцать](#)
- [Воскресный день](#)
- [Наша!](#)
- [С женщиной](#)
- [После вчерашнего](#)
- [Маленький вентилятор](#)
- [Как с ними говорить](#)
- [Турникеты](#)
- [Клуб кинопутешественников](#)
- [Современная женщина](#)
- [Стиль спора](#)
- [Сын мой неосуществленный](#)
- [Падает снег](#)
- [Мне показалось](#)
- [Трудности кино](#)
- [Писательское счастье](#)
- [Тяжелый характер](#)
- [Броня моя](#)
- [Конечно успехи медицины огромны](#)
- [В Париже](#)
- [Вместе](#)
- [Рассказ подрывника](#)
- [Что такое юмор?](#)
- [Я видел раков](#)
- [Я так стар и спокоен...](#)
- [Насколько живо и энергично](#)
- [Консерватория](#)
- [Как?! Вам ничего не говорили?](#)
- [Давайте разберемся](#)
- [Суть нашей жизни](#)
- [Государство и народ](#)
- [Борьба с населением](#)

- [Разговор с зеркалом](#)
- [Писательский труд](#)
- [Есть целые области...](#)
- [Она на его колене](#)
- [Теперь ты, детка!](#)
- [Простые вещи](#)
- [Разные виды опьянений](#)
- [Две задачи](#)
- [Бык](#)
- [Райское существование](#)
- [Звонок](#)
- [Отодвинули облако](#)
- [Сплошная самодеятельность](#)
- [Человек](#)
- [Она](#)
- [И видится ему из космоса](#)
- [Имя](#)
- [Л-и-ч-н-о-с-т-ь](#)
- [Этюд](#)
- [По Дарвину](#)
- [Автопортрет](#)
- [Если сравнивать](#)
- [Таблетки от тревоги](#)
- [Была еда](#)
- [Мода сезона](#)
- [Люди социализма](#)
- [Эмигрант](#)
- [Этнические конфликты](#)
- [Евреи](#)
- [Путевые заметки](#)
- [Переводы](#)
- [Приступ пессимизма](#)
- [Зима 95-го](#)
- [Метро](#)
- [Автопробегом](#)
- [Автопортрет-96](#)
- [Я его вызвал](#)
- [Время музыки](#)
- [Об импотенции](#)
- [Последнее 8 марта](#)
- [Красивая женщина](#)
- [Что с тобой, друг мой?](#)
- [Как я бегу](#)
- [Из чего состоит писатель](#)
- [На переходе](#)

- [Страна талантов](#)
 - [Автопортрет в цифрах](#)
 - [Софья Генриховна](#)
 - [В супружеской жизни](#)
 - [Тефи-98](#)
 - [Лечиться надо](#)
 - [Одесский телефон](#)
 - [Не стоит](#)
 - [Два яблока](#)
 - [Наблюдатель](#)
 - [Меня подозвал певец](#)
 - [Наш человек](#)
 - [Чайка](#)
 - [Линия фронта](#)
 - [Ума не приложу](#)
 - [Обиженные Родиной](#)
 - [По спирали вниз](#)
 - [Пуля](#)
 - [Непрактичные достижения](#)
 - [Петухову!](#)
 - [Трос сорвало](#)
 - [Одесскому русскому](#)
 - [Пожар](#)
 - [200 лет Одессе](#)
 - [Каждому возрасту – свой оптимизм](#)
 - [Переход детей в родители](#)
 - [Истории вкратце](#)
 - [Тэфи-03](#)
 - [Он сидел, смотрел телевизор...](#)
 - [Что еще требовать от таланта](#)
 - [Пишу детектив](#)
 - [Самолет](#)
 - [Степь лучше моря](#)
 - [Что с раем?](#)
 - [Я у себя нашел](#)
 - [Ко дню юмора](#)
 - [Удивление](#)
 - [И бабы, бабы!](#)
 - [Бар](#)
 - [Жизнь коротка](#)
 - [Сделано Жванецким](#)
-

Михаил Жванецкий

Мой портфель

*Очень приятно поблагодарить моего давнего товарища
Виктора Михайловича Пинчука за издание в Украине этой книги.*

Я и Украина!

Ну что для меня Украина, если я живу здесь июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь. Пока не сравнивается погода. Когда сравнивается – перелетаю.

Я здесь родился.

В энциклопедическом словаре 1998 года на странице 396 между «жвалы» и «жвачные» есть «Жванецкое городище трипольской культуры у одноименного села на Украине. Хмельницкая область, оборонительный вал, остатки жилищ и двухъярусных гончарных горнов».

Так тысячу извинений, кто я такой? Кроме того, что еврей. Конечно, украинец.

Это в Америке я русский. Сейчас за еврея в России, за русского в Америке можно получить по роже.

Так что выбираем среднее. Да чего тут прикидываться.

Нос и язык говорят сами.

Таким языком, какой владеет мной, говорят только на Украине и только в одном месте.

Те, кто хотят меня уесть:

– Он своей одесской скороговорочкой что-то сказал, понять ничего нельзя. Просили повторить. Он смылся. На пленке прокручивали замедленно. Мура. Не смешно. Мы его предупреждали. У нас здесь болота, север. Нам помедленнее. Слиял. Ну, конечно, пара одесситов в зале очень смеялись, а потом не могли объяснить и на допросе молчали.

А как они объяснят? А что они объяснят?

Я пишу с акцентом, читаю с акцентом и меня с акцентом слушают.

Как сказал Геннадий Викторович Хазанов в Австралии:

– Жванецкого понимают только одесситы.

Тогда их многовато.

Наша любовь с Украиной взаимная. Я и не знал, что есть Жванецкое городище.

Было бы приятнее, чтоб в мою честь.

Но и меня в его честь тоже хорошо. Понятно, откуда человек, и ему просто не крикнешь: «Езжайте к себе!»

Я у себя. Со своим городищем. Я никуда не уеду.

Подарил мне город Одесса землю, построил я на той земле дом, где окна заполнены морем наполовину.

Каждый кирпич в моем доме – ваш аплодисмент.

Дом красивый.

Стоит на ваших руках.

Пока еще пустой. Я сижу наверху. Передо мной мое Черное голубое море. Внизу крики, наверху чайки, дельтапланы, вдали белеет парус одинокий, еще дальше Лузановка, порт Южный. Передо мной мотается профессура, груженная луком, картошкой, черепицей, плиткой. Из Стамбула замурзанные ученые волокут мешки в Одессу.

То не люди, то пароходы.

«Академик Курчатов».

«Профессор Келдыш».

Пассажирский флот продали за долги, остался научный и профессура возит.

На вопрос, что меня связывает с Украиной, хочется ответить: «А что вас связывает с

родителями?». Откуда я знаю? Что-то связывает.

Вот похож – во-первых.

Потом это – характер южный, такой же психованный, но не злой.

Кушать любит то, что они: борщ, селедочку, кашу гречневую с подливой и котлеты. Вареники с картошкой и луком и тоже с гречкой. Колбасу кровяную жареную в собственном жиру. Рыбку небольшую, чтоб на тарелке и хвост и голова, а не кусок фюзеляжа.

Одессу люблю, Киев люблю, Днепропетровск уважаю. Это ж надо – столько вождей за такой период...

Ялту люблю. Севастополь, Харьков, Донецк.

Выходишь на сцену – и не надо ничего объяснять.

И никто не просит помедленнее.

Он быстрее – они быстрее.

Это ж спасение.

Я ж своей Одессе так благодарен за свою скороговорку.

Потому и уцелел.

Живо бы шею свернули.

Читаешь – все хохочут, начальство никак меня притормозить не может. Не понимает. – Что, вы говорите, он только что сказал?

А там уже другое пошло.

– Да постойте, вот я не про то, что сейчас, а что предыдущее было? Это он про кого? Не пойму ни черта.

И слава Богу! Выступление китайского сатирика перед советской страной...

Еще и с акцентом, еще и скороговоркой, еще и с намеками.

Тьфу ты, Господи...

Такие были времена.

Единственное, в чем сходство, – раньше во Львов не звали и сейчас не зовут. Но, видимо, по разным причинам.

А помидоры?

Нигде в мире нет таких помидоров, как микадо.

А абрикосы?

А сливы?

Нет. Капитализм, конечно, продвинутый строй, но помидоров таких там нет и абрикосов и слив. Они там твердые и круглые, чтоб машина их убирала и ела.

А клубника ихняя?

Если я сяду есть ихнюю клубнику в первый ряд – весь симфонический оркестр встанет и уйдет, невзирая на Владимира Спивакова.

Что еще меня связывает с Украиной, кроме еды, моря, воздуха, юмора... Видимо, люди, с трудом живущие на ее земле.

Мы же не уехали в Москву когда-то сами.

Нас же выгнали.

Карцева, Ильченко и меня.

Тут такие ребята руководили – не спасешься.

И стали мы искать в Питере, в Москве.

Нашли целую одесскую колонию – «одеколон», образовали Всемирный Клуб Одесситов.

И теперь куда бы мы не перемещались по всему земному шару – мы в пределах

Всемирного Клуба Одесситов.

Как встретишь человека, который на каждом языке говорит с акцентом, который, перед тем как обратиться, стукнет в живот, а после того, как выскажется, толкнет в спину – это член нашего клуба.

А кто еще вслед красивой женщине будет смотреть с таким огорчением – что все ясно. И что возраст? И что внуки? И что дети? И что не догнать? Хотя если б она дала слово сказать... Просто так... Она была бы моей через 35 минут.

Это член нашего клуба.

Клуб только узаконил своих. Первые члены клуба появились 210 лет назад и размножились по всему миру.

Что связывает меня с Украиной?

Как люди здесь живут, вы знаете лучше меня.

А хоть дурная, но стабильность.

Хоть партий много, а фашистов нет.

Войн нет.

Не мешало бы личностей ярких побольше, так их недаром Москва забирала, да и Киев не жалел.

А что Одесса, что Киев – поднимаются потихоньку, сам видел.

Конечно, хорошо бы большую Родину восстановить.

Но вряд ли кто за это проголосует.

А я перелетаю, как птица.

На Украине напишу, в России почитаю.

И счастлив бываю.

И не ядовит.

Оттого, что не унижен.

И не озлоблен.

А полон сочувствия.

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. 35 років творческой, 35 років производственной деятельности и где-то 60 общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами. Как же прошли эти 25, если считать с 88-го, и 35, если с 54-го года.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришлись как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застойе, потом застойе в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так: Роман поярче на сцене. Виктор – в жизни, я – весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, – вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как приземлиться в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись. Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор... Секундочку...».

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего, и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке. Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!... Что у вас там?...»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем и до сих пор. Как тяжело даются слова – 30 лет тому назад. И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя и я видел, как на сцене

тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось: остановившийся взгляд, самасшедший вид.

– Что с тобой? – спросил я заботливо-завистливо как всегда.

– Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в 11 утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление «прошу принять меня на работу...» Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность приникла к окнам. Ромин батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двух детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуне, районный прокурор Козуб в коридор от ненависти не выходил, ибо «опять они здесь что-то затевают».

Райкин был нечеловечески красив – это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка – тонкий довоенный шелк и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал 105 рублей.

В голове вертится фраза:

– Почем клубника?

– Уже шесть.

– Простите, вчера была пять.

– Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием. «И тогда сказал Аркадий Исаакович: „Сейчас мы едем прописываться“, – и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал „посиди“, и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: „Все в порядке“, – и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие щастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле.

«И тогда он сказал мне – завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое?» И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное. Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине». И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программу, развернул – и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина «С-153», что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке – благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Рай-кину, он был бы замминистра или

зампредоб-совпросра или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кипаре, він кожний рік відпочивав бы в санатории ЦК «Лаванда» у люксе з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компании таких же дундуков, объединенных тайным знанием что эта система ни к херам не годится и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з ним в крайней вражде.

– Понаехали тут деревья защищать отовсюду, з Турции, з Израиля. Я им говорю: «Та хто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та хто ж их хотел рубать те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упорядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна.

Так вот, Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампредминистра решающего – на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка «у нас полиция на угле», я спросил «неужели так допотопно?», потом оказалось – на углу, это я на угле), и по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым, и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание 10 рублей. Маманя вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать, комплексно за 50 копеек и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, от чего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку «разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) 30 рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

– Таня, ты деньги получила?

– Когда ты выслал?

– Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан» или «Гигант» или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила мертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу

кастрюли...» – находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А. И. Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в 500 рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!... Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А. И. Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить – их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, ордена Почета Ленинградского Высшего военно-политического мюзик-холла?!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жестью, уехал с криком «жду в Москве», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменилась в лице – я ее догнал на улице:

– Спектакль не принят?

– Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на теплоходе «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, – беспорядочные связи (*зачеркнуто*), знакомства (*зачеркнуто*), дружба (*зачеркнуто*), любовь (*зачеркнуто*), контакты (*зачеркнуто*), счастье (*зачеркнуто*).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой – «фурцевоз», село Жирновка.

– Эй!

– Чего?

– Артисты приехали.

– Какие еще артисты, елкин дуб?

– Да вот эти, что на афише...

– А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням, и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас», вернулись в Ростов – директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят:

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит, кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом, если ты вышел на сцену и произносишь

монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...»...Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна – покровительница всех муз. Да здравствует партия – покровительница страны, покровительница всех муз.

«Товарищи, товарищи, здесь режимная зона...» Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

– Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

– Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все, – везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем.

Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны – герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны – беспородные, которых знают все.

Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

– Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

– Конкурс что ли?

– Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здався... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы, писатель Жиманецкий и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты и там будет у вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

– А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим.

Так что после 15-го лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» – но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали –

оставайтесь, и мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ленинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. Откуда там собралось столько правоверных? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку – здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку – уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Боны. 3 пайками та машинами. Для нормального зрителя – правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас»...

«Да здравствует Советская власть – покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков. Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...»

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай...»

У него аж портфель запотел:

– Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

– Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

– Я извиняюсь, я в таком белье – жена где-то купила...

– Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый.

Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

– Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Веничком спину давай! По пяточкам. Ух, застой – о – о – горячо!

Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник». Кабинет на замок: «Читай».

Эх, референты – короли застоя. Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии...

– Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в 1100 передовики производства, Пахмутова и обед...

После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии – перерыв...

– Не забудь скандирование по десять человек через четыре ряда.

– Ну, профсоюз, скажи.

– А чего, за Родину нашу, за нашу заботливую мать!

– Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил,

профсоюз, глаз острый.

– А как же Леонид Иваныч, ему рабочие интересы защищать.

– От кого их защищать в рабочем государстве?

– Не, не, Леонид Иваныч, хватает еще бюрократов.

– Ну, бить бюрократов – святое дело, говори ты, комсомол.

– Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

– Bravo, bravo, точно...

– Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

– Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

– Давай, армия.

ШЕПОТ. Леонид Иванович...

– Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

АРТИСТЫ. Верно, Леонид Иванович.

– Володя!

ВОЛОДЯ. Слушаю, Леонид Иванович!

– Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

– Где, здесь?

– Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

– Ясно, а если упрется?

– Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

– Здесь, Леонид Иванович.

– Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

– Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

– Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит – мурлычет приятно. За что пьем?

– Милиция всегда за порядок и спокойствие.

– Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

– Час расплаты настал?

– Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– А-ха-ха! А ну еще раз.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу. Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолья. Не работали мы, как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. КГБычно – говорил один и ему вторил второй.

Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распродавали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали? Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

– Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

– Кому?

– Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Прекрасная мысль. Чего ждать праздника?

– Мы хотели для коллектива.

– Значит, так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах будете танцевать – ничего не будет, ему понравится – все! Никаких отказов. Я ему сказал, они с замом ждут. Виски, сигареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета. Ты начнешь.

– У нас программа.

– Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой национальности?». Ему это интересно.

– Так, может, не надо...

– Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из ЦК.

– Может, не надо?

– Этому нужно играть после второго стакана. Хохочет, все понимает... Ничего. Все!... Вы здесь сидите. Я приглашу... Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное пионерское.

– Что он просит?

– Телефон.

– Там кабелировано?

– Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

– Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

– Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)* Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с Референтом.)

РЕФЕРЕНТ. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Не тянут. Игорь вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

РЕФЕРЕНТ. Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

ФЕДОР ИВАНОВИЧ. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне.

Я в слезах сидел – молодцы.

Ух, застой! Наш застой.

Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту. Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам». «О! Что там эта маленькая вякает... Так хряпнем!»... Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть!

Здесь недоедаем, но там чтоб все было.

Ох, красивые танки. Ну, крейсера, заглядение. ППШ – лучший в мире. Секрет МИГа до сих пор не могут разгадать.

Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти.

Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем – немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы.

Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали.

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего, может, оттуда изюм

привезут, а оттуда курей. Объедем – дальше поплзем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча или мыши, или тараканы и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то пилят.

Ох застой! Тем и хорош был (или есть), что интересы верхов и низов полностью совпадали.

Интеллигенция верещала: не печатали ихние романы или, черт его знает, пробирок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали – не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою. И правильно их в лагерь и психушки. Помешать они не могли, но настроение портили. В общем, отправили их подальше.

Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну, то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что. Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненавидят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась.

В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во Дворце, верх понимает, что низ должен воровать.

Эх, застой, Божья благодать! Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время. Ни к кому спиной не встанешь. Тут же! Я отошел – меня облили, вы отошли – вас.

Правду не говорил никто! Ну, то есть, кто-то говорил, но где? Интеллигенция жалко шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да... Начальники за войска, народ за войска – а эти против. Сейчас уведем, разбежались.

Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись и как ты их удержишь.

«А в Венгрии, представляешь, – рассказывает капитан, – продвигаются мои танки. По такой узкой улице – аж брызговики шпукатурку сбивают. А венгры что придумали, представляешь – портрет Ленина посреди улицы. Думали, не наеду. А я и не наехал. Я объехал. Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали – давили, прямо шли – давили. И остановились на раздавленном.

Началась перестройка.

Помолодеть

Хотите помолодеть?...

Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект.

Чтобы помолодеть, надо сделать следующее.

Нужно не знать, сколько кому лет.

А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной.

Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает.

А мы без сроков, без времени, без дней рождения, извините.

Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся...

Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок?» Кто считал?

Кто знает, сколько ей?...

Не узнаешь. Губы мягкие – и все.

Живем по солнцу.

Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца.

Птицы запели, – значит, утро.

Стемнело, – значит, вечер.

И никакой штурмовщины в конце года, потому что неизвестно.

И праздник не по календарю, а по настроению.

Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите – «сейчас»?

Я просыпаюсь – надо мной часы.

Сажусь – передо мной часы.

В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке – небьющаяся сволочь с календарем.

Обтикивают со всех сторон.

Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц.

Тик-так, тик-так.

Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще!

Оглянулся – суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы.

Понедельник – суббота, понедельник – суббота? Жить когда?...

Не надо бессмертия.

Пусть умру, если без этого не обойтись.

Но нельзя же так быстро.

Только что было четыре – уже восемь.

Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, – боже какая стройная!

А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и расплнела.

И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь...

Только что нырял на время и на расстояние – сейчас лежу полвоскресенья и газеты

выписываю все чаще.

А это раз в год!

В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья – в банке столько же.

Ерунда! В банке меньше становится.

Уже ложкой по дну шкрябаешь...

И что раздражает, так это деревья.

То зеленые, то желтые.

И стоят, и все.

Маленький попугай – крепкий тип.

Гоголя помнит и нас помнить будет.

Нельзя нам так быстро.

Не расстраивался бы и вас не расстраивал.

Но жить люблю, поэтому и хочется...

* * *

Если этот голубь еще раз так близко подлетит к моему окну, я вылечу ему навстречу, и мы полетим, оживленно беседуя, прямо в закат, в зарево, и из серых станем розовыми, а потом черными.

Две точки, две домашние птицы, не умеющие добывать хлеб воробьиным нахальством. Дадут – поедим, свистнут – взлетим высоко-высоко и крепко, раз и навсегда, запомним свой дом...

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Чувство юмора – прекрасное чувство. Оно необходимо каждому человеку. И как жаль, когда у некоторых его нет.

Вот у нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас, и доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

«Как ваша фамилия?»

«Горидзе».

«А зовут вас как?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович, а вас?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович, а вас?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович! А вас?!»

«Авас».

Так продолжалось два часа. Он никак не мог выяснить, как зовут этого грузина.

(Входит.) – Что вы смеетесь? Я тоже хочу.

– Да я тут рассказываю... У нас в институте произошел такой случай. Есть у нас грузин, студент, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. И доцент Петяев, страшно тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

«Как ваша фамилия?»

«Горидзе».

«А зовут вас как?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович, а вас?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович, а вас?»

«Авас».

«Меня Николай Степанович! А вас?!»

«Авас».

Так продолжалось два часа. Он никак не мог понять, как зовут этого грузина.

(Пауза.)

– Есть у нас грузин, по фамилии Горидзе, а зовут его Авас. Зовут его так – Авас. Да, называли его так, он не виноват. Авас. Тебя как зовут?

– Степа.

– Ну вот. Ты Степа, а он Авас. Он Авас, а ты Степа. Грузин Авас...

– А кто Степа?

– Ты Степа! А он Авас. А доцент тупой. А ты Степа. А он тупой. Вызывает доцент этого грузина к доске и спрашивает:

«Как ваша фамилия?»

«Горидзе».

«А зовут вас как?»

«Авас».

(Пауза.)

– Кого?

– Что – кого?

– Кого он спрашивает все время периодически?

– Периодически? Кого спрашивает? Кто спрашивает? Грузин?

– Какой грузин?

– Есть у нас грузин! И доцент тупой! Вызывает он этого грузина к доске и спрашивает:

«Ваша фамилия?». «Горидзе». «А зовут вас как?» Он говорит: «Грузин». То есть «доцент». То есть «грузин». Нет, грузин думал, что он спрашивает его, грузина... то есть доцента, а доцент думал, что он его спрашивает...

– О чем?

– О грузине. Нет, о доценте. Он говорит: «Как ваша фамилия?» «Горидзе». «А зовут вас как?» Он говорит: «Авас». Он говорит: «А я доцент». А тот говорит: «А я грузин». А доцент говорит: «А я кто?» А он говорит: «Вы тоже грузин».

– Так они оба были грузины?

– Вот это я не помню. Один был грузин, а другой... Степа!

– Да это я Степа.

– Ты Степа? А кто грузин? Грузин не знал, что он грузин...

– Ему не сообщили?

– Сообщили, но поздно. Он уже был Авас!

– Давай еще раз!

– Есть у нас грузин и доцент тупой. Страшно тупой.

– А грузин?

– А грузин нет. И ты тоже. Вместе с доцентом. – Ну?

– Вызывает он его к доске – Авас, Авас, Авас, Авас!

– А-а-а! Ну и что?

– Ничего.

– А чего вы смеялись?

Есть прекрасная диета. За неделю – полвеса. Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широкоизвестно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!»

Не видя выхода, она от вас уходит.

Та вторая ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!»

Обильно заливаете соседей и ждете их прихода с ответным словом.

Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью, к

Прорываетесь без очереди сквозь толпу, называя себя инвалидом – от чего им становитесь.

Затеваете ремонт. Приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально».

Вызываете «скорую» и вступаете с врачом в диспут, почему их не было полтора часа. Он вам о зарплате фельдшера, вы ему о всеобщей медицинской помощи. Он вам о личной заинтересованности, вы ему об успехах здравоохранения. Тут же он вас лечит и, выкрикивая слово «принципиально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете и потом опять пробиваете и уже тогда начинаете пробивать там же разговор о продуктах, отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще раз пробиваете и, так не выбив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться.

Теперь можно есть все. Вопрос в аппетите.

* * *

Он выпил – и с его точки зрения дела у всех пошли лучше. Еще выпил – оживились лица. Добавил – все захохотали. Еще чуть – все пустились в пляс. Жаль, не видел, чем все кончилось. Рухнул к чертовой матери.

Изобретатель

– Тсс!... Тихо!

Я сейчас вам скажу кое-что... Вы не волнуйтесь. Сидите спокойно. Фамилию свою не скажу – засекречена... *(Оглядывается.)* Там что за люди?... А эти?...

Так вот. У меня шестьдесят крупнейших изобретений и открытий. Я автор сорока законов природы. В том числе закона земного притяжения и от перемены мест сумма не меняется, если вам её выдали.

Чтобы стало ясно, перечислю: простейший аппарат для хождения по воде. В этом же аппарате выключаешь наддув, включаешь поддув – взлетаешь в воздух. Переключил давление – буравишь землю. Ещё раз переключил – ушёл в облака. Не подчиняешься радиолокации. Начинаешь ярко светиться днём.

Этим шлангом разгоняем тучи. Удержать невозможно. Пятнадцать человек держат шланг. Нужен дикий компрессор, которого нет.

Внимание домашних хозяек. Приспособление для очищения куриц до состояния голого тела. Технология: прошлась электробритвой мужа, потом намаливаешь ость мужниной кисточкой для бритья, обдаёшь безопасной бритвой. Всё. Курица наша. Вари. Ешь. С этим предложением хожу тридцать лет. Работу бросил. Никто не берёт. И знаете, что они мне говорят? Образования нет. Самодеятельность. А самодеятельность – главное. Своим умом доходим. Сопромат смекалкой заменяем. Микробов – на ощупь. Без образования пьесы пишем. Не нужна? Дёшево отдам. И фонарь в придачу. Замедляет скорость света до шестидесяти километров в час.

Оригинальный метод борьбы со склерозом путём полной госпитализации всего населения в инфекционных больницах.

Стимуляция БДБ. Укол в пятку – на лысине появляются первые всходы.

Кое-что секретное: таблетки против танков. Проглотил – и нет никого... Меня могут выкрасть. Чтобы меня не украли, мне нужно сто рублей. Сейчас же. У меня миллионы здесь. *(Стучит по голове.)* Но здесь *(бьёт по карману)* не хватает ста рублей.

Носки и перчатки на батарейках. Поддерживают постоянную температуру тела тридцать шесть и шесть десятых. Ходить неудобно. Батарейки под пяткой. Работаю над этим...

Транспортная повесть для юношества о провалившейся любви. Читается в любом виде транспорта с нарастающим интересом. Море слёз. Несколько озарений. Чистая радость.

Микроскоп стереоскопический. Он пока не работает. Необходимо специальное освещение. В СССР таких ламп нет. В США есть одна. Но её разбили. Один ребёнок.

А у кого-то поворачивается язык сказать мне: «Идите учиться... вы не знаете математики... мы всё это слышали... того не знаете, этого не одолеете...»

Богатая интуиция необразованного человека. Светлые проблески тёмной головы. Вот открытия... суть... проблемы... авторского вида движения мысли... туда и назад.

Портативная постель. Моя собственная. Девичья. Ушла жена. Испытывал на ней новый состав для омоложения на костной муке со стекловолокном. Ушла. Не понимает женщина. Теперь жутко выглядит.

Соседский пацан помогал некоторое время. Взлетели мы. Где он сейчас, не скажу.

Порошок сыплем из окна, резко увеличиваем скорость уличного движения. Не

пригодится?

Роман для пожилых. Поясок, ярко обозначает талию. Ручка шариковая на замке. Радиаторы-самогрейки. Всё нужно пробивать.

Украдёт меня иностранная разведка и будет права. Ох, будет права!

Из человека в шприц что-то можно выдавить.

С листа собрать чернила в авторучку. С газеты на матрицу буквы снова перевести – в свинец переплавить. Свинец вывезти на Среднерусскую возвышенность и снова закопать – снова гору возвести по фотографиям.

Дрова в деревья перевести, нейлон – в уголь, уголь – в шахты.

Воду из чайников в реки вылить.

Костюмы наши распустить, свалить, стриженным овцам сшить тулупы и надеть на них с извинениями.

Перья у дам выдернуть, снова этим ребяткам страусам вставить.

Гири переплавить, прилавок разобрать, чтоб ему стоять негде было.

Телевизоры разобрать, медь отдать Хозяйке Медной горы, стекло растолочь и снова в песок на берег реки.

По проводам пойти, разыскать электростанции, разобрать, воду слить, мазут в скважину закачать.

Землю по фотографиям и наскальным рисункам восстановить, пушки в руду перевести и отвезти на Курскую магнитную аномалию, где и разбросать.

И все это время не стричься и не бриться, зарастать начать и продолжать зарастать.

И уже этой шерстью согреваться и по деревьям по оставшимся рассесться.

Ничего не значащие слова: «Эй, здоров», «Как дела», «Ты все еще там», «Я все еще здесь» – заменить гортанными криками и курлыканьем: «Эй зоов ка-ак жи-и, ка-ак де-а-а-а, ты здесь... я т-а-а-а-м...»

Сидеть на деревьях каждый на своем, цепляясь за ветки сильными рыжими ногами и провожая упавшего равнодушными взглядами – не приспособился.

За самым заросшим, самым приспособившимся, у которого уже первые признаки хвоста, мчаться в апельсиновую рощу. А-а-ах... И бегать, и спать, и прыгать, и пить, и снова бояться львов и тигров, а не этих своих товарищей...

Что с людьми происходит

Для Р. Карцева

Не думал никогда, что у нас такие странные люди есть... Отказаться от жизни, чтоб кидать ядро дальше другого дурака или выше поднимать ногу на сцене?!... Что-то я не пойму. Чего они из кожи лезут?... Этот на себе микробов выращивает. Это ж надо гадость такую. Пожилой человек... Тот вообще залез в вулкан. Извергался оттуда с компанией таких же дружков!... Ну?... Ей-богу. Как дети... Нет?...

Вроде приличная зарплата. Семья. Так сиди. Не скачи. Не дергайся... Конечно, кроме себя он никому вреда не принесет. Но пример дурной показывает... А тот дурачок на лодочке четыре месяца плавал один. Ну так ладно он англичанин. С них не спросишь. С них чтоб спросить, надо пролив Ламанческий переплыть... Но чтоб у нас такие дураки были – не ожидал... Еще хорошо общественность не поддерживает. А то на лодке каждый бы... От жены. От детей...

На льдине сто дураков сидят, лед щупают, медведей пугают. Им ещё туда зарплату сбрасывают, провиант и за снег доплачивают... Что, у нас снега мало?... Несет их... Другой черепа раскопал – сидит в яме празднует... Дурака валяют в рабочее время. Собаке вторую голову пришили... Я думал – пацанва, а это пожилые люди балуются...

Она тридцать лет цветочки соединяла: фиало-чку с тюльпанчиком. На государственные средства... Тьфу!... Дура с пестиком!... Я без цветов знаешь сколько живу?!... Я б тебе показал, куда деньги девать.

Счетные машины... А что считать?... Руб сорок девять плюс руб сорок девять минус посуда.

Прибегает два раза в месяц, дай мне бешеные деньги, я микроба нашел... Ох, я б тебе деньги показал бы!!! Ты бы у меня вагонетку толкал бы в одну сторону, а другой такой же в другую!... Между нами говоря. Что мне от той Луны?... Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит. Не светит – спичку зажгу... Чего я должен заглядывать, что у него со спины. Что, я без этого не жил?... Ну, между нами говоря!... Что-то я тут не пойму... Что это за национальность людей такая?...

А если народ не понимает?... Так и не рыпайся!... Может, это все запретить и посадить их в карцера?... А?... Это можно попробовать, а если хорошо получится, то и держать... Потому что, когда все понимают, что ты делаешь, когда самый дурной, тупой поймет, чем ты занимаешься в рабочее время, – занимайся... А если я к тебе забрел по пьянке проверить, что ты вытворяешь в государственный рабочий день, а ты мне что-то лопочешь: частицы, нейроны, мембраны... А я ни черта. Ни в какую. Ни за что. Хоть ты в меня стреляй!... Тогда все... Тут тебя и брать надо. Тут тебе пятнадцать суток и как раз... Эх, я б наломал!... Власти у меня мало...

* * *

Разница между умным и мудрым: умный с большим трудом выкручивается из ситуации, в которую мудрый не попадает.

Не надо было

Когда-то казалось, что все по чуть-чуть.

Мы уже почти добились этого. Интеллигенция еще сопротивлялась, но непосредственные производные и большая часть крестьянства были охвачены этим подъемом.

И все, как вы помните, с утра, поэтому сложная наша техника до сих пор страдает такой точностью.

Теперь участились случаи трезвой сборки, тогда выявились конструктивные недостатки.

А порой стало случаться, что и конструктивно ничего, тогда выявили некачественные элементы смежников.

А теперь случается, что и сборка трезвая, конструктивных недостатков нет и смежники ничего изготовили, и тут полезли недостатки организации.

А теперь все чаще сборка трезвая, и конструктивно хорошо, и смежники, и организация хороша – полезли огрехи всей системы жизни в стране.

Не надо было водку трогать.

* * *

День приезда, день отъезда в один стакан. Между первой и второй не дышу. После третьей не закусываю.

* * *

И самовар, у нас электрический, и мы довольно неискренние.

Что такое?... Что здесь происходит?... Ничего не знаю. Я фантаст. Я писатель-фантаст. Какие вокзалы?... Какие билеты?... Этим вопросом занимается жена и малолетний сын Кранц. А я фантаст. Дорогу мне. Разойдись. Я рассеянный. Могу в любой момент под трамвай.

Крупноголовые существа планеты Большой Центавр обрушили ядерные заряды на планету Цветущий Галибарс. Война миров.

Какой обмен, какой квартиры? Я подавал? Чтоб ты так жил, паразит. Что у тебя там есть? Что ты меняешь?... Отдельная? А тишина? Шум тракторов, вой ленточных пил, визг домашних хозяек, звяканье бидонов и бой посуды это мне мешает сосредоточиться. Я фантаст. Я все время у себя. Там тишина, понимаешь, Гамильтон?... Костя?... Ну, Федор, там есть цветы, от запаха которых насыщаешься. Там не надо искать женщин. Там – наоборот. Сидишь на поляне в цветах, а они тебя ищут и окликают: «Глюкентавр, Глюкентавр».

Понял, Харитон? Это значит, «Где ты?», «Где ты?» А ты цветы собираешь и сидишь в юбочке и в шелковых чулочках и поешь: «Крошечка, моте-чка, мотылечек. Цветенька, метенька, голубочек».

Вчера планета Малый Центурион покрылась Дымом. Кажется, на них напали...

Кто?... Если бы я знал, я бы с тобой не говорил, я бы им помог. Я узнаю. Я не тороплюсь...

Где вы видите «Дарью»? Какая? У кого «Дарья»?... У меня в руках? Да... Я не знаю, где ее брал. Тут где-то. Жена мне сунула. Я ее жду.

Сейчас окутался дымом Рекс, планета слабого свечения в созвездии Купера. Ну, там мне ясно. Там могучая группировка шестипалых организмов борется за власть...

Какая «Дарья»? Где я брал? Где я брал «Дарью»? Я не знаю. Наверно, там еще есть, откуда я знаю? Я фантаст. Покоя нет. Эта проклятущая «Дарья».

Черт его знает, где у вас продают порошок... Советский, советский, но я фантаст. Я международник. Я межпланетник. Два часа назад пал Гарменон, последний оплот думающих папоротников. Причем взят был обманом...

Подавься своей «Дарьей». Мне ее дали подержать, «Дарью» твою. Мылом стирай. Ты знаешь, чем Иван Грозный стирал? На реке. Бил об воду. Бил об реку, стоя по колено в воде в закатанной скуфье. И лошади рядом нили. Осторожно, красиво. И вздрагивали. И лошади и царь. И тишина. И никого... Ни мыла, ни твоих трамваев. И рыба плескалась, и девки с песнями, а сейчас они все на Центурионе, в реке Макакац...

Я идиот? А твое воображение не поднимается выше миски с этой «Дарьей»?!

Бери пакет, подавься! Не бойся меня, не бойся... Не смей бежать от меня!... Я не соблюдаю правил движения, я могу попасть под машину... А вы чего, фантаста не видели? У!... Перепугаю сейчас всех!...

Точно курциане... Но каждый из них издавал облако! Вы можете издать облако? Эй, вы, пятеро, я вам сейчас скажу, где я брал «Дарью»... А оттого, что ты меня стукнешь, ничего не изменится. Ай!... Ты что, с ума сошел? Хорошо. Я скажу. Здесь, за углом, в хозяйственном. Идите все туда. Бегом. Бегом. Но там уже ничего нет. А, ха-ха-ха-ха! Я залился сатанинским смехом. Не мешайте мне заливаться... Нет, бабушка, я не идиот. Я просто неместный, я

фантаст.

А вот и жена. Моя Маша. Мой единственный переводчик. Маша, скажи им, что я не понимаю их жизни. Куда они побежали? Зачем им эта «Дарья»? Скажи им, что я фантаст... Сказала?... Они поняли?... В любом случае пошли. Я тебе нужен, Маш?... Да. Ну идем домой, Геба. Идем, моя единственная связь. Гаснет комета Когоутека.

Обнимемся, братья

Уж сколько говорили, сколько писали об этом, что страдает у нас обслуживание другом друга. Что хромает у нас хорошее отношение человека к человеку.

Товарищи! Братья! Сотрудники! Соученики!

Я обращаюсь к вам, дети мои! Автоинспекторы и владельцы! Официанты и голодные! Кассиры и безденежные! Вахтеры и те, кто предъявляет в развернутом виде! Перестаньте враждовать, дети мои! Прекратим междоусобицы и распри! Протянем друг другу руки!

Сегодня ты ко мне пришел, завтра я к тебе. Сегодня ты мне даешь щи, завтра я вырываю тебе зуб. Зачем нам калечить друг друга, братья?!

Воспитатели, которые ненавидят детей, сложите оружие и выходите на площадь строиться – страна задыхается без дрессировщиков.

Администраторы, не переваривающие живых людей, тайге нужны лесники, от вас до ближайшего жилья будет пятьсот километров непроходимых болот.

Кассир, дитяtko мое, выглянь в амбразуру, я сегодня в новом галстуке.

Ай-яй-яй... Официанточка, сестричка, девушка! Чего ж ты на меня из кухни со штыком наперевес?... Кто ж тебя разъярил с утра, страстная ты моя, что тебе самое лучшее сделать, какой самый дорогой подарок поднести? Уйти к чертовой матери? Ухожу, родная, ухожу! Не нарушу ничем, не потревожу. Пойду в магазин...

Здравствуй, друг мой и брат, продавец. За что ты меня не любишь? Посмотри на меня, я же точно такой, как и ты. Пальтишко, шапочка, ботиночки, шнурочки. Куда ж я пойду? Только к тебе. Нас много?... Верно. А я в чем виноват? Ты же тоже размножаешься. Любимый брат! Обними меня через прилавок. Всплакни и обслужи. Куда ж деваться нам обоим? И пишут об этом и говорят, а пока мы сами не договоримся, никто нам не поможет. Нарезь, птичка моя и взвесь.

А потом закроешь магазинчик и все расскажешь: и что яблочки не твои, и колбаса не твоя, и выручка не твоя. А я тебе скажу, что и завод не мой, и станок не мой, и ты не мой, и я не свой. Все наше, все родимое, все свое.

Чего ж мы друг на друга кидаться будем? Уж обслужи, кудрявый! А я тебе гаечку подберу, в холодильничек твой вставим, и застучит он, запоет, как канареечка, и ты будешь доволен. и я. И хорошо нам всем станет, и сойдет на нас великая благодать!

Обнимемся, братья! Облегчим душу!

Иди ко мне, таксист! Иди, родной!... Иди сам!... Мне недалеко... Если не подойдешь, я подожгу тебя с твоим таксопарком... Стой!...

С чем у нас ещё плохо, – так это с такси.

* * *

Что делать человеку, который не делает зарядку.

Который сонно сидит перед зеркалом, не в силах собрать мышцы в пресловутое лицо.

Не в силах собрать мысли в форму головы.

Так и тянет лень.

И поручить дивану!...
Пусть диван создает форму.

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- О! Боже мой, Боже мой, кого я вижу, какой человек! Очень рад вас видеть.
 - И я очень рад.
 - И я очень рад вас видеть.
 - И я очень рад.
 - И я вас...
 - И я вас...
 - И я...
 - И я...
 - Очень рад.
 - Очень рад.
 - Вы надолго к нам?
 - Надолго к вам.
 - Вот это хорошо.
 - Да, это хорошо.
 - Надолго это хорошо
 - Надолго это хорошо.
 - Надолго – хорошо.
 - Да, надолго – хорошо.
 - Хорошо – надолго.
 - Надолго это хорошо.
 - Да-а.
 - Да-а.
 - Вот ненадолго – плохо.
 - Плохо, да.
 - Надолго это хорошо.
 - Надолго это хорошо.
 - Да-а.
 - Да-а... А вы знаете, я вам больше скажу: надолго это хорошо.
- Нам очень нравится ваша работа.
- Ну да?
 - Да.
 - Спасибо.
 - Пожалуйста.
 - Спасибо.
 - Пожалуйста.
 - Спасибо.
 - Пожалуйста.
 - Пожалуйста.
 - Спасибо.
 - Пожалуйста.

- Слушайте, давайте попробуем поработать вместе. Вот вы хотите работать для нас?
- С удовольствием.
- Попробуем, да?
- А что, давайте попробуем.
- Попробуем. Вы набросайте свой планчик-конспектик будущей работы, принесите, мы обсудим и сделаем.
- И все?...
- И все!...
- Планчик-конспектик?
- Будущей работы.
- В двух страничках.
- В двух страничках.
- Я знаю, я делал.
- Я знаю, вы делали.
- Я помню.
- И я помню.
- Планчик – конспектик...
- В двух страничках...
- А можно в одной.
- Давайте в шести.
- Давайте.
- Я знаю, я делал.
- Я знаю, вы делали.
- Я помню, я делал.
- Я помню, что вы помните.
- А вам это очень нужно?
- Очень, так что сделайте.
- Обязательно.
- Договорились.
- Непременно.
- Я могу быть уверен?
- Как вам не стыдно?
- Не подведете?
- Как вам не стыдно.
- Я могу быть уверен?
- Я обижусь.
- Ну все-таки, могу быть уверен?
- А я могу быть уверен?
- Как вам не стыдно.
- Мы оба уверены. Вы чувствуете?
- Да, я чувствую.
- Почувствовали?
- Вот сейчас почувствовал.
- Так что сделаете?
- Обязательно.

- Договорились.
- Если вам нужно – обязательно.
- Очень нужно, мы без вас не можем.
- Договорились?
- Договорились.
- Сделаете?
- Обязательно.
- К четвертому.
- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- К четвертому.
- К пятому.
- Ну ладно, к пятому.
- Ну ладно, к четвертому.
- Только обязательно.
- Обязательно. Если я обещаю, вы же знаете...
- Знаем, мы уже тогда никого не приглашаем, рассчитываем только на вас.
- Рассчитывайте обязательно на меня. Обязательно.
- Я же знаю.
- Ну что вы.
- Только на вас.
- Только на меня.
- Ну, до четвертого.
- До пятого... То есть до четвертого.
- До четвертого... То есть до пятого.
- Не сделаю я ему ни черта.
- А мне это и не нужно.

* * *

Вам не повезло. Специалист, который лечит, в отъезде, но есть второй – не хуже.

Лучше договориться лично. Хотя можно и по направлению.

У нас только по пропискам. Хотя можно пройти и так.

Лечение стоит дорого, но можно и не платить.

Нянечкам, сестрам обычно платят, но они ухаживают и так.

Поэтому я вам советую подождать специалиста, договориться с нянечкой и заплатить.

Но можно этого и не делать. Если вас не интересует результат

Попугай

Я вам хочу рассказать историю про попугая. У одного знаменитого профессора украли все. Обокрали, в общем. В том числе украли и этого самого... ну... попугая. Да...

Он заявил в милицию. Милиция искала... И вдруг попала на «малину», где было много из вещей, в том числе и клетка с этим... самым... ну...

– Попугаем.

– Да!... Но вещи нашли, а этот, ну в клетке...

– Попугай.

– Да. Он совершенно жутко... ну...

– Летал?

– Нет.

– Кричал?

– Нет... Выражался... Ну... он там наслушался. И профессор вещи обратно принял, а отказался взять этого самого...

– Попугая?

– Да. Магазин тоже принять отказался, там дети посещают. Домой все взять отказались и милиция, знаете, что сделала?... Ну...

– Застрелила?

– Нет.

– Съела?

– Нет... Ну, выпустила... И теперь сверху над городом, время от времени с неба несется мат... На весь... Ну... город и на все начальство... конкретно, с фамилиями... участками... к матери там и на... ну... Посланные истребители вернулись ни с чем. Вот... А потом слышали: «Пролетая над Череповцом, посылаю всех к такой-то матери...»

И что самое страшное – ему только 50 лет!

Давайте копать!

Для Р. Карцева

Все мне говорят: «Не ищите легкую жизнь». Но никто не объясняет, почему я должен искать тяжелую?!...

У каждого свое увлечение. Один марки коллекционирует, другой – монеты старинные. А я хочу современные. У меня свое. Хочет человек иметь много денег. Это же не преступление, это увлечение. Так ведь сейчас все зажали. У академиков мне оклад как раз нравится, но это труды какие-то надо иметь, искрить, в дыму сидеть, червей скрещивать. Как у них там: сначала – кандидат, потом – доцент, потом – профессор. Пока тебе дадут этот оклад – позеленеешь. Им всем по сто лет. Абсурд!

Государственная премия сравнительно неплохая, если так вдруг сразу получить. Но тоже всю идею испортили. Открытия какие-то надо сделать. Причем я бы сделал, не жалко, но как? Где? В какой области? Поподробнее давай! Может, месторождения какие открыть? Скажи, куда ехать. По карте, к сожалению, не могу, не ориентируюсь. Укажи транспорт, местность, там уже, в конце концов, пацаны покажут. Если алмазы, тоже могу на жилу попасть, золото промою, если блеснит. А они не говорят, где искать, сами, мол, копайтесь.

Ну, я за город выехал на трамвае, немного покопал. Дождь пошел, а я в костюме. Миску набрал, под краном перемывал. Ни черта! Засорил водопровод.

Открытия тоже могу сделать... Что значит фундаментальные? Какие могу, во-первых, а во-вторых, давай поподробнее, поподробнее давай. Что-нибудь из химии? Что-то куда-то накапать? Скажи что куда. У меня посуда кое-какая есть. Ты же дай человеку заработать.

Песню предлагали писать для радио – первая премия пятьсот рублей. Ну, пятьсот так пятьсот – тоже не валяются. Я сел за этот, за стол. Долго так сидел. Часа два. Напевчик намурлыкал. Словами так отобразил. И там подвох. Ноты, оказывается, надо знать. Я им позвонил по телефону. Напел в трубу. Скандал вышел. Девушка молодая, еще слабая. Она упала, что ли. А трубку не могут у нее из рук. Я-то пою... голос у меня сам знаешь, но пятьсот рублей – дозарезу. А тут – очередь. А я в автомате пою и прошу, чтоб записали. Конфликтнули мы с одним из очереди, так что я уже на работу не пошел.

Пробовал роман. Но тоже: если уволиться и писать, то жить на что? А если работать и писать, то жить когда? Может, сначала премию?!

Актером можно было бы стать. Но тоже надо, чтобы народ на тебя пошел. По рублю же надо собрать с народа. Я ж тоже не дам рубль за первого встречного.

Видишь, как все зажали. Только на себя надежда.

Я тут ночью вскочил как ужаленный. Мы же все забыли. Здесь же был Петербург. Все графы, князья в золоте ходили. Куда это все исчезло? Сейчас же ни у кого ничего... Значит, все закопано. Я одного старика поймал, он мне все рассказал и обещал показать место, где восемь кирпичей лежат золотых. Только копать у него сил нет. Это один старичок восемь кирпичей указал! А сколько их тут бегают по поверхности!... Копать надо! Все перекопать. Фонарь, лопата, кусок колбасы – и вглубь.

А что сидеть?!... Может, у кого иначе, а у меня как от полочки до полочки время тянется!... Не знаешь ты...

«– Михал Михалыч, как вы все запоминаете?

– Забыть не могу».

Для Р. Карцева

Каждый город имеет свое лицо, и в каждом городе на один и тот же вопрос вам ответят по-разному. Ну, вот представьте себе Рига. Высокие, вежливые люди. Здесь даже в трамваях разговаривают шепотом...

– Девушка, скажите, пожалуйста, как проехать на бульвар Райниса?

– Бульвар Райниса? Извините пожалуйста... я плехо говорю по-русски. Бульвар Райниса... как это будет по-русски...

– Что, на следующей, да?

– Нет, пожалуйста, извините, будьте любезны, как это по-русски...

– Что, через одну, да?

– Нет, пожалуйста, будьте любезны, как это будет по-русски... на предыдущей... пожалуйста, но вы уже проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете, пожалуйста, два квартала, пойдете пожалуйста прямо, извините пожалуйста, будьте любезны, вы опять проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете пять кварталов назад, повернете направо... пожалуйста, извините будьте любезны, вы опять проехали... Простите мне сейчас выходить, вы вообще из трамвая не выходите, на обратном пути спросите... до свидания, пожалуйста.

А вот и Тбилиси! Ух, Тбилиси! Эх, Тбилиси! Ах, Тбилиси! Ох, Тбилиси!

– Скажите, пожалуйста, это проспект Шота Руставели?

– Ты что, нарочно, да?

– Нет, понимаете, я впервые в этом городе...

– Я, понимаете, впервые... Ты думаешь, если грузин вспыльчивый, его дразнить можно, да?

– Нет, понимаете, я на самом деле впервые...

– Я понимаю впервые... Слушай, как ты мог своей головой подумать, что грязный, кривой, паршивый переулок красавец проспект Руставели?! Слушай не делай, чтоб я вспилил, скажи, что ты пошутил.

– Ну, хорошо, я пошутил.

– Все! Ты мой гость. Ты ко мне приехал, я тебя с мамой познакомлю. Возьмем бутылку вина, у тебя глаз будет острый, как у орла. Возьмем вторую бутылку – будешь прыгать по горам, как горный козел. Возьмем третью бутылку – и ты вброд перейдешь Куру. И схватишься с самым сильным человеком Вано Цхартешвили. А потом на руках мы понесем тебя показывать красавец Тбилиси. Ты скажешь: «Дорогой Дидико, я не хочу отсюда уезжать, я хочу умереть от этой красоты». Я скажу: «Зачем умирать? Жена есть? Дети есть? Давай всех ко мне! Мой дом – твой дом. Моя лошадь – твоя лошадь. Идем скорей, дорогой, я тебя с мамой познакомлю...»

А вот и Одесса.

– Скажите, пожалуйста, как пройти на Дерибасовскую?

– А сами с откудова будете?

– Я из Москвы.

– Да? Ну, и что там слышно?

– Ничего. А что вас интересует?

– Нет, я просто так. Все хорошо. А в чем дело? Я просто так интересуюсь. У вас Москва, у них Воронеж, у нас Одесса, чтоб мы были все здоровы... Вы работаете?

– Конечно, я работаю, но я попросил бы вас: где Дерибасовская?

– Молодой человек, куда вы спешите? По Дерибасовской гуляют постепенно.

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю больше того. Гораздо больше того – я вас туда провожу невзирая на жестокий ревматизм. Но меня волнует положение в Родезии. Этот Смитт такой головорез, такое вытворяет, у меня уже было два приступа...

– Послушайте, если вы не знаете, где Дерибасовская, я спрошу у другого!

– Вы меня обижаете. Вы меня уже обидели. Такой культурный человек, я вижу у вас значок, у меня такого значка нет. Я всю жизнь работал. Прямо с горшка на работу. Ой, нам было очень тяжело, нас было у мамы восемь душ детей. Вы сейчас можете себе позволить восемь душ детей? Нет. Это моя мама себе позволяла. Она была совсем без образования, а сейчас мои дети учатся в университете, а моя бедная мама, она сейчас с братом и дядей лежат на кладбище. Почему бы вам туда не съездить?

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю, но разве так можно относиться к родителям? Если ваши дети не придут к вам на могилу, они тоже будут правы, вы поняли меня? Куда вы пошли? Дерибасовская за углом.

А вот и Москва!

– Ух, машин сколько! Таксей сколько! Людей сколько! Прокормить же всех надо! Ничего, всех прокормим! Где ж у меня адресок был, ах ты Господи. Ага.

– Гражданин, будьте так добры, я сам не местный, я из Котовска, у нас, знаете, на улицах курей больше, чем машин. Так вы не подскажите, как лучше всего пройти или проехать на Садовое кольцо?... А где вы?... Тю!... Утек... Чи то гонится за ним кто? От дурной!

– Гражданочка! Будьте, пожалуйста, так добры. Я не местный. Я из Котовска. Вы не подскажите, как... Куда ж ты бежишь? Что, я на тебе женюсь! Что ж за народ?!

– О! Гражданинчик! Я из Котовска. Будьте так добры... Ненормальный! Ой-ой-ой!... Чи, може, у них здесь заработки такие, что боится секунду потерять?!

– О! Пацанчик! Я из Котовска... Чтоб ты подавился своим мороженым!

– Алле! Москвич! Гражданин в шляпе с портфелем! Я из Котовска... Дети мои! Не оставляйте старика посередине дороги!

– Дочь моя! Куды ж тебе нести, может, тебе уже давно уволили. Остановись, поговорим. Мне нужно на Садовое кольцо! Скаженная! Беги-беги... добегаешься!

– О, бабка! Бабка, стой, рассыпешься! Фью-ю!... Ходовая старушенция. Граждане, православные! Рупь дам тому, кто остановится! Помчались неподкупные!... Гони, гони! Давай, давай! улю-лю-лю!

Мы живем в век техники. Выходим на международные рынки. Машины у нас хорошие, отличные, но их надо рекламировать.

Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, изобретатель Серафим Михайлович... В общем, один чудак изобрел машину для этого... В общем, не дураки сидят!

Целый год работал над машиной, и решили машину в Париж на выставку отправить! Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене, анализы у него не те. Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься – все качественное и количественное. И девчушка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию. Девчушка как раз еще кое-что в физике помнила. А я сам, понимаешь, подустал... Все это мотаешься, гоняешься, перевариваешь эти процессы, все это осваиваешь, так что уже элементарные законы начинаешь подзабывать. Не то что там Джоуля-Ленца или Ома, но и Архи... этого... меда уже конкретно себе в лицо представить не можешь. Вот так! Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит как на гвозде.

Перед отъездом с изобретателем переговорили: выяснили там, какие заряды, какие притягиваются, какие оттягиваются... Ну, в общем, сели, поехали! Приезжаем, слышу на платформе: «Пардон, пардон». Что же это, уже Париж? Ну, прибыли в павильон, распаковались. Народу набежала уйма. Машина – всеобщий восторг!

Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: «Селяви!» В смысле – есть что показать! Народ мне кричит: «Включайте!» Я уже через переводчика говорю: «Нам понятно, граждане французы, ваше нетерпение...»

Только это я сказал...

И вот тут мы куда-то что-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала: «Куда ты втыкал, ты можешь вспомнить?» Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состояние было тяжелое.

Девчушка, та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью случилось и не может вспомнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее колхоз за свой счет лечит, врачи говорят, есть надежда.

Ну, павильон-то быстро отремонтировали, там ерунда, только крышу снесло.

Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди. Хотели изобретателя под стражу взять, но я в это время в больнице лежал, тут за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался...

Я вот, как видите... Маленько перекося, и вот не сгинается. Говорят, могло быть и хуже. Ну, ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!

А что вы думаете? Селяви!

Фельдегерь

Все спрашивают: где я сейчас работаю. Это неважно, важно что я сейчас делаю. Верно, вот он понимает, хоть и седой. Сейчас важно не работать, сейчас важно халтурить. Работа – так, от дзинь до блям. Мне давай работу на шестьдесят, а халтуру я себе найду. Оно же и предполагается: если есть работа на шестьдесят, значит, предполагается, что человек ещё где-то должен добрать двести сорок. Предполагается хобби. На двести сорок. Ты мои руки видел? Руки мои видел? Рашпиль! Коленвал рукой полирую. Это всё она, хобби.

Ну а сама работа моя очень интересная. Ты платные стоянки знаешь? Вот работа моя – взглядом «Жигули» провожать из будки. И взглядом встречать. Ночь дежуришь, три – твои. А меня, чтоб разбудить, четыре частника всем телом бились в окно. На дежурстве так спишь – трое суток потом глаз не смыкаешь... Во, крадут, он правильно говорит, хоть и пожилой. С меня удерживают, верно. Посмотри на меня внимательно. Ты не торопись, в глаза посмотри. Как ты думаешь, много ты с меня удержишь? Вот он верно говорит.

А мне умные люди сказали: сядь в будку на семьдесят, и халтура... Какая?

Вот этот догадывается страшно. Не надрывайся. Ну, рисую я, например.

У тебя Гойя, «Маха голая» есть? Значит, говорю медленно: Гойя – художник, «Маха» – картина. А как «Маха голая» идёт в Донбассе не знаешь? Сорок рублей – вещь. Нас четыре сторожа Мах размножали. Первый месяц – по восемьсот, второй – по четыреста, третий – по триста, четвёртый – по двести. Значит, спрос удовлетворили.

Я будку заколотил – пошёл работать в музей, старушкой. Шестьдесят пять рублей и халтура. День дремлешь, два – твои. Ну пока они там удава сушёного рассматривают, я на трубе тихонько в углу: ис-та-та. Видишь, у меня нос – си-бемоль. Свадьбы играем, похороны. Похороны веселей и, что главное, гораздо короче, гораздо короче. Проводил – и домой. Сколотил бригаду полупроводников... Ну, верно догадался, потому что в одну сторону.

А сейчас фельдегерем пошёл. Ну, егерь – по бекасам, а то – фельдегерь. Не ты один, я тоже не знаю, что это такое. Сказали: девяносто рублей и халтура. Печки начал складывать по сёлам. А что, секрет утерян, а греться надо... Не-е, баба – одно, а печка – другое. Печка – до старости. Я так сложу, такая тяга – дрова вытягивает. Обои наклею – дом развалится, – мои обои стоят.

Вот он улыбается. Ух, щербатый, что, у тебя передних зубов нет? Грустить тебе идёт больше. Вот так зафиксируй, вот так. А что ж ты в мои документы заглядываешь: сторож, истопник, смотритель, курьер. Ты на мои руки посмотри: художник-живописец, строитель, конструктор. Но это всё увлечения... Студент прав, главное – это работа интересная. А в работе самое интересное —

это график: сутки работаешь, трое отдыхаешь. Я за те трое так наработаюсь, что за эти еле отосплюсь.

Для меня зарплата – прямо сюрприз. Специалист высочайшего класса. Есть жалобы, конечно, есть. Не всегда знаем работу. «Махи голые» и печки получаются хорошо, цветные телевизоры ремонтировали – до сих пор ни один не заработал. Ещё подождём.

Но халтура – тоже не всё, пока деликатеса нет. Краба нет, икры нет, печени нет и такси нельзя поймать – хоть ты ему тысячей махай. Так что работа – не всё, и халтура – не всё. Должность нужна, чтоб милиция не подходила. А чтоб должность была – халтура не получается. А получается замкнутый круг, разомкнутый в виде прямой.

Белый свет

До чего мне хорошо в Ульяновке. Стремлюсь куда-то и все время остаюсь. Одиноко. И прозрачно. Какая-то тишина. Какой-то чистый, ясный белый свет.

Хорошо на белом свете. На юге синий, голубой, черно-бархатный... Совершенно беззвучно проезжают троллейбусы. Безмолвные, неподвижные дома. Здесь они действительно неподвижные.

Солнце не греет и не светит, а освещает. Четко-четко. +5 °С... Апрель. И не сумерки, а ясный, светлый вечер. Ни одного телефонного звонка. Обманами, скандалами, холодностью добился своего – сообщения перестали поступать.

А этот холодный белый свет входит в душу.

Один-один среди бела света с белым светом, что придерживаешь губами и веками, и выпускаешь из себя только на бумагу, чтобы сохранился подольше.

Целую.

В греческом зале

Для А. Райкина

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал – музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия тарашилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

– В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось.

Я ей так тихо возражаю:

– Чего орешь, ты, мышь белая?... Ты здесь каждый день дурака валяешь. А мне завтра на работу. стакан бы лучше вынесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

...Что селедку?... Кто селедку?... Какую селедку?... Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!

...Кто Аполлон?... Я – Аполлон? Он – Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!... Никакой культуры. Еле от нее отбился. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать, чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. От умора! От смех! Музей, музей – нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал... Только ударил – как заверещит!... У меня даже банка выпала.

Вахтерша с указкой...

Ну я ей из-под коня так тихо замечаю:

– Чего ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого?! Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну тихо совсем:

– Слышь, штопор есть?

– Это итальянская живопись семнадцатого века!

– Ты не поняла, – говорю, – я тебя не спрашиваю, где брала живопись, я спрашиваю, штопор есть?

– Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

– Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в кромешной тьме, в антисанитарных условиях... Бычки, конечно, руками хватал... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил, колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина – мура, опилки, дурят людей. А тот железный, что на лошади сидел, – тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет – неплохое качество!

Ну а в целом потерял выходной, угробил. Хорошо еще, вечером, в скверике врезали «Зверобой» и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь, говорят, в Большом театре «Столичная» появилась, только билет на «Чародейку» надо брать. Почему же у них сто грамм получается?

* * *

– Дети, дети, поближе. Старшие внизу, не заслоняйте собой младших. Родители на стульях. Мамаша, возьмите на руки маленькую, чуть в сторонку, чтоб не заслонял... Вот так... Сзади плотнее, пожалуйста. Сейчас, сейчас... Минутку. Кто спешит... Все успеют... Вот вы очень высокий... Пропустите вперед девушку... А вы почему не хотите... Ближе. Плотнее. Улыбайтесь... Вы, вы. Не надо грустить. Пусть вы останетесь веселым... Вот-вот... Хорошо. Все улыбаются. Внимание. Пли!!!

Для А. Райкина

Послушай меня, дорогой! Что я тебе скажу. Все идет к тому, что всюду все будет, избыток будет! Но хорошо ли это будет? Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, кровь играет. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда... С избытком не надо торопиться! Почему?...

Ты идешь по улице, встречаешь меня.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи, увидишь.

Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у тебя есть! Я попробовал – во рту тает! Вкус специфический! Я тебя уважаю.

На другой день я иду по улице, встречаю тебя.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи – увидишь!

Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у меня есть! Ты попробовал – речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит – великий двигатель общественных специфических отношений.

Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим – он тоже пошел в магазин.

– Туфли есть?

– Есть!

– Черные есть?

– Есть!

– Лакированные есть?

– Есть!

– Черный верх, белый низ есть?

– Есть!

– Белый верх, черный низ есть?

– Есть!

– Сорок второй, самый ходовой, есть?

– Есть.

– Слушай, никогда не было.

– Сейчас есть.

– Дамские лакированные, бордо с пряжкой, с пуговицей есть?

– Есть!

Ты купил, я купил, мы его не любим – он тоже купил. Все купили.

Все ходим скучные, бледные, зеваем. Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! Товаровед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!

Дай руку, внучек!

Для А. Райкина

Юзик, Юзик, дедушка не может быстро, дедушка устал. У дедушки ноги старенькие. Давай посидим. Ты же хороший мальчик. Сядь, Юзе-нька, сядь, дорогой. Я сказал сядь! Я стенке сказал или кому я сказал?! Или стенке, или кому?! Дедуля что сказал?... Что надо дедуле сказать?... А, бандит, чтоб ты был здоров, арестант. Если бы у меня было такое детство! Ну-ну...

Наша мама всегда стирала, а мы всегда ходили грязные... И какой гвалт... Пятеро хотят писать, один хочет селедку. Какие книжки, какие тетрадки?... Я еще получил очень удачное образование, я чинил примуса. Ты слышишь, Юзик, головки, пистоны, насосы, я знаю, главное – это керосин, чтоб он горел... Моя вся жена пропахла керосином. Нас нельзя было позвать в гости: они от нас имели аромат... Собаки падали в обморок. Ты не знаешь, что такое примус. Вся Одесса качала по утрам и вечерам, и ревела, и взрывалась.

Я тоже был отчаянным, я имел троих, и они выросли. Старший стал военным, утонул в Керченском проливе в первые дни войны. Младший окончил политехнический, уехал в Новосибирск, твоя тетя закончила консерваторию, сидит в Москве... Все разъехались, все ищут счастья. Только мы остались на месте... Ты знаешь, Юзик, я так смотрю и думаю, что я такого сделал особенного?... Так я тебе скажу что. Ничего... Все вложил в детей. стакан молока – дети. Кусочек яблочка – дети. Ложка сахара – дети. Твой папа был слабый мальчик, ему нужны были витамины. А твоей тете нужен был приличный инструмент – она в консерватории. Так всю жизнь. Вы маленькие – мы переживаем, что вы болеете. Вы старше – мы переживаем, что вы плохо кушаете. Потом вы устраиваете нам попадание в институт – мы ночи не спим. Потом вы женитесь – с нами такое творится, моим врагам!

Что надо сказать дяде? Ну!... Здра... Ну!... Здра... Ох, я ему напомню, так он всю жизнь будет помнить. Ну!... Здра... Такой буц здоровый, четыре года скоро.

Отдай девочке мячик. Отдай, солнышко. Ухаживай за ними. Все равно они отдают нам больше, если они хорошие. Все равно они отдают нам все, если они золотые. Твоя бабушка была и ударник, и застрельщик, и я знаю кто... А дети на ней, весь дом на ней. Я ей говорю: «Соня, перестань уже... Перестань! Дети все устроены, мы на пенсии. Перестань, Соня, поспи до восьми. Поедем к детям. Дети за нами будут ухаживать».

И мы сели на колеса и поехали в Новосибирск, где твой папа кандидат, а мама аспирант. Все математики, все в очках, а кто будет варить обед?... И я вижу, моя Соня стирает, а я выкручиваю. Она моет полы, я стою в очередях.

Кое-как поставили этих кандидатов на ноги. Поехали к дочке. Уже Москва, уже скрипачка, уже все удобства. И что я вижу?... Соня стирает, я выкручиваю. Соня варит, я стою в очередях.

Поставили на ноги скрипачей, сняли у них с шеи детей, вернулись домой. Дома отдохнем. Летом у моря. Мы на пенсии. Дети съедутся, будут ухаживать. Съехались дети... Что я вижу, Юзик?... Соня стирает, я выкручиваю. Она варит, я тяну с базара кошелки – лошади оборачиваются. Дети должны отдохнуть. У детей один только месяц – так мы не пойдем на море. Я не помню, когда я был на пляже. Лет десять назад. Случайно. Неважно. Мы отпляжили свое.

Что нам надо, Юзик?... Чтоб у детей наших было немножко больше счастья, чем у нас. Чтоб ты уже попал в институт и удачно женился: есть такие жены – моим врагам, ты же знаешь. И чтобы у тебя были хорошие дети, и чтобы они попали в институт и удачно женились, и чтобы у них были свои дети, тоже хорошие и тоже способные. А мы будем ездить и не будем говорить о болячках. Потому что у кого их нет, и еще не хватает об это говорить.

И будем смотреть на наших внуков, и радоваться, и потихоньку уходить... А все это называется очень просто – хорошая старость.

Правда, Юзик?... Ты же все понимаешь. Ну, дай ручку дедушке, дай, золотко. Мы уже идем. Бабушка нас ждет. Дай ручку. Чтоб ты не знал, что я видел... Чтоб ты был здоров! Юзик, дедушка не может быстро, не забывай...

Для А. Райкина

Я не знаю, как для вас, но для меня Восьмое марта второй день рождения.

Я холостяк. Не старый. Мне восемнадцать до семнадцатого года, плюс пятьдесят один, минус подоходные, плюс бездетность. Я по профессии бухгалтер. Итого мне... шестьдесят девять с копейками.

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо. Но я не спешу. Шестьдесят девять – время еще есть.

С моим возрастом, о котором я сказал выше, с моими данными, о которых я скажу ниже, я мог бы женить на себе весь балет Большого театра, но я не тороплюсь.

Мне говорят:

– Слушай, Сигизмунд, для тебя есть девушка в Ташкенте, стройная, как козочка, ароматная, как персик.

– В Ташкенте. Улица Навои, шестьдесят пять, вход со двора, налево, отдельная квартира с отцом?

– Да.

– С черными глазами, заикается?

– Да.

– Тетя болела желтухой в тридцать шестом году?

– Да.

– Хорошая девушка, но зачем привязывать себя к одному месту?

Я всю жизнь менял адреса и места работы, менял, когда мне не нравился пейзаж за окном или голоса сотрудников. Зачем же мне затихать вдаль? И я сказал себе: «Сигизмунд, тебе рано отдавать, ты еще не все взял от жизни».

И я сбежал к одной врачихе. Доцент. Вот такая толстая диссертация, и тема очень интересная – что-то там в носу.

Такая умная женщина. Бывало, по радио: «Буря мглою небо кроет...»

– Откуда это, Сигизмунд?

Я только открывал рот и напрягал память, как она говорила:

– Ты прав – это Пушкин.

С ней я пошел дальше всех, с ней я дошел до загса. У меня уже был букет, мы с ее мамой перешли на «ты», а папа подарил мне белые тапочки. И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в прекрасном районе, но умна угнетающе». С таким же успехом можно жить в библиотеке или спать в машиносчетной станции.

И я бежал к третьей. Та ничего не соображала, и я почувствовал себя человеком. Я сверкал остроумием, я пел и решал кроссворды. А она сидела, раскрыв рот. Когда человек, раскрыв рот, смотрит на вас целый день, это приятно. Но через месяц это начинает раздражать. Я ей говорю: «Закрой рот, я уже все сказал». И хотя был ужин, и нас поздравляли, и ее папа подарил мне белые носки, я сказал себе: «Стоп, Сигизмунд, шутки шутками, но могут быть и дети». И я бежал домой... где из живых людей меня ждет только зеркало.

Но сегодня, женщины, у нас с вами большой день... Я чувствую, что я созрел. Сегодня я выгляжу, как никогда. У меня еще стройная фигурка, блестящая в некоторых местах голова, слегка подкашивающиеся ноги, небольшое пришепетывание при разговоре, посвистывание при дыхании и поскрипывание при ходьбе. Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить! О Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...

Готовьтесь, птички! Я еду к вам на трамвае!

* * *

Ты женщина. Ты должна раз – лежать! И два – тихо!

Сосредоточенные размышления

Для А. Райкина

Зарядку себе придумали, лишь бы не работать! Лишь бы дурака валять! Здоровый бугай поднимает гири впустую – воздух перемешивает. Пускай камни таскает или вагонетки с углем. И платить ему не надо: он же за гири денег не берет!

Если весь народ по утрам вместо гирь будет яму копать, знаете, какая колоссальная экономия будет?! А если другие туда воды накачают и гусей пустят... На каждого получится по два гуся.

Я ж не один день думал!

А этот футбол – двадцать два бугая мяч перекатывают. А если им вместо мяча дать каток, они ж за полтора часа все поле заасфальтируют. А зрители еще по рублю дадут. Бешеные деньги пойдут.

А марафонца видали? Страус! Сорок километров дает бегом. Его кто-нибудь использует? Он же бежит пустой! А если он почту захватит или мешок крупы в область? У нас же составы освободятся. Я уже не говорю про штангистов. Человек полтонны железа поднимает и обратно кладет. Так дайте ему груз, чтоб он его наверх подавал. Бочки с селедкой, раствор, ящики с кирпичом пусть выталкивает. И рекорды ставь: ты – две бочки, я – четыре, чемпион мира – шесть!

Кто у нас остается? Артисты, художники, ревматики, склеротики и прочий боевой отряд физически недоразвитых людей. Их надо использовать на тонких работах. Вот балерина – крутится. Крутится, крутится, аж в глазах рябит. Прицепить ее к динамо – пусть ток дает в недоразвитые районы. А ты, иллюзионист, у тебя из пустого ведра курица вылетает. Иди, обеспечивай народ курями. Ведра у всех есть, куры не у всех. Тебе каждый спасибо скажет, если честно будешь работать. А писатель пишет. Ходит туда-сюда, обдумывает. Что он там напишет, никому не известно, а пока ходит – прицепить к нему рычаг, пускай воду качает. Хоть какая польза будет...

Вот так каждого использовать. Такое будет! Такое состояние благо. Такой прогресс. Такой Урожай. Вместо голубей этих дурных на крышах индюки будут сидеть, и тогда сразу вперед скакнем. Я ж не один день думал, что, я дурак?!

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем Юге и чьем-то Севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие – квартиры без крыш. Засыпаешь один, просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда – семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочновосковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их.

От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц август, – дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все – никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

– Сема, иди домой, иди домой, иди домой!

– Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой...

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что двадцать больше.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– А вы чем гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать, у них выпадут волосы, вместо того чтоб говорить, они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица «Стой! Кто идет?!» Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

– Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет: «Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила».

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно и кто-то – шепотом, от которого волосы шевелятся:

– Вот эта уже получше.

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поженив, разбегаться. Отсюда дети. Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка и скорость не упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получаются хуже, хотя отец нашей космонавтики Королев – одессит. Как Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс, все мои родственники, Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Бабеля и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, но уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно и целуются в малолитражке «Фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптанным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался: «Вы что, не мерзнете?»

– Почему? – ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна, – значит едет вверх; если едет вниз – значит тормозит. Ушибы, переломы, носки, надетые поверх сапог, – очень красивая зима.

Город компактный. Пешком – за полчаса от железного до морского вокзала.

Главная улица – Дерибасовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда... Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет – вон она.

– Где?

– Вон!

– Где?

– Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу именем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи и все живут как в аквариуме и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим. Ну-ка, давайте откроем окно:

– Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?

– Идет, но сейчас он движется в обратную сторону – хоть сядьте туда лицом.

Вот это мой двор. В Одессе не говорят «мой дом», – «мой двор».

Как вернулись после войны, так с 45-го года здесь живем с мамой.

Художники из Одессы уезжают.

Ее надо заканчивать, как школу.

Все жизненные пути одесситов упираются в море.

Дальше начинается другая жизнь, другая компания, другая страна.

Холера в Одессе

Вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, а это уже вся Одесса, из которой мы часто выезжаем и редко возвращаемся... Как приятно после долгой поездки вернуться домой, войти в родной двор, увидеть родное АГВ, услышать родное КВН. И утром сквозь сон слышать голос соседки:

– Мадам Жванецкая, ваш Миша вернулся?...

– Да... Он еще спит.

– Я же говорила... Это все детство... Он будет человеком... Это все детство... Кстати, у меня есть девочка. Мне кажется, она ему подойдет.

– Я уже не знаю, кто ему подойдет.

– Она ему точно подойдет. Она любому подойдет. Только сначала мы должны туда подойти.

– Я уже не знаю, у него нет времени для личной жизни.

– У нее фигура. Я такой фигуры не видела. Таких фигур сейчас нет вообще! А умница!... Пишет, пишет, все время что-то пишет. Что она пишет?... Когда ни войдешь, она пишет... Папа профессор, мама профессор, брат профессор.

– Профессор или провизор?

– Провизор. Таких семей нет вообще.

Я уезжаю и возвращаюсь, а двор наш не меняется, только жители тихонько стареют. И соседу напротив все трудней подниматься на бельэтаж. И дворничихе, которая развешивает кучу белья каждое утро, труднее подпрыгивать, чтобы отщипывать его. И моей маме трудно уже ездить в аэропорт и она встречает меня дома. А кого-то уже нет во дворе. Да и я, как бы далеко ни заезжал, вопреки всем законам Эйнштейна старею также. Мой двор, куда мы приехали сразу в 45-м, где мы знаем друг друга, как муж и жена, где жаркими ночами лежим на своих верандах и

переговариваемся, где утром выскакивает намыленный жилец второго этажа и кричит вниз:

– Даша, закройте воду: мне нечем смыть!

– А я что, по-вашему, я тоже в мыле. У меня дети в мыле... В общем, я крикну – вы откроете. Вы крикнете – я закрою.

Двор, где ничего нельзя удержать в секрете:

– Что вы несете, Гриша, в одеяле с женой? Что-то тяжелое, квадратное, похожее на телевизор?

– Телевизор.

– Если мне не изменяет зрение, вы недавно покупали один телевизор.

– Этот нам подарил сын.

– Какой сын, когда он вам подарил, что вы рассказываете, противно слушать?! Надежда Тимофеевна, что это у вас в руках такое круглое?

– Это левая краска, занесли во двор.

– Какая это краска?

– Я вам говорю, левая.

– Я понимаю, левая, но она же имеет цвет.

– Левое бордо.

– Что вы будете красить?

– Плинтуса и наличники.

– Я тоже хочу.

– Идите к Даше. Там уже сидит продавец.

Мой двор, жители которого с восьми утра учителя, врачи, канатчики, столяры, а в пять они снова – тетя Рита, дядя Коля, баба Даша.

– С приездом, Миша. Откуда?

– Из Ленинграда.

– Тянет в Одессу... Слушай, тут слух идет... Неужели это правда? Такой человек... Это правда?

– Это неправда.

– Я же говорю: такой человек. Конечно, это неправда... А что с командой КВН? Команда грустит?...

– Нет.

– Конечно, нет. Грустить из-за Баку? Терять здоровье из-за Баку?! Таких Баку еще будет и будет, а Одесса требует жизни... Что ты смеется? Я не прав?

– Ты прав.

Из Одессы можно выезжать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться. Здесь, когда доходит до дела, все моряки, все рыбаки, все врачи и все больные... И когда была холера, в Одессе стало еще лучше.

Холера в Одессе. Курортники в панике покинули гостеприимный город. На крышах вагонов битком, купе забиты, а в городе стало тихо: холера в Одессе... В ресторане свободно. «Заходите, рекомендуем...» В магазинах от вашего появления начиналась здоровая суета. В трамвае вы могли уступить место женщине без опасения, что на него тут же ринется быстрый конкурент. Холера в Одессе!... В городе стало так чисто, что можно было лежать на асфальте. На улицах появились растерянные такси с зелеными огоньками, чего не наблюдалось с 13-го года.

И стаканы в забегаловках вымыты, и трубы все исправлены, и туалетики в порядке, и личики у всех чистые, и мы моем ручки до еды и после еды, и кипятком, и чистим, и пьем тетрациклин, и вежливы... Вся холера стоит той вежливости, которая появилась тогда в Одессе. А анализы, как они сближают... Конечно, холеру быстро ликвидировали, но то хорошее, что принесла холера с собой, могло бы и остаться. То, что есть в людях, но проявляется в трудную минуту. Забота. Сплочение.

Мы – одесситы! Один коллектив, одна семья, одна компания! Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей – «чистые руки» – пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми... В общем, вам передают привет наши родственники, знакомые, знакомые наших знакомых, то есть вся Одесса, где нас девятьсот восемьдесят тысяч и девять человек в театре миниатюр, от имени которого говорим мы, от имени которых говорю я. И чтоб мы были все здоровы, и побыстрее, потому что летом нас будет девятьсот восемьдесят тысяч и, наверное, миллион приезжих, чтоб они были, наконец, здоровы и мы тоже, хотя нам это трудней. Они у нас отдыхают, а мы тут каждый день. Но кто об этом говорит, когда речь идет о гостеприимстве, а в этом вопросе Одесса приближается к Грузии, удаляясь от Ирана... Мы приветствуем вас, желаем вам счастья, трудов, забот, побед и крепкого здоровья, тьфу, тьфу, тьфу!

После разлуки

Итак, Одесса, после долгого перерыва здравствуй! Разные чувства овладевают при выходе на знакомую сцену. Раньше можно было сказать: Одессу нужно беречь. Сегодня нужно сказать: Одессу нужно спасать.

Одесса держалась на трех китах: искусство, медицина, флот. Что такое искусство, медицина, флот? Это люди, личности. Если их выкорчевывать, если одобрительно смотреть, как разбегаются писатели, журналисты, если преследовать редчайших ллойдовских капитанов, загнать их в Тикси, как Никитина, в Ялту, как Дашкова, на Дальний Восток, как Назаренко, то мы получим то, что мы получили. Анкеты у всех – в порядке, полный ажур. И нет жизни. Теперь, чтоб что-то поставили в театре – надо пригласить, чтоб вылечили – надо выехать, чтоб спасли – надо позвать с берега.

Долгое время нам внушали, что своеобразие Одессы в промышленности. Нам запрещали говорить одесским языком, нам запрещали петь одесские песни и танцевать под них. Разные бригады из разных городов наводили здесь порядок. И сейчас некоторое среднее руководство одолевает тоска по порядку: «Эх, крепкая рука нужна», «Эх, осадить надо», «Эх, вона что с молодежью, прикрутить надо».

Я только хочу сказать: мы там уже были. Мы только что оттуда. Мы этот край запретов, раз-до лбов и КПЗ знаем наизусть. Мы там каждую тропку знаем. Результат известен всем: на все запреты и приказы мы ответили огромной неосознанной неподвижностью, очень напоминающей забастовочное движение – ни в одной столовой нельзя было поесть, ни одно пальто нельзя было надеть, ни одна электроника не срабатывала, залы кинотеатров были пустыми, центрами культуры стали очереди. А успехи мы имели там, где не могли проверить сами. Сейчас другое. Сейчас мы испытываем один из тех счастливых моментов, когда мы живем в согласии со своим правительством. Этот момент надо использовать для возрождения Одессы.

В Москве и Ленинграде собираются люди и защищают памятники культуры, старые дома. Вся Одесса – величайший культурный памятник мира.

Напиши в любой афише: «Как пройти на Дерибасовскую», «Одесса улыбается» – в любом месте земли аншлаг обеспечен.

Я счастлив, что я снова в Одессе, Одесса – не Сицилия, нам не свойственно чувство мести, мне достаточно того, что те, кто запрещал, пригласили меня.

Я снова в Одессе, хотя я жизнью обязан Ленинграду, Москве, где я честный член «Одеколона», то есть Одесской колонии в Москве. Я жил Одессой, кормился ею, писал для нее, и жаль, что полностью понять меня могли только там, где меня не было. Но когда я летом хожу мимо одесских дач и из-за забора слышу свой голос, – что может быть выше этой чести быть понятым еще при жизни?!

* * *

*Во дворе съемочная группа. Крики: «Михаил Михайлович! Ну, Михаил Михайлович!»
Я спешу, выскакиваю во двор. Подходит соседка.
– Миша, у тебя есть свободная минутка?*

- Для вас, *Майя Матвеевна*, всегда.
- Застегни брюки, пожалуйста.

Леониду Осиповичу Утесову

Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом небе, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах, в этих двух усыпанных огнями многоэтажных домах, один из которых медленно отделяется от другого и пропадает. Нет, что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное.

– Я хожу по Одессе, я ничего не вижу интересного.

– Вы и не увидите, надо слышать. И перестаньте ходить. Езжайте в Аркадию стареньким пятеньким трамваем, садитесь на скамейку, закройте глаза. Ш-ш-ш, – вода накатывается на берег, – ш-ш-ш...

– Внимание! Катер «Бендиченко» отходит на десятую станцию Фонтана...

– «Это очень, очень хорошо...»

– «Ах, лето...»

– Потерялся мальчик пяти-шести лет, зовут Славик. Мальчик находится в радиоузле. Ненормальную мамашу просят подойти откуда угодно.

– Граждане отдыхающие! Пресекайте баловство на воде! Вчера утонула гражданка Кудряшова и только самозабвенными действиями ее удалось спасти.

– Ой, я видела эту сцену. Они все делали, но не с той стороны. А, это искусственное дыхание не с той стороны... Она хохотала, как ненормальная.

– Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего?

– В честь нашей встречи, мадам.

– Остановись, Леня! Что делает эта бабка?

– Она думает, что она перебегает дорогу. Я не буду тормозить.

– У вас есть разбавитель?

– Нету.

– В бутылках.

– Нету.

– В плоских бутылках...

– Нету.

– У вас же был всегда!

– Нету, я сказала!

– Не надо кричать. Вы могли отделаться улыбкой.

– Что ты знаешь! Я не могу с ним ходить по магазинам, он им подсказывает ответ. «Скажите, пива нет?» Они говорят: «Нет». «А рыбы нет?» Они говорят: «Нет». Тридцать лет я с ним мучаюсь. Он газету не может купить. Он говорит: «Газет нет?» Они говорят: «Нет».

– Алло, простите, утром от вас ушел мужчина... Ну, не стесняйтесь, мне другое надо узнать. Каким он был, вы не вспомните? Кольцо, сустав, очки, брюки серые, потрепанные... А, значит, это все-таки был я! Извините.

– Что ты знаешь! У него печень, почки, селезенка... Весь этот ливер он лечит уже шестой год.

– А вы где?

– Я в санатории.

– А нас вчера возили в оперный.

– Внимание! Катер «Маршал Катыков» через десять минут...

– «Если б жизнь твою коровью исковеркали любовью...»

Откройте глаза. 24 марта. Никого. Пустынный пляж. Ветер свободно носится в голых ветвях. Прямые углы новых районов, параллельно, перпендикулярно. Приезжие зябнут в плащах.

– Скажите, где можно увидеть старую Одессу?

– На кладбище.

Наверно, старого кладбища уже тоже пока нет. Есть сквер, молодые деревья на месте старых могил о чем-то символически молчат. Так и живем, не зная, кто от кого произошел, определяя на глаз национальность, сразу думая о нем худшее, вместо того чтобы покопаться...

Вдали трубы заводов, новые районы, по которым сегодня этот город можно отличить от других. Дети из скрипок ушли в фигурное катание, чтоб хоть раз мелькнуть по телевидению. Новый порт, аммиачный завод, ВАЗ-2101, 02,03...

Но закройте глаза. Проступают, отделяются от старых стен, выходят из дикого винограда, из трещин в асфальте и слышны, слышны, слышны...

– Вы же знаете, у него есть счетная машинка, он теперь все подсчитывает. Услышал об урожае, пошевелил губами, достал машинку и что-то подсчитал. То ли разделил урожай на население минус скот, то ли помножил свои дни на количество съедаемого хлеба и сумму подставил под урожай в качестве знаменателя. У него есть счетная машинка, он все время считает, он как бы участвует в управлении страной. Он прикинул количество чугуна на каждую нашу душу. А бюджеты, расходы, займы... У нас же никогда не было времени считать, мы же не могли проверить. Теперь Госплану нужно действовать очень осторожно, потому что он его все время проверяет. Мальчику десять лет, и он такой способный.

– Андруша-а-а!

– Я вам говорю: кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги и находит дичь, грибы и рыбу.

– Андруша-а-а!...

– Я с женщин ничего не снимаю, жду, пока сойдет само...

– Какой он сатирик? Он же боится написанного самоим собой! Что вы его все время цитируете?

О Боже, сохрани этот город, соедини разбросанных, тех, кто в других местах не может избавиться от своего таланта и своеобразия. Соедини в приветствии к старшему, преклони колени в уважении к годам его, к его имени, обширному, как материк. Многие из нас родились, жили и умерли внутри этого имени. Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования! Но нет специального одесского юмора, нет одесской литературы, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания. Есть живой человек, степной и горячий, как летний помидор, а есть бледный, созревший под стеклом и дозревший в ящике. Он и поет про свою синтетику, и пишет про написанное. А писать, простите, как и писать, надо, когда уже не можешь. Нет смысла петь, когда нечего сказать, нет смысла танцевать, когда нечего сказать. И если у человека есть его единственное движимое имущество – талант, – он и идет с ним, и поет им, и пишет им, и волнует им, потому что талант – это очень просто, это переживать за других.

«Вот время: жен меняют – любовница постоянная».

Коротко о себе

У нас сатириками не рождаются, их делает жизнерадостная публика из любого, ищущего логику на бумаге. А при отсутствии образования, лени, нежелании копаться в архивах и жить бурной жизнью костного хирурга – писать не о чем. Переписывать то, что написано классиками, не получается, ибо нравится как написано. Шутить и хохотать по любому поводу хочется, но уже физически трудно. А тот, кто с размаху падает на тротуар, гремя кастрюлями и разбрызгивая кефир, вызывает сочувствие, а не хохот, что, конечно, плохо отражается на так называемой литературе.

Заметил в себе, тороплюсь оградить тех, кто незаметно стареет, – от мудрости, этого жалкого состояния физического слабосилия, когда истины не знаешь также, как и все, но почему-то стыдишься этого.

А полное отсутствие юмора и большое уважение к собственным словам создают интонацию, которая ее заменяет.

Оглянувшись вокруг и увидев, что многочисленные разоблачения, монологи, фельетоны и указывания пальцем только веселят уважаемую публику, а не приводят к немедленному уничтожению недостатков, он заметно сник, поглупел и стал подумывать о тихом возделывании настоящей малопродуктивной почвы, где-нибудь в окрестностях Москвы под Одессой.

После того, как его однажды ошибочно пригласили на большой концерт, а потом попросили не выступать и, когда это состоялось, столь горячо благодарили и так одарили подарками и бутылками, что он задумался: может, с таким огромным успехом и продолжать не выступать при большом стечении народа, а слушать передачу «Наш сад» всей душой с вопросами и письмами, и кормить людей помидорами, а не упреками.

Для Р. Карцева и В. Ильченко

- Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте! Мне подождать? Я подожду...
Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте мне... Подождать? Я подожду...
Дайте мне два билета, дайте!
- А вы кто такой?
- Я Петров, уполномоченный.
- Чем вы докажете, что вы – Петров?
- Вот мое удостоверение! Видите? Вот!
- Мало ли что я вижу. Я все вижу. Вот верю ли я?
- Вот письма на мое имя, вот бланки, читайте, все – Петрову, читайте!
- Можете мне все это не показывать. Чем вы докажете, что вы – Петров?
- Вот моя доверенность!
- А чем докажете, что она ваша?
- Удостоверение, фотокарточка! Сличайте! Сличайте!!
- Похоже, ну и что?
- Это – я!
- А это – я.
- Это мое удостоверение!
- Чем докажете?
- Родинка, видите, вот!
- Ну-ну.
- Видите – родинка?
- Ну.
- И вот родинка. Видите?
- Ну и что?
- Я встану вот так, а вы сличайте меня, сличайте!
- Есть сходство. Доверенность на Петрова?
- Да!
- Вот он придет, я ему и дам.
- Он пришел, я уже здесь!
- Чем докажете, что вы Петров?
- Удостоверение!
- А чем докажете, что это ваше удостоверение?
- Фотокарточка!
- А чем докажете, что это ваша фотокарточка?
- Родинка!
- Чем докажете, что это ваша родинка?
- А чем вы докажете, что вы – кассир? Чем?
- Я – кассир! Вот деньги, билеты, окошко и надпись: «Сидоров – кассир».
- Вы не Сидоров – кассир!
- Нет, я кассир!

- Вы не кассир!
- Нет, я кассир!
- Вы пришли с улицы и сели, а кассира убили! Труп – в сейф!
- Что ты плетешь? Вот сейф пустой, ты что?
- Убрали, успели и сели вместо него. Вы не Сидоров – кассир!
- Да ты что? Вот паспорт на десять лет, дурака валяешь!
- А паспорт отняли!
- А карточка?
- Наклеили!
- А печать?
- Выкрали из милиции. Зарезали паспортистку, достали бланк, заполнили ее рукой, кровь смыли. Вы же смыли всю кровь! Зачем вы смыли кровь?
- Да ты что? Вот, все знают, все подтвердят.
- Ребята, кто я?
- Ничего не значит, вы сговорились!
- Да вот мой начальник!
- Это не он.
- Лаптев!
- Врет!
- Константин Петрович!
- Притворяется. Как ты сюда попал, убийца? Ты убил кассира! Ты его... Зачем ты его убил? Что он тебе сделал? Сидел человек, работал, а ты взял да его кокнул. Убийца!
- Да чего ты, чего ты, чего ты?! Я двадцать лет тут сижу работаю, чего ты?
- Я вот тебя сейчас укокошу, сам сяду. Что, я буду Сидоров – кассир?
- А я умею работать, а ты нет!
- Тебя выучили и подготовили.
- Я выдаю деньги и получаю зарплату!
- Ты не кассир!
- Ну а кто я?
- Какой ты кассир?
- Ну а кто я?
- Не кассир, и все!
- Ну а кто я?
- Ты танкист. Я тебя узнал.
- А-а, вот ты и влип! Я же не умею заводить танки!
- Научат!
- Я даже не знаю, как в него влезть.
- Покажут!
- А где эти танки, где они?
- Узнай и приходи!
- Нет, я все-таки Сидоров – кассир!
- Нет!
- Возьми свои два билета, отстань от меня!
- Отойди от меня! (*Рвет билеты.*) Убийца!!!

По тому как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично.

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Главная мечта нашего человека – попасть на склад. Внутрь базы. В середину.

– Скажите, это склад? Тот самый?

– Да.

– Слава Богу. Я пока к вам попал... Ни вывески, ничего. Мне сказали, что здесь все есть.

Я не верю, конечно.

– Что вам?

– Вот это я могу... вот это что?

– Сколько?

– Одну можно?

– Сколько?

– Полторы.

– Дальше.

– А у вас есть?... Подождите, а можно с женой? Я мигом. Я только здесь.

– Пропуск на одного.

– А позвонить?

– Отсюда нельзя.

– А сюда?

– И сюда нельзя. Быстрее. У меня кончается рабочий день.

– А завтра?

– Пропуск на сегодня.

– А вы мне поможете?

– Я не знаю, что вам нужно.

– Ну, что мне нужно, ну, что мне нужно? Мне нужно... Ой, ой... ой, ну, что мне нужно,

Господи? А что у вас есть?

– Что вам нужно?

– Ну, что мне нужно?... Ну, лекарства какие-нибудь.

– Какие?

– А какие у вас есть?

– А какие вам нужно?

– Ну... *(всхлип)* пирамидон.

– Сколько?

– Да что пирамидон! Ну, что вы, в самом деле? Мне нужно... Ой... Ну, что пирамидон...

Ну, пирамидон тоже... Ой...

– Сколько?

– Ну, десять... Что я с пирамидоном?...

– Восемь?

– Да. Десять, десять.

– Пожалуйста.

– Пятнадцать.

– Пожалуйста.

– А можно еще две?

– Можно.

– И еще одну.

– Хорошо. Дальше.

– А что у вас есть?

– Что вам нужно?

– Что мне нужно? Что вы пристали? Мне сказали – в порядке исключения для поощрения.

– Так вы отказываетесь?

– Что-о! Кто? Я?!... Из одежды что-нибудь?

– Что?

– Шапки.

– Одна.

– Да. Две.

– Дальше.

– И еще одна.

– Три. Дальше.

– Пишите четвертую.

– Так. Обувь?

– Сандалий импортных нет?

– Есть.

– Белые.

– Сколько?

– Белые!

– Сколько?

– Они белые?

– Белые.

– Две.

– Пары?

– Одна и джинсы.

– Белые?

– Синие одни. А что, и белые есть? То есть белые две и сандалии две.

– Пары?

– Одна... Нет, две и джинсы. Две и джинсы одна.

– Пары?

– Две.

– Две?

– Три.

– Три.

– Четыре, и будет как раз, потому что мне не только. Я хотел... тут надо для...

– Нет.

– Меня... но я просто сбегаю... А что у вас из продуктов питания?

– Что вас интересует?

– Меня интересует, ну, поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.

- Батон?
- Два. А хорошая?
- Два.
- Три. А какая?
- Какая вас интересует?
- Ну, такая... покрепче...
- Значит, три.
- А что, есть? Четыре.
- Четыре.
- Пять.
- Ну...
- Ясно... Четыре, а один чуть раньше.
- Значит, пять.
- Почему – пять? Один раньше.
- Дальше.
- Что есть?
- Что вас интересует?
- Что? Ну, вот эти... Как их? Крабы есть?
- Сколько? Одна?
- Две.
- Две.
- Три.
- Три.
- Четыре.
- Четыре... Ну?
- Ясно... Я слышал, такие бывают языки... такие оленьи... Я понимаю, что...
- Сколько?
- Кило.
- Они в банках.
- Одна... Нет, две... Или три... Чтоб уже сразу. Ну, если вам все равно – четыре.
- Вы их не будете есть. Они своеобразного посла.
- Тогда одну.
- Одна.
- Две. Себе и на работе.
- Нельзя. Только вам.
- Ну, да, я съем сам. Вы сможете посмотреть.
- Одна.
- Нет. Две. Вдруг подойдет. Я тут же – вторую.
- Две.
- Нет, одна. Денег не хватит. Скажите, а вот, допустим, рыба.
- Сколько?
- Нет. А вот свежая.
- Живая, что ли?
- А что? Вот живая.
- Какая?

- Живая-живая.
- Какая вас интересует?
- Кого, меня? Меня интересует... сазан.
- Сколько?
- А сом?
- Сколько?
- Тогда стерлядь.
- Сколько?
- Форель.
- Ну?
- Есть?
- Сколько?
- Три.
- Три.
- Четыре.
- Четыре.
- Четыре и стерлядь.
- Пять.
- И сом.
- Испортится он у вас.
- Тогда один.
- Пишу сразу два. Но они испортятся.
- Пишите три... пусть портятся. Вобла.
- Сколько?
- И пиво.
- Какое?
- А какое есть?
- Какое вас интересует? У нас восемь сортов.
- А какое меня интересует? Жигулевское. Оно вроде получше.
- Ящик?
- Бутылку.
- Все?
- Все. Водка есть?
- Какая?
- «Московская».
- Сколько?
- Сто.
- Бутылок?
- Грамм.
- Здесь?
- Да. А у вас есть? (*Шепчет.*)
- Сколько?
- Два.
- Потечет.
- Заткну. А есть? (*Шепчет.*) Живой?...

- Сколько?
- Два.
- Два.
- Четыре.
- Мы гоним только до ворот. Там гоните сами.
- А есть (*шепчет*) для?...
- Мужской, женский?
- Я думал, он общий.
- Ну?
- Тогда женский.
- Один?
- И мужской.
- Один?
- По два.
- По два.
- По три и... детский.
- Детских не бывает. Это же дети. Вы соображаете?
- Тогда по четыре и еще один мужской и один женский.
- Значит, по пять.
- Значит, по пять и еще по одному.
- Да вы их не израсходуете за десять лет.
- Тогда все. Тогда по шесть и еще по одному потом, и все.
- Значит, по семь.
- И еще по одному потом. А я слышал... (*шепчет*) бывают американские против... невозможного... а мне... (*шепчет*), а мне... (*шепчет*), очень... (*шепчет*) я с детства... (*шепчет*), врожденное... (*шепчет*), говорят, чудеса, а мне... (*шепчет*) она...

- Сколько?
- Что, у вас есть?!
- Сколько?
- Двести.
- Это мазь.
- Десять.
- Определенное количество на курс.
- Сколько?
- Не знаю, может, сто.
- Сто пятьдесят, здесь намажу и возьму с собой.
- Хорошо, сто пятьдесят.
- Валенки есть?
- Сколько?
- Не нужно, это я так.
- Все?
- Мне еще хотелось бы...
- Все.
- Ну, пожалуйста.
- Все! (*Лязгает железом.*) Сами повезете заказ?

- А что, вы можете?
- Адрес?
- Все положите? Может, я помогу?
- Куда везти?
- На Чехова... то есть на Толбухина. А в другой город можете?
- Адрес?
- Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас... Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сука. А ночью можно?
- Кто ж ночью повезет?
- Тогда замаскируйте под куст.
- Не производим.
- Тогда брезентом. Я палку найду под оружие – и на вокзал. Слушай, двух солдат при оружии...
- Не имеем.
- А настоящее оружие дадите для сопровождения тоже под брезентом?
- Так что, два оружия поволокешь?
- А что? Два оружия – никто не обратит... А если колбасу... Ну, хоть пулемет?
- Это гражданский склад. Севзапэнерго-дальразведка.
- Мне до вокзала. Там на платформу, сам охраняю и – на Север.
- Ты же здесь живешь.
- Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо – живи. А хорошо... Не дадут.

Играет румынская музыка

Играет румынская легкая, очень легкая, мелкая, легкая музыка. На работе страшно на него накричали. Дома ужасно на него накричали. По дороге домой просто жутко на него накричали. Где только на него не кричали. Он был слабый человек. А день был роскошный, весенний. Он был слабый человек. Небо стало серым и подуло свежестью. Он был слабый человек. Он не знал, что делать. Он искал тех, кто ему советовал срочно изменить образ жизни, но их уже не было... Пробежал куда-то мужчина с обрывком веревки на шее. Видимо, только оборвал и бежал безо всякого маршрута... Не то, чтобы куда-то, а просто откуда-то. Он искал тех, кто требовал, чтобы он решился. Ну, он решился... Он был слабый человек... Тут что-то надо было решать... И (еще хуже) что-то надо было делать. А решать он не умел.

Он трогал свою веревку. Он любил ее натягивать и трогать. Она басовито гудела. Он даже научился себе аккомпанировать. И пел, пел южными ночами о своем внутреннем мире. И песни эти становились все уверенней...

* * *

На вопрос: «как живешь?» – завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку... В общем, ушел от ответа.

Диалог с зеркалом

Загадка ты для меня... Чего ты хочешь от этой жизни?... Не прячь глаз! Подыми!... Телевизор сломался, телефона нет, соседи на даче, холодильник съеден. Что ты можешь предложить?... А?... Смотри в глаза!

Читать нечего, писать не о чем, пить бросил, к женщинам остыл... Ха-ха... Ну?!... Что будем делать?... Задумался... Ленинград не радует, Москва утомляет, Одесса не веселит... Куда податься?... Видишь, засомневался... Со мной всегда... Со мной не только засомневаешься – заколеблешься... Деньги где?!... Ну, ладно, об этом потом... Борща нет, суп надоел, уху не из чего... Чувствуешь запах?... Пессимизмом пахнет... Что предпримем, куда пойдём?... Смотри в глаза... В кино – старье, в театр – дорого, газеты не выписаны, мусор не выброшен, в ресторане был! Стоп! Все!

Что предложишь? Куда предложишь?... В чем предложишь?! Штаны залиты, юбку не ношу, носки кончились... Смотреть в глаза! Вот ты и затосковал... Как я тебя уел!... Апрель кончился, май не начался, солнца нет, тучи вертятся, луны не было. То есть, в пальто жарко, в куртке холодно, плаща нет, в ресторане был! Все! Молчу... Что посоветуешь?... Теперь морально: себя слушать противно, ее – тоскливо, его – неинтересно... Я тебе скажу, чем это пахнет... Что? Брось зеркало. Брось!... Не бросай: несчастье будет... Там восемь человек было. Как ты полез расплачиваться?... Откуда у тебя такая глупая рожа: папа умный, мама практичная, бабка радостная, деда нет... Где деньги?... Где банкноты, которые нам государство дало на расход?... Как ты со своей хитрой рожей собираешься держаться до двадцатого?... Вскипяти воду... Размочишь вчерашнюю корку и сделаешь из нее гренку... Пошел! Пошел! Деньги кончились, пива нет, вода не идет, газ отключили... Пошел! Пошел! Ой, юмор, не могу... Иди, иди... От товарищей оторвался, к женщинам не пристал, к чему пришел... У чего сидишь?... Ковыляй, ковыляй... Ни умница, ни дурак, ни пьяница, ни трезвенник, ни верующий, ни атеист, ни спортсмен, ни публицист... Ты кто?... Чего ждешь? Чем кончишь?... Ох, ты странный... Мне уже с тобой неинтересно... Кстати, хочешь в летнюю школу истребителем?... Почему?... А может, и не собьют... А ты вылетай пораньше... А ты этих не бомби. Бомби тех, у кого их нет... Ну, ладно. Жалко – вообще не бомби...

Одесский пароход

– В чем дело, здравствуйте? Вы хотите войти, здравствуйте? Вы хотите ехать, здравствуйте?

– Да, да, не беспокойтесь, дайте взойти.

– Хор надо имени Пятницкого позвать, чтобы ради такого праздника именно... Можно тронуться именно?

– Да, троньтесь быстро, у меня куча дел.

– Все, все, я капитан, я даю команду, чтоб вы знали. И-и-так! Во-первых, спокойно мне всем стоять! И, во-вторых, а ну-ка мне отдать концы, спокойно всем!

– Почему именно вам?

– Тихо! Ша! Чтоб мухи не было мне слышно!

– Вам слышно?

– Тихо! Отдать концы. Я говою именно тебе, Яша, отдать концы!

– Почему именно я?

– Мы идем в моне. Мы отходим от п'ичала.

– Какой отходим? Зачем весь этот маскаяд? Если мы пришли, давайте стоять. Мне это н'явится: то стой, то иди.

– Но мы же паяход.

– Паяход-паяход. Как минимум надо сп'есить у людей.

– Яша, я п'ешу, п'екъяти п'ения.

– А! Эта культу'я, этот капитан.

– Яша, клянусь тебе женой Изи, что следующий ейс ты будешь наблюдать с беega.

– Мне уже страшно. Я уже д'ёжу. Я такой паяход вижу каждый день. Это подвода вонючая. Через неделю после нашего отхода запах в по-йту не вывет'ивается.

КАПИТАН. Все. П'ения закончили, мы поднимаем паюса, мы отходим от п'ичала. (*В машину.*) Внимание! Атход!

В МАШИНЕ ДВОЕ. Ну что? Будем отходить?

– Кто сказал?

– Он так сказал.

– Что-то я не слышал.

– Я тебе говорю, он так сказал.

– Что-то я не слышал.

– Я тебе говорю – он так сказал.

– Я же был рядом.

– Ну?

– Почему же я не слышал?

– Может, ты отходил.

– Без тебя? Куда я отойду? Мы отойдем вместе.

ПО РАДИО. В машине! А тепей се'езно! П'иготовиться к большому отходу.

– Так почему же я не слышал, что он сказал?

– А если он сказал мне.

– Только тебе?

– Допустим.

– Ты и отходи. А мы постоим.

– Ну, не балуйся. Я говорю, он сказал. И вообще, если...

ПО РАДИО. Отдать концы. Отходим от п'и-чала.

– Слышал? Давай.

– Почему именно я?

– А кто?

– Хочешь поговорить?

– Да.

– Выключи!

РАДИО. Отдать концы. Я сказал, отходим от п'ичала. Эй, в машине, еб'ятки. Это се'ъёзный язговой!

– Выключи, я сказал.

РАДИО. Отдать... *(щелчок)*.

– Так что именно он тебе сказал? Я хочу слышать.

– Ты же слышал.

– Может, я хочу именно от тебя слышать. Может, я хочу знать, с кем имею дело.

(Щелчок.)

РАДИО...концы! Что такое? Мы отходим или нет? Что случилось? Почему стоим? Я сейчас такое уст'ёю, вам будет мало места на паяхо-де. Изя! Ёма! Немедленно! Тут же! Хотя... *(Щелчок.)* А ну... *(щелчок)*... подожди *(щелчок)*... Стой *(щелчок)*... Немедленно! Я кому сказал... *(щелчок)*. А я кому... нет! А я...

Я тебе уст'ёю *(щелчок)*... Нет! Стой!... Тс-с... ядио... тс-с. *(щелчок)* Ох, я тебе уст'ёю «никогда»... Тс-с *(щелчок)*... Ты меня?... Таких штуйманов... Ты когда-нибудь п'екладывал куйс?! Я тебе уст'ёю немедленно отходим, невзяия на паюсник.

Кто? Ой-ой... *(щелчок)*. Так, внимание. Полный... вп'ёчем... нет... те... лучше... Стоп! ... Хотя... Тс-с *(щелчок)*... Стоп!... Это я сомневаюсь? Стоп! Тс... полный стоп! Самый полный стоп! Всё, п'ек'яти связь. Я тебе уст'ёю «я на него положил». Я тебе уст'ёю «в г'ёбу я видел этот п'и-чал». Я тебе уст'ёю «всю команду в белых тапочках». Ты у меня голый и босый будешь стучать в бойт. И мы тебе из иллюминатора такое покажем... Всё, отходим. Он дал даёгу... Хотя... Нет-нет. А-а, да-да... полный... нет... нет... Тс-с. Стоп! Я сказал – стоп! Откуда эта подвижность? Почему мы идем? Изя, Ёма! Куда мы идем? Где куйс? Где лоция? Я не вижу твои... Стоп! Стоп! Полный назад!... Ах, вы ешили впеёд. Что вам там видно в машине?! Ну, давай, давай впеёд, хотя я сказал назад и вы увидите, как я был п'яв. Я Изе уст'ёю. Он голый и босый будет стучать в бойт.

ГОЛОС. Капитан?

– Что такое?

– Изя передал...

– Не хочу слушать.

– Там прямо по носу.

– Не хочу слушать. Я его видел в г'ёбу. Я с ним не язговаиваю.

– Он все-таки сказал, что если мы не возьмем левой буквально два-три градуса, мы сядем...

– Пеедай этому подонку...

– Все! Мое дело сказать и я сказал. Хотите – верьте, хотите – нет. Сидите на мели, не сидите на мели. У нас в машине куча дел и без вас. Я уже два часа пробую получить с Ромы

мои 15 рублей. Идите попробуйте вы. И еще, он передал, если вы немедленно не отвернете, вы врежетесь... во что он сказал... в общем, тут есть один остров.

– Пеедай ему вместе с его ос'ёвом... (*удар*). Удай! А! Такой паяход. Нам его дали п'ёвейть, какой он мойк – этот паяход. Я думаю, мы это сделали. Эммануил!

– Да.

– Ядиюй в по'йт: песней сидим на мели в ста сояка мет'ях от п'ичала, отнялся задний ход. Штуйман Г'ойсман списан на беег, куда он сойдет, как только мы подойдем. Стайший штуйман Бенимович еще на беегу уже.

– Это я, старший штурман Бенимович. Я случайно выскочил. Ну, вы понимаете, мне надо было за борт. Ну, надо было! Ну, бывает! Ну, это жизнь. Смотрю, мы отходим, мы идем, а я стою. А карты у меня, ну это жизнь, ну надо было. Я дал отмашку сначала кормовым, потом носовым платком. Приступил к сигнальным огням, сжег всю коробку, мол, стоп, мол, мол, я на берегу, ну мне надо было. Ну, это же жизнь. Так эти придурки развили такой ход, какой они выжали из этой припадочной машины. Тогда я снял штаны и показал им все, на что способен, и они сели под гром аплодисментов. Без специалиста не рыпайся... Эй на «Азохенвее»! Это я, Бенимович, это я кричу и издеваюсь над вами – будем вызывать спасатель? А? Там, где Гройсману с головой, нормальному штурману по... Капитан, это я, Бенимович, кричу и издеваюсь. Как вода? Эй, в машине, пустите машины враздрай.

Эй, в машине!

В МАШИНЕ. Что в машине? Я всю жизнь в машине. Я никогда не знаю, куда мы идем. У меня такое впечатление, что на мостике все курвы. Хорошо. Они наверху. Они командуют. Я выполню любой приказ мгновенно, но пусть они мне сначала докажут. Ты командир – докажи, что ты умней, и все, и мы уже идем.

КАПИТАН. Ничего. Вначале они мне всё поломали, тепей я им всё пееломал. Вот вы пас-сажий, вы скажите – это экипажь? Нет, я инте-есуюсь, это экипажь? Это головоезы. Они все едут в язные стоёны.

ПАССАЖИР. Всё! Я пассажир. Вы это знаете, и я это не скрываю. Это не паракход. Это не круиз. Из кухни нет выхода продукции. Они образовали замкнутый цикл и всё глотают без выхода блюд. Все спрашивают, что я ищу. Когда я сел сюда, я искал покоя. Но я уже не ищу покоя – я ищу кингстон. Я хочу видеть шеф-повара, заполненного водой по горлышко, и надавить на его дикий живот. Вместо чувства отдыха, вместо чувства красоты, вместо чувства морского путешествия я испытываю чувство голода. У меня должны быть свои удовольствия, и я их получу. В машине я договорился: за четырнадцать рублей – они подвезут нас прямо к дому, чтоб не искать такси. Ночью был дикий грохот. Они сказали, что один дизель сошел с фундамента, но это их не беспокоит и кто-то у нас украл винт на стоянке. Поэтому нас заносит, но они сказали, что уже сами украли винт у крейсера, но очень большой, и нас опять заносит. Но все это мелочи. Главное, что мы не можем отойти, вот, что меня беспокоит. Полкруиза прошло, а мы не отошли: они все время принимают продукты. Тут такая скука, что я изменил любовнице с женой.

КАПИТАН. Эй, на камбузе, вы уже пьиняли пьедовольствие?

ИЗ КУХНИ (*чавкая и напевая*). Эх тоцем, перевертоцем, румба-тумба буду я... – Это хто, хто это?

КАПИТАН. Это я, Юхман.

КАМБУЗ. Хто-хто? Хто это?

КАПИТАН. Капитан говоит. Вы пьиняли снабжение?

КАМБУЗ. Это кто?

КАПИТАН. Капитан.

КАМБУЗ. Какой капитан?

КАПИТАН. Ваш ёдной капитан. Вы пьиняли пьедукты?

КАМБУЗ (*неразборчиво*). Какие продукты? Что он хочет? Кто такой? (*Повесили трубку*).

КАПИТАН. Эй, на камбузе! Это капитан говоит. Вы уже пьиняли пьедукты или нет?

КАМБУЗ. Это кто, кто это?

КАПИТАН. Капитан Юхман говоит. Вы пьиняли пьедовольствие?

КАМБУЗ. Ну?

КАПИТАН. Вы пьиняли пьедукты? На камбузе... или я сейчас вспылю так, что содьегнется паяход...

КАМБУЗ. Оць таць-оцо-тоць. Какие продукты? Кто это говорит?... Продукты? Приняли? Ничего не понимаю... возьми ты трубку... кто-то балуется.

КАМБУЗ. Это кто, кто это?

КАПИТАН. Капитан! Все! Пьегоняю. Последний день. Плюю. Язгоняю.

КАМБУЗ. Кто это? Это кто?

КАПИТАН. Всё! Позледний яз! К чейтям! На вокзал, по домам. Пьеклятие.

КАМБУЗ. Нет еще. Не приняли... А кого вам надо?... Кто это говорит?

КАПИТАН. Это я, капитан Юхман, сказал, и я сдейжу. Весь камбуз на беег.

КАМБУЗ. Ой, не морочьте голову. Мы делаем фаршированную рыбу и нечего сюда звонить.

КАПИТАН. Вы слышали: вчeya отъявилось шесть человек. Понос, йвота, кьёвоизлияние.

КАМБУЗ. Это не к нам. Это в медпункт.

КАПИТАН. Медпункт?... Капитан говоит.

МЕДПУНКТ. Не пугайте.

КАПИТАН. Я не пугаю, я начинаю язговой. МЕДПУНКТ. Вот это двугой тон. А то вы так с угвозой, мол, я капитан, а вы девьмо. А у меня тоже и обвзование, и квавтива, и можете поискать такого специалиста за эти деньги. Так что спокойнее, вавнодушнее, если хотите жить. Как это всё мне надоело, Господи.

КАПИТАН. Я спокоен. Я...

МЕДПУНКТ. Еще спокойнее.

КАПИТАН. Я спокоен.

МЕДПУНКТ. Нет, еще... Без неввов.

КАПИТАН. Я хотел спьёсить.

МЕДПУНКТ. В таком состоянии не спваши-вают. Еще спокойнее.

КАПИТАН (*орет*). Я спокоен! Но я явлюсь к вам в изолятой на носилках и пеебью все пьи-бои и самый большой шпьиц я вам вставлю, куда вы не подозреваете и в стееизатое я буду кипятить то, о чем вы не догадываетесь. Ваш личный пьибой я буду кипятить до тех пой, пока вы мне шепотом, шепотом не скажите, кто здесь капитан.

МЕДПУНКТ. Я подчиняюсь водздваотделу.

КАПИТАН. Я пеебьёшусь на здьявотдел. Какой у вас пьёфиль?

МЕДПУНКТ. Я экствасенс. Я всё делаю на васстоянии. Мне достаточно пвойтись по вашей фотогвафии.

КАПИТАН. Это я пьейдусь по вашей фотогьяфии. Я отшибу у вас то, чем вы лечите.

МЕДПУНКТ. Вы плохо пведставляете. Я лечу эневгией. Даже по телефону. Сейчас я сниму с вас это напвяжение.

КАПИТАН. Давай-давай, мейзавец, снимай быстъей. А то я выйву штуйвал и пееломаю тебе ебъя. Я и съеди хулиганов был капитаном: готовься, куиный потъёшок.

МЕДПУНКТ. Нет, нет, не отходите от телефона. Я пвиступил. Повтовяйте за мной: «Я здоов. У меня теплые ноги». И снимайте вукой с позвоночника.

КАПИТАН. Все. Снял. У меня теплые ноги. Сиди в изолятое. Я иду к тебе, экстьясенс. Отъявленные у тебя?

МЕДПУНКТ. Вас интевесует завтвак, обед или ужин?

КАПИТАН. Капитанский банкет. Кто снимал пъёбу? Что это за ёмштекс, котый здоёвк евизой не смог пееваить? Я уже не говою язжевать? Паяходский тамада после пейвого тоста отказался выходить из гальяона. Он не успел отстегнуть микьяфон и мы на весь банкет тьян-слиёвали эти кьики. Я тьебую пъётокола сан-эпистанции, санкции пъёкуёя. Алло!

МЕДПУНКТ. Теперь легкими движениями вук воквуг головы снимайте излучение вниз по иквам.

КАПИТАН. Сейчас я тебе, хиюйг, дам. Я соединю камбуз с изолятоем, ты у меня будешь толочь пеец, а повай Бухбиндей излучать эней-гию. Все, клади тьюбку, хиюйг, это твой последний язговой по телефону. Ты меня достал. Я найду юского капитана, он тебе даст отъявления и излучения. Все. Бъесай тьюбку. Кто в юбке? Вахтенный, кто в юбке?

ВАХТЕННЫЙ. Ваша буфетчица. Не знаю, что вы в ней нашли. Она о вас уже два раза нехорошо говорила. Она так часто нехорошо говорит, что, видимо, и думает нехорошо. Я не понимаю, если вы можете доставить женщине, доставьте. Не можете доставить – отправьте ее... я знаю, на учебу, я знаю, на курсы, на танцы, я знаю... куда отправляют женщин, которые не получили удовольствия.

БУФЕТЧИЦА. Не чипайте женщину. Я сойду с этого судна последней. Я увесь этот гадюшник перекантую без всякой учебы. Я как садану его любимой ногой, прошибу усе борта. Кто ему будет делать те бифштексы?

КАПИТАН. Ой-ой! Чеез эти бифштексы можно читать. А если вы женщина...

БУФЕТЧИЦА. Я-то женщина, я-то женщина, а вот ты...

КАПИТАН. Тихо! Ша! Где лоция, где накладные? Я хочу пьевеить ясход гоючего.

БУФЕТЧИЦА. Я те проверу. Ты у меня поскачешь. Ты шо забыл, как весь день в бинокль смотрел? Так я тебе еще раз все глаза подобью. Будешь у меня с биноклем рi на костылях, мореход задрипанный. Хто меня насчет загса два года... «Только паспорт получу. Она меня не понимает. Ты меня понимаешь». Что там понимать?

КАПИТАН. Тихо, Дуся! Дуся, ша! Цайм, цайям. Товаищ буфетчица...

БУФЕТЧИЦА. Шо ты сказал?!

КАПИТАН. Дуся, ша! Ду... ша... Тихо, Евдокия Ивановна, не мешайте упъявлять судном.

БУФЕТЧИЦА. Хто ж тебе, козел нечесаный, ванночки греть будет, чтоб тебе парить. Хто ж тебе слушать будет, шо ты несешь...

КАПИТАН. Все! Ша! Дуся! Ша! Все! Цаям, тай-там. Почему вся команда здесь? Здесь что – цийк? Язойтись к чейтям. Пусть мне закьюют визу, посылай, Дуся, опъявляй.

БУФЕТЧИЦА. Что?

КАПИТАН. А вот ту анонимку, что ты два месяца носишь. Иди уже, опусти уже.

БУФЕТЧИЦА. А то я первая буду! Еще французы пели – не чипайте женщину – и не чипайте!

ИЗ МАШИНЫ. Капитан.

КАПИТАН. Ну?

ИЗ МАШИНЫ. Не нукайте мне. Они для дизеля выписали девяносто третий бензин и разъехались. А мы с Изей решили поставить пароход в док.

КАПИТАН. А меня вы ешили не спьяшивать?

ИЗ МАШИНЫ. Почему? Вот я вас спрашиваю.

КАПИТАН. Так я возьяжаю категоически!

ИЗ МАШИНЫ. И я вас понимаю. Если б вы не были так заняты, вы бы увидели, что мы уже двое суток стоим на ремонте.

КАПИТАН. Но я не вижу никаких изменений.

ИЗ МАШИНЫ. Это уже другой разговор: в другом месте, с другими людьми и с другим тоном... А со мной вы с таким тоном разговариваете, как будто я виноват, что я что-то соображаю. Ремонт – это не действие. Это состояние. Вы вошли в ремонт, это не значит, что кто-то что-то – начал. Вы вышли из ремонта, это не значит, что кто-то что-то сделал. Ремонт вообще невозможно закончить, его можно только прекратить.

* * *

Ради нее он построил подводную лодку, чтобы уплыть в Финляндию с ней.

А она опоздала на час к отходу.

А он, сука, ушел точно по расписанию.

Как она рыдала, бедная, глядя на перископ.

А он сидел в рубке, принципиальный, сволочь...

Ей потом говорили:

– Не жалея! С таким характером и там никто жить не сможет.

Для Р. Карцева

Ничего не разрешаю себе уничтожать. Все старые вещи при мне. Мне 50, а все мои колготоч-ки при мне, все ползуночки, носочки, трусики, маечки, узенькие плечики мои дорогие. Тоненькие в талиньке, коротенькие в ростике. Дорогие сердцу формочки рукавчиков, ботиночки, тапочки, в которых были ножки мои, ничего не знавшие, горя не знавшие ножки. Фотографии перебираю, перебираю, не выпускаю. Ой ты ж, пусенька. Это же я! Неужели? Да, я, я. Документики все держу: метричку, справочки, табель первого класса, второго, дневники, подправоч-ки, все документики при себе, все справочки мои дорогие, пальцем постаревшим разглаживаю немых свидетелей длинной дороги.

Все честно, все документировано, ни шагу без фиксации. В случае аварии, какую книгу хватаете на необитаемый остров? Справки.

Вдруг сзади – хлопок по плечу. А-а! Это на острове!...

– Где был с января по февраль тысяча шестидесят?...

– Вот справка.

– Где сейчас находится дядя жены?

– А вот.

– Где похоронен умерший в тысяча восемьдесят брат папы дедушки по двоюродной сестре?

– Парковая, 16, наискосок к загсу. От загса десять шагов на север, круто на восток, войти в квартиру 16 и копать бывшее слободское кладбище.

– Куда движешься сам?

– А вот направление.

– А как сюда попал?

– А вот трамвайный билет.

Все! Крыть нечем. Хочется крыть, а нечем.

– Лампочку поменял?

– Вот чек.

– Что глотнул?

– Вот рецепт.

– Почему домой?

– Вот бюллетень.

– Куда смотришь?

– Вот телевизор.

– Какая программа?

– «Время».

– А 14-го откуда поздно?

– Вот пригласительный билет, галстук, букет.

– Так... плитка в ванной, унитаза.

– Вот чек.

– Карниз ворован?

– Вот чек.

– Обои ворованы?

– Чек.

– Это воровано?

– Чек.

– Воровано?

– Чек.

– Тьфу!

– Плевательница.

Ох и хочется крыть. А нечем!

– Как найти в случае?

– Вот папа, мама, дядя, тетя, дом, работа, магазин, больница... Все.

– А если?...

– Вот регистратура.

– А все-таки, если?

– Вот, вот и вот.

– С другими городами?

– Ничего.

– Санаторий?

– Ни разу.

– По-английски?

– Ни бе, ни ме.

– Где?

– Здесь.

– А если?

– Соображу.

– А непредвиденно?

– Позвоню.

– А самому захочется?

– Спрошу.

– А если мгновенно – ответ?

– Уклончивый.

Да зачем вам трудиться? Вот список ваших вопросов, вот список моих ответов, причем четыре варианта по времени года.

– Заранее?

– Да.

– Сообразил?

– Да.

– Такой честный?

– Характеристика.

– А не участвовал в развратной компании шесть на четыре, девять на двенадцать с пивом, журналами, банями, парной?

– Грамота об импотенции, участковый врач, соседи, общественность.

С высоко поднятой головой хожу. Некоторые издеваются: справки – это все, что ты накопил к старости? – Все! Причем это копии. Оригиналы закопаны в таком месте, что я спокоен. И не только я. Глядя на меня, другие светлеют. Значит, можно, значит, живет. Всем

становится спокойнее. Самые строгие проверяющие теплеют, на свою старость легче смотря. Один с дамой подошел:

– А где вас искать после вашей внезапной кончины, которая произойдет...

– А 2-е интернациональное, 108 – по горизонтали, 6 – по вертикали, от пересечения три шага на север, в боковом кармане свидетельство.

– Поздравляю, выдержал, готовьтесь к следующему.

– Отметьте.

– Идите.

– Число, час, печать. Здесь, здесь, здесь.

Чуть больше времени на выход, зато не только свободен, но и спокоен, что действительно вышел, действительно пошел, действительно пришел домой и совершенно искренне лег спать.

Ставь псису

Для Р. Карцева и В. Ильченко

За столом – кладовщик. Перед ним – механик с мешком.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– У нас к вам сводная заявочка.

– Сводная заявочка.

– Я думаю, прямо по списку и пойдём.

– Прямо по списку и пойдём.

– Втулка коническая.

– Нету.

– Конической втулки нету?!

– Откуда, что вы?! Не помню, когда и была.

– Коническая втулка?! Я же издалека ехал...

– Так, издалека. Я сам неместный.

– А ребята брали.

– Какие ребята, кто их видел?

Механик вынимает из мешка стаканы, бутыль, наливает. Оба молча выпивают.

– Втулка коническая.

– Ставь птичку.

– Что ставить?

– Птичку ставь. Найдем.

– Подшипник упорный ДТ-54.

– Нету.

– Так ребята брали.

– Какие ребята?!

Механик снова вынимает стаканы, бутыль, наливает. Оба пьют.

Механик (*прячет стаканы и бутыль*).

– Подшипник упорный ДТ-54.

– Ставь птицу. Найдем.

– Диски сцепления ГАЗ-51.

– Еще раз произнеси, недопонял я.

– Диски сцепления. Для сцепления между собой. Педаль специальная.

– Нету.

– Так... ребята...

– Нету!

(*Достаёт стаканы, бутыль, наливает*):

– Ой!

– А-а!

– Ой!

– А-а!... Буряковый... Сами гоните... Хорошо. А то на соседнем заводе спирт для меня

из тормозной жидкости выделяют. У них там лаборатория – культурно, но у меня судороги

по ночам и крушения поездов каждую ночь.

- Диски спеления?
- Бери сколько увезешь.
- Пейсу?
- Рисуй.
- Уплотнения фетровывыстыеся восьмой номер.
- Недопонял.
- Фетровыстывыяся уплотнения восьмой номер.
- Ах, фетровывыя?
- Да, фетровывыстывыяся, но восьмой праа-шу.
- Все равно нету.

(Механик наливает кладовщику.)

- Себе!
- Я не могу. Меня послали, я должен продержаться.
- Один не буду.
- Не могу – еще список большой.
- Езжай назад.
- Назад дороги нет! *(Наливает себе. Выпивают.)*
- Уплотнения фетровые.
- Где-то была парочка.
- Псису?
- Рисуй.
- Пятеренки... шестеренки... вологодские.
- Как ты сказал?
- Сейчас. *(Срочно уходит. Возвращается. Не попадает на стул.)*
- Целься, целься.
- Пятеренки... шестеренки. Четвереньки вологодские.
- А-а-а, вологодские. Нету.
- Псису? *(Наливает кладовщику.)*
- Себе.

- Не могу.
- Езжай назад.
- Назад дороги нет! Пьют.
- Пятеренки, шестеренки?
- Пошукаем.
- Псису?
- Рисуй.

– Пошукаем псису? *(Неожиданно.)* «Здравствуй, аист, здравствуй, псиса... Та-ак и должно бы-была-а слушисса-а. Спасибо, псиса, спасибо, аист...».

- Давай сначала до конца списка дойдем.
- Дойдем, дойдем. Я уже почти дошел... Три-салата...
- Чего-чего?

– Трисаторные штуки, четыре псисы и бри-золь... *(Собрал все силы.)* Экскаваторные шланги, четыре штуки, и брызент...

- Брезента нет. Пожарники разобрали.

- Может, водочки?
- Нету брезента.
- А коньячку?
- Нету брезента.
- Сосисочный фарш.
- Нету брезента.
- Банкет для семьи с экскурсией...
- Нету брезента, и не наливай.
- Верю тебе, Гриша. Если нет, – ты не пьешь, ты честный человек.

* * *

Мужчина – это профессия...

Женщина – это призвание.

* * *

Бабочка вылетела из кармана. Летучая мышь – из рукава. Давно не одевал этот костюм.

* * *

Человек не должен портить ночь, и ночь не должна портить человека.

О себе я могу сказать твердо.

Я никогда не буду высоким. И красивым. И стройным.

Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье.

И в молодые годы я не буду жить в Париже.

Я не буду говорить через переводчиков, сидеть за штурвалом и дышать кислородом.

К моему мнению не будет прислушиваться больше одного человека.

Да и эта одна начинает иметь свое.

Я наверняка не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения.

И фильм не поставлю.

И не получу ничего в Каннах.

Ничего не получу – в смокинге, в прожекторах – в Каннах.

Времени уже не хватит... Не успею.

Никогда не буду женщиной.

А интересно, что они чувствуют?

При моем появлении все не встанут.

Шоколад в постель могу себе подать.

Но придется встать, одеться, приготовить.

А потом раздеться, лечь и выпить.

Не каждый на это пойдет...

Я не возьму семь метров в длину...

Просто не возьму.

Ну, просто не разбегусь...

Ну, даже если разбегусь.

Это ничего не значит, потому что я не оторвусь...

Дела... Заботы...

И в том особняке на набережной я уже никогда не появлюсь.

Я еще могу появиться возле него.

Напротив него.

Но в нем?!

Также и другое...

Даже простой крейсер под моим командованием не войдет в нейтральные воды...

Из наших не выйдет.

И за мои полотна не будут платить бешеные деньги.

Уже нет времени!

И от моих реплик не грохнет цирк и не прослезится зал.

И не заржет лошадь подо мной...

Только впереди меня.

И не расцветет что-то.

И не запахнет чем-то.

И не скажет девочка: «Я люблю тебя».

И не спросит мама: «Что ты ел сегодня, мой мальчик?»

Но зато...

Зато я скажу теперь сыну: «Парень, я прошел через все.

Я не стал этим и не стал тем.

И я передам тебе свой опыт».

Для Р. Карцева

Бебеля, двадцать один, квартира три – нет звука?... А изображение?... Нормальное... Хорошо... Я буду у вас с пяти до семи... Пожалуйста...

Да, да... Слушаю... Плохо шьет?... Строчку не дает?... Немецкая... Свердлова, восемь, квартира сорок семь... Буду до пяти... Пожалуйста...

Алло... да, я... Почему болит?... А вы согревающий компресс на ночь... Нет, мой дорогой. Кто кого лечит?... Я же вам оставил рецепт... Как – потеряли?! И что, температура поднялась?... Тридцать восемь и три... Ничего без меня не принимайте. Только горчичники к ногам. Я буду у вас между шестью и восемью... Лежите спокойно.

Да... Снова замолчал... А вы ему телеграмму давали?... Я же вам продиктовал текст... Ну, пишите: «Надоедать не буду. Но хочу оградить тебя от неприятностей. Жду на вокзале у газетного киоска в двадцать часов. Наташа». Прибежит. Мужчины трусливы. Если позвонит, не разговаривайте. Все при встрече. Потом мне расскажете... Не за что...

Алло... Это вы... Я вам неправильно предсказал. Вместо большой дороги в казенный дом следует читать: «Задуманное вами исполнится вскоре. Вас ожидает большая радость и спокойная жизнь, что вам будет в награду за пережитое. Насчет личных интересов можете не сомневаться. Они окончатся удачно, и в жизни вашей удачи будут продолжаться вплоть до преклонных лет...» Записали?... Если что-нибудь будет неправильно, позвоните, уточним... Я думаю, все будет хорошо.

Да... Алло... С этим?... Попробуйте сметану с пивом за четыре часа до. Полное отключение радио и телевидения. За три часа – чай с малиной и коньяком. Мюзик-холл с коньяком в антракте. Минут за двадцать – крепкий кофе с лимоном. Проветрите комнату и позвоните мне. Если не поможет, будем действовать током... Шестьсот вольт. Решающее средство... Всего доброго... В любое время...

Замдиректора камвольного комбината?... Минуточку!... 298-18-23, с восьми до семнадцати... Пожалуйста.

Да, да... В «Смене» сегодня «Люди и розы», сеансы в восемь, десять, двенадцать и так далее через каждые два часа... Пожалуйста...

А-а! Арнольд Степанович!... Откладывается у вас ревизия... Она нагрянет внезапно, восемнадцатого января, в десять утра... Будьте здоровы. Звоните...

Да... Слушаю вас, товарищ... Нет, мой дорогой. Так перед людьми не выступают... А мы вот взгреем вас на коллегии. Тогда вы возьметесь за дело... Что значит – записочки посылают? А вы отвечайте... Ну, мой милый, вы за это зарплату получаете. Все!

Шестнадцатый. Я – Таганрог. Посадку разрешаю... Ветер тринадцать боковой...

Алло... Да... Пылесос «Ракета»? Бьет током?... Провод не отсырел?... Попробуйте просушить... Канатная, четырнадцать, квартира три... Буду у вас до трех...

Натирку полов сейчас некому... Звоните в пятницу.

Да-да... Не подошла?... Ей тридцать пять... Вам пятьдесят пять, слава Богу... Не читает газет... Что вы от нее хотите?... Она не знает, где Лаос?... Так объясните ей. Пойдите... Вы просили... Вот у меня записано... Не старше тридцати пяти. Блондинку. Не больше одного, не старше десяти. С высшим. С удобствами. Не выше третьего этажа. Район Парка

культуры... Ничего – насчет газет... Ах, вы решили добавить... Надо заранее... Записывайте. Лесной проспект, восемнадцать, корпус три, квартира четырнадцать... Библиотекарша. Вся периодика – через нее.

Что у вас?... Ого!... Завтра вводите новую камеру Вильсона... В Серпухове?... Посчитайте заново эффект Броуди-Гладкова. Подставьте лямбда 2,8 вместо 3,1... Да. Должно сойтись... Держите меня в курсе...

Нет, мальчик, амнистии в этом году не будет.

У вас что?... Пьеса... А вы попробуйте поменять концовку. Не грустно лег, а радостно вскочил... И не на кладбище, а в санатории... И позвоните мне... А сейчас, извините, у меня обед...

Он развернул бумажку. Прижал пальцем котлетку к кусочку черного хлеба и начал есть, глядя в пространство.

* * *

Что могу сказать кроме спасибо? Только до свидания.

Ранняя пташка

А я с утра уже... Ох, люблю я с утра!... Эрли Бёрд, ранняя пташка, – это я.

Как идет! Сначала колом, потом соколом, потом мелкими пташками. С утра ее возьмешь, всю ломоту снимает.

Итальянский коньяк привез наш советский товарищ «Шпок» называется. Это да! Шпокнули мы по первой – сразу стала голова проясняться. Шпокнули по второй – голова ясная, как стеклышко! Шпокнули по третьей – свет невозможный, яркий. Сам легкий, как ангел. Все соображаешь. Я из своего окна Невско-Печерскую лавру увидел. Первый раз, никогда не видел. Обострилось все. Еще по стакану дали себе – вижу странное здание на горизонте, но не могу черты разглядеть. Добавляю. Всматриваюсь – он! Точно, университет. МГУ. Московский. Из Одессы вижу. Шутка сказать, зрение обострилось до орлиного. Коньячок... «Шпок» называется...

Ну, глядим на университет и шпокаем еще. Прислушался – по-немецки говорю. Ну?... Сроду ни одной буквы не знал. Ну? И все понимают. Ну? А раньше – ни в зуб колесом. Голова ясная, как хрусталик. Все вспомнил, что в жизни было. Ножки легкие, как перышки. Тельце тоненькое, как шнурочек, организм работает, как часы! Вот коньячок! Еще две бутылки осталось. Хочу сегодня Достоевского вызвать и по-гречески думаю заговорить. Вот коньячок! «Шпок» называется!

* * *

Он добавил картошки, посолил и поставил аквариум на огонь.

* * *

Мадам, я еду с поднятым забралом, прошу вас ключ, от ваших лат

Вы еще не слышали наш ансамбль

Вы еще не слышали наш ансамбль, послушайте. Во-первых, у нас великолепный певец. Очень хороший парень. Отзывчив, всегда одолжит. Не курит, не пьет. Слова от него не услышишь. Мухи не обидел. Травинки не сорвал. Ну, конечно, когда поет, то заставляет желать лучшего. Но вышивает. Прекрасный парень. Мы его держим.

А вот пианист – большой общественник: взносы, культпоходы, все мероприятия на нем. Конечно, мы стараемся, чтоб он поменьше играл на рояле, но если он вырывается. Разве его выгонишь? Он сам кого хочешь выгонит.

К саксофонисту не подходи: он сейчас лечится от запоя. В трезвом виде он тоже способный парень, но, к сожалению, не в музыке... Он спортсмен – гиревик. Сейчас ему надо лечиться, кто ж его выгонит?

А эта женщина у контрабаса – мать двоих детей. Конечно, она не может держать ритм. Разве у вас поднимается рука ее выставить – двое малышей плачут, ищут отца. Пусть она поиграет, что делать?

Этих трубачей мы подобрали на улице: пропадали ребята. Так здесь они хотя бы в тепле...

Ударник вам не понравится, я уверен. Он уже давно никому не нравится, но ему два месяца до пенсии. Пусть человек доиграет. Мы же не звери...

Теперь вы поняли, почему наш ансамбль так звучит?!

Для С. Юрского

А ну, ты давай!... Ба-бах... (С отворачиванием.) Хорошо... Теперь с переворотом! Давай ты, Костюков. Подальше, подальше. Разгон! Толчек! Бух! Рассеянный ты... Может, у тебя дома неприятности?... Отец с вами живет?... Посиди.

А ну, Кандыба... Сними эту тряпку с головы. Давай рондат, фляк, сальто с переворотом прогнувшись с приходом на прямые... Бодрее. Соберись! Завтра встреча с англичанами. Давай! Мы с Пузаном страхуем. Ну, что? Пошел! И-и...

Почему?... Костюков, давай втроем пострахуем... Ерунда... Выйдет, выйдет... Только – сильный разгон. Пошел! И-и... Почему?... Трещит... Гриша, брось ему эту тряпку! Завяжи. Если не накажем англичан, я покину большой спорт. Вы можете валять дурака, а я ухажу с ковра.

Гриша, иди сюда. Стань у той стенки. Мы вчетвером страхуем! Давай, Кандыба! И-и-и...

Накажу! Накажу! Я тебе не мама! Соберись! Собрался? Нет еще? Уже? Нет еще? Уже? И-и!...

Мы все ждем. Нас шестнадцать человек. Собрался? А я вижу, нет. Еще подсоберись. Еще! Сеня, Гриша, Костюков, приготовились... Откройте ему дверь. С улицы давай разгон. Ну?... Что «сейчас»?

Сереня, мат на стенку. На ту тоже.

Ну, что ты канючишь? Не могу больше! Все! Ломаю подкидную доску, покидаю большой спорт. Это не коллектив... Раньше не было команды, был коллектив. Сейчас есть команда, нет коллектива. Ведущий прыгун собраться не может! Цирк! Ты у меня в Мелитополе на межколхозных... Так! Все. Он собрался! Двери. Маты. Разгон!... Раз, раз, раз, раз!... Хорошо! Толчек! Оборот! Оборот!... Лови! Лови!... Ба-ам! Уй!...

А где он был вчера? Кто с ним был? Что это за дом? При чем тут салат? Салат не дает такого полета. А потом?... Все. Нет?... А что?... Рюмочку?... Стакан... Что еще? Сколько? Рюмочку? Фужер... Этим закончили? Ты этим закончил? А он когда закончил?

Но он же видел, с какой стороны мы его страхуем. Где он теперь? Гриша, поищи его. Он в какой-то троллейбус попал. Но его можно найти. Давай ты, Аркадий. Видел Кандыбу? Не в ту сторону, но какой полет! Пусть балл снимут. Давай! Пошел! Пошел! Пошел! Переворот. Пе-ре-во-рот!

Хорошо. Только, понимаешь... Ты после переворота на что должен был прийти? На ноги! А ты на что пришел? Ты кто? Инженер... Зачем тебе

большой спорт? Кандыбу видел? А у тебя этого нет. У тебя в полете ноги, руки и тапки разлетаются. На республиканских судье международной категории кедой по лицу... Я потом имел с ней разговор. Уходи потихоньку из большого спорта. А?... Чего ты сюда ходишь? Ну, что – душ? Ну, приходи в душ. Но обещай больше не тренироваться. Обещаешь? При всех. Иди купайся. Мы должны наказать англичан. У них профессиональная команда Уимблдонского конного завода. А я что выставляю, нарушителей режима?!

Мне бы крепкого середняка. Попробуем тебя, Куцевол. Я знаю, что ты уже год не прыгал. А чего ходишь? Нравится... Ну, давай. Сильный разгон. Остальное я беру на себя.

Только смело и на меня... Главное – страшный толчок, вперед и вверх!

Смело! Пошел!... Раз, раз, раз! Толчок!... А-а-а-а!... Вте... *(Держится за челюсть.)*
Тденидовка дакон-тена. Давтда додевнования. Что ты качаешь, я уде отнулся. Я напрасно присол в себя. Не могу эти рози видеть! Я де тебе объятнял... Я забидаю подкидную доску и покидаю больсой спорт. Ет-ли Кандыба веднется, ему больсой пдивет от бывсего тденеда...

Собрание на ликеро-водочном заводе

Для Р. Карцева и В. Ильченко

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешите собрание актива нашего сорок восьмого ликеро-водочного завода считать открытым. *(Аплодисменты. Наливает из графина.)*

Товарищи! Сегодня мы решили поговорить на наиболее важную тему: изыскание внутренних резервов. Состояние дел на участке транспортного цеха доложит нам начальник транспортного цеха Опря Николай Егорович.

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Ха! *(Наливает из графина.)* Ха! Василий Иванович, ну что докладывать? Есть достижения, есть! В обеденный перерыв люди отдыхают. Автосцепщик Харитон Круглов опять взял на себя, как и в прошлый год, и с честью несет. Обещал, в общем, не дожидаясь конца года... Вслед за ним шофера – водители ящично-разливочной тары Ларионов и Кутько тоже взяли на себя... Завозить точно в указанный в путевом листе магазин с максимальным попаданием и минимальным боем по пути. Свести бой по дороге от завода до магазина к приемлемой цифре: пятьдесят литров на тонно-километр водки и двадцать пять килограммов на тонно-километр дорогих коньячных изделий. *(Наливает из графина.)* Теперь самодеятельность. Артисты, приглашенные нами на Первое мая, до сих пор не ушли. Мы все знаем их репертуар. И еще. Мы, конечно, привыкли, но молодежь пугается чертей, которые водятся у нас на складе готовой продукции. Уборщица Симакова в пятницу за час перед концом дня вызывала начальника пожарной охраны завода, и они вдвоем пытались изгнать чертенка из междуящичного пространства. Он дразнился, кричал ерунду, прыгал по плечам, нагадил и скрылся в трубе. К концу недели уже многие его видят. А сейчас он стал появляться с дружками. Мы должны что-то решить здесь. *(Наливает из графина.)* Теперь культмассовая работа. Артисты до сих пор здесь, хотя многие из нас сами поют... Физико-акробатический этюд, который мы недавно взяли на работу, дис... дис... квалифицировался. Отказываются стойки там вниз руками. То есть под нашим наблюдением после двух попыток выдержать нижний рухнул, и вся пирамида на нем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Рыг... ла-ментр!

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. А как же. Вот... Поэтому я предлагаю назначить перевыборы на любой момент. Нам это только давай, если, конечно, красивая женщина. *(Садится.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Так... *(Наливает из графина.)* Теперь попросим на трибуну начальника транспортного цеха. Пусть доложит об изыскании внутренних резервов. Доложите нам!

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА *(снова на трибуне. Наливает)*. Если вопросов нет, я начну. Наш транспортный цех, изыскав внутренние резервы, задолго до окончания успешно встретил Новый год! Мы перевезли по маршруту винный склад – винный магазин сорок пять тысяч восемь миллионов триста шестьдесят четыре и шесть десятых литра крепких, крепленых и слегка разбавленных изделий. Водители Ларионов и Кутько обещали сэкономить тонно-километров вдвое и бой тары произвести с учетом интересов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Спасибо! У вас есть вопросы к докладчику?

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Нет... *(Садится в трибуне.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Теперь попросим начальника транспортного цеха.

Расскажите нам об изыскании внутренних резервов. Начальник транспортного цеха?! Он в зале?

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА *(с трибуны)*. Он здесь, здесь!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Молодец, быстро добрались. Доложите нам!

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Товарищи! Водители Ларионов и Кутько, используя слабые места и встречный план, а также порожняк, взяли на себя долговые обязательства и приказали долго жить. *(Наливает из графина.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ну, вот. Значит, справитесь?

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. А как же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ну, вот... А где наш начальник транспортного цеха? Интересно, как у него? В прошлом цех хронически отставал. Если его найдут, немедленно на трибуну. Где начальник транспортного цеха?

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Здесь, здесь... Товарищи водители... Наш цех хронически отставал, теперь он хронически обгоняет и задолго до конца встретил Новый год. Водители Ларионов и Кутько, используя один двигатель на две бортовые машины, взялись обслужить максимальное количество потребителей с одного штуцера прямо в гараже, чтоб напрасно не возить в эти проклятые магазины... С одной заправки Ларионов и Кутько выезжают с утра на линию и возвращаются в гараж поздно днем, где и ночуют, не заходя домой уже второй месяц, обтирая самосвал ветошью из своих одежд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Спасибо.

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *(наливает из графина)*. Жаль... Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха.

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. Ну и черт с ним!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Но выговор мы ему запишем.

НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОГО ЦЕХА. А как же!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. От молодежи завода ученик кладовщика младший штуцерщик на наливке с крепостью до сорока.

(Над трибуной возникает всклокоченная голова.)

ГОЛОВА. Мы, молодые штуцерщики... *(Падает.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Жаль, что он ушел.

ГОЛОВА *(поднимается)*. Я никогда не забуду своего учителя смесителя Валобуева Григория Григорьевича. Он уже на пенсии в больнице в тяжелом состоянии, но его заветы-указания... Управление штуцером высокого напора... он завещал нам, молодым. *(Исчезает, затем, вновь появляется.)* И мы, молодые... Мы, молодые... *(Исчезает.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Ну молодежь, не усидит. Так и мелькает, так и мелькает. Товарищи, что-то тихо стало в зале. Есть предложение пригласить вторую бригаду артистов, когда уйдет та бригада, которую мы пригласили в прошлом году. Кстати, кто их видел и где их видели? Я их в прошлом месяце встретил в разливочном. Домой не пишут. Некоторые одичали, бродят по территории, прячутся от людей, не имеют зимнего, в плащ-палатках, костры жгут, с капотов снимают ватники. Кто видел юрисконсульта? Мы его взяли два месяца назад. На проходной говорят, не выходил. Надо найти, у нас к нему вопросы накопились. Теперь, такси в прошлом году вызывали. Машина уже заржавела. Где он сам?... Жена каждый день ходит.

Товарищи! Кто водил студентов по цеху готовой продукции? Где экскурсия? Это ж

уголовное дело – триста человек политехнического вуза. Мы должны их вернуть. Хотя часть.

Теперь – Доска почета. Справедливые нарекания вызывает. Нет, не у нас. У пастылей... у посетителей. Вот вы фотограф... да не вспыхивайте вы!... Почему вам не везет? Жуткие рожи на Доске почета. Не надо у станка. Надо искать момент. Надо поймать его до работы, когда его еще можно узнать. Теперь, вы сами фотографировали президиум собрания. Укрылись попоной. И что же? Человек не голубь. Он не может долго сидеть неподвижно. А вы, понимаете, под попоной... Не знаю, что вам туда носили. Мы, понимаете, ждали команды. Я уже не говорю о качестве снимков, но аппарат и штатив у вас государственные. Так будьте добры! *(После паузы.)*

Не надо рваться. Все хотят.

И чтоб не забыли поздравить женщин. Скоро Восьмое марта. Три месяца пробегут как пятнадцать суток, а наши женщины нездравленные останутся. А они во многих отношениях не хуже нас и уже почти не отличаются. А главное – несут на себе тяготы. И не забыть их поздравить! Если забудешь, мы напомним сурово, поморскому, по-мужицкому.

А что? Филимона Скибу вернули в семью. Его там шесть лет не было. Ходит сейчас туда.

Если женатый, так ночуй! А не хочешь, поговоришь с нашим месткомом. А то, что многие не доходят до семьи, а располагаются в скверике, коротают, чтоб завтра поближе, то нами будет послан специальный бульдозер. Мы этот муравейник потревожим... Не надо выражать нетерпение, все хотят...

Я чувствую, наш сегодняшний разговор произвел глубокое впечатление на всех сидящих и кое-кто намотал на винт. А вот теперь прошу к столу.

Старость

Вместо пения – тревога.

Вместо танца – выражение лица и сиплое: – Гоп!

Вместо поворота тела – движение глаз.

Вместо бега – дрожь.

Вместо глаз – очки.

Вместо любви – диета.

Вместо детей – внуки.

Вместо фигуры – пальто.

Вместо зубов – мясорубка. Вместо комнаты – палата. Вместо ходьбы – прогулка. Вместо голоса – дребезг. Вместо сообразительности – мудрость. И очень здоровый образ жизни, пришедший на смену самой жизни.

* * *

Как пароход хорош. для пенсии – плавучий город с врачами, сеансами, поварами, спальнями, кино и фруктами. И тепло всегда, и вид из окна новый, и пассажиры не задерживаются.

* * *

Кушать есть чего, но стимула уже нет.

* * *

Одиночество – это не тогда, когда вы ночью просыпаетесь от собственного завывания, хотя это тоже одиночество.

* * *

Одиночество – это не тогда, когда вы возвращаетесь домой и все лежит, как было брошено год назад, хотя это тоже одиночество.

Одиночество – это не телевизор, приемник и чайник, включенные одновременно для ощущения жизни и чьих-то голосов, хотя это праздничное одиночество.

Это даже не раскладушка у знакомых, суп у друзей... Это поправимо, хотя и безнадежно.

Настоящее одиночество, когда вы всю ночь говорите сами с собой – и вас не понимают.

Как шутят в Одессе

Группа людей со скорбными лицами и музыкальными инструментами. Впереди бригадир – дирижер. Звонок. Выходит жилец.

БРИГАДИР *(вежливо приподнимает шляпу)*. Ай-я-яй, мне уже говорили. Такое горе!

ЖИЛЕЦ. Какое горе?

БРИГАДИР. У вас похороны?

ЖИЛЕЦ. Похороны?

БРИГАДИР. Ришельевская шесть, квартира семь?

ЖИЛЕЦ. Да.

БРИГАДИР. Ну?

ЖИЛЕЦ. Что?

БРИГАДИР. Будем хоронить?

ЖИЛЕЦ. Кого?

БРИГАДИР. Что значит «кого»? Кто должен лучше знать, я или ты? Ну, не валяй дурака, выноси.

ЖИЛЕЦ. Кого?

БРИГАДИР. У меня люди. Оркестр. Пятнадцать человек живых людей. Они могут убить, зарезать любого, кто не вынесет сейчас же. Маня, прошу.

(Толстая Маня, в носках и мужских ботинках, ударила в тарелки и посмотрела на часы.)

ЖИЛЕЦ. Минуточку, кто вас сюда прислал?

БРИГАДИР. Откуда я знаю? Может быть, и ты. Что, я всех должен помнить?

(Из коллектива вылетает разъяренный Тромбон.)

ТРОМБОН. Миша, тут будет что-нибудь, или мы разнесем эту халабуду вдребезги пополам. Я инвалид, вы же знаете.

БРИГАДИР. Жора, не изводите себя. У людей большое горе, они хотят поторговаться. Назовите свою цену, поговорим как культурные люди. Вы же еще не слышали наше звучание.

ЖИЛЕЦ. Я себе представляю.

БРИГАДИР. Секундочку. Вы услышите наше звучание – вы снимете с себя последнюю рубаху. Эти люди чувствуют чужое горе, как свое собственное.

ЖИЛЕЦ. Я прекрасно представляю.

БРИГАДИР. Встаньте там и слушайте сюда. Тетя Маня, прошу сигнал на построение.

(Толстая Маня ударила в тарелки и посмотрела на часы.)

БРИГАДИР *(прошелся кавалерийским шагом)*. Константин, застегнитесь, спрячьте свою нахальную татуировку с этими безграмотными выражениями. Вы все время пишете что-то новое. Если вы ее не выведете, я вас отстраню от работы. Федор Григорьевич, вы хоть и студент консерватории, возможно, вы даже культурнее нас – вы знаете ноты, но эта ковбойка вас унижает. У нас, слава Богу, есть работа – уличное движение растет. Мы только в июле проводили пятнадцать человек.

Теперь вы, Маня. Что вы там варите на обед, меня не интересует, но от вас каждый день пахнет жареной рыбой. Переходите на овощи или мы распрощаемся. Прошу печальный сигнал.

(Оркестр играет фантазию, в которой с трудом угадывается похоронный марш).

ЖИЛЕЦ *(аплодирует)*. Большое спасибо, достаточно. Но все это напрасно. Наверное, кто-то пошутил.

БРИГАДИР. Может быть, но нас это не касается. Я пятнадцать человек снял с работы. Я не даю юноше закончить консерваторию. Мадам Зборовская бросила хозяйство на малолетнего бандита, чтоб он был здоров. Так вы хотите, чтоб я понимал шутки? Рассчитайтесь, потом посмеемся все вместе.

(Из группы музыкантов вылетает разъяренный Тромбон.)

ТРОМБОН. Миша, что вы с ним цацкаетесь? Дадим по голове и отыграем свое, гори оно огнем!

БРИГАДИР. Жора, не изводите себя. Вы же еще не отсидели за то дело, зачем вы опять нервничаете?

ЖИЛЕЦ. Почем стоит похоронить?

БРИГАДИР. С почестями?

ЖИЛЕЦ. Да.

БРИГАДИР. Не торопись?

ЖИЛЕЦ. Да.

БРИГАДИР. По пятерке на лицо.

ЖИЛЕЦ. А без покойника?

БРИГАДИР. По трешке, хотя это унизительно.

ЖИЛЕЦ. Хорошо, договорились. Играйте, только пойте: в память Сигизмунд Лазаревича и сестру его из Кишинева.

(Музыканты по сигналу Мани начинают играть и петь: «Безвременно, безвременно... На кого ты нас оставляешь? Ты туда, а мы – здесь. Мы здесь, а ты – туда». За кулисами крики, плач, кого-то понесли.)

БРИГАДИР *(повеселел)*. Вот вам и покойничек!

ЖИЛЕЦ. Нет, это только что. Это мой сосед Сигизмунд Лазаревич. У него сегодня был день рождения.

Нормально, Григорий! Отлично Константин!

Мы с приятелем выиграли торт в доме отдыха. Нас с ним никуда не пустили. Несогласованность, знаете, дарят одни, за чистотой следят другие. Но мы с другом выпили по сто и поняли, что награждают одни, убирают другие, а мы намусорим. На коленях съели, только костюмы испачкали, и все.

Пальто мне заказали с воротником. Отобрали мы у ателье это пальто. Хотели им обратно насильно вернуть. Вплоть до мордобоя, чтоб обратно забрали они это пальто себе. У меня фигура и так неважная, а в пальто в трамвай не могу войти, место уступают, без очереди пропускают, плакали вслед две женщины, которые мужей потеряли, и на воротнике такой мех, что от медведя остался, когда всю шкуру уже поделили.

Хотели им насильно вернуть – их больше, не хотят они. Выпили мы с Григорием по двести, надел я пальто: «Смотрится, Константин». А что, нормальное, говорю... Они же объяснили, что этот заболел, а там подкладка, усадка, девочки молодые шьют, а на семьдесят рублей никто не идет.

Часы купили, через два дня календарь отказал. На дворе уже тридцатое, а он все десятое показывает. Выпили мы по двести пятьдесят, посмотрел я на часы – нормальные часы. Потом стрелки остановились, мы – по триста... Я посмотрел на часы: Господи, корпус есть, циферблат есть, чего еще надо? Шикарные часы.

А когда потолок в квартире завалился, мы вообще по триста пятьдесят грохнули. И правильно. Сдавали зимой, мазали осенью. Нельзя же все летом делать! Нормальная квартирка.

Опять в санаторий попали специализированный. Еда там – что в кинотеатрах в буфетах перед «Щитом и мечом» дают... Но у нас с собой было, мы в палате приспособились – кипятильничек, плиточка, концентратик гороховый. Нормально, говорю, Григорий!... Отлично, Константин!

Обратно лететь – сутки на аэродроме торчали. Полсуток погода, полсуток техническое состояние, пять часов в кабине – багаж грузили, шесть часов выгружали... Ну у нас с собой было. Нормально, говорю, все равно быстрее, чем поездом. Подсчитали – вроде бы не быстрее, вроде бы даже медленнее. Ничего, говорю, по буфетам походили, с людьми познакомились, на скамейке полежали. Наземные службы отстают, воздушные обгоняют, так что мы в их положение вошли, теперь им в наше войти, и нормально, Григорий!... Отлично, Константин!

Посидели, отдохнули. Сейчас летим обратно. Правда, сели в Куйбышеве, потому что Казань не принимала, хотя нам надо в Харьков. Но у нас с собой было... Сейчас город посмотрим, нормально, Григорий! Отлично, Константин! Нам сказали, что стоянка шесть часов, через час предупредили, чтоб не уходили, через два часа вылетели. Не все, конечно... Те, кого предупредили... Но у нас с собой было... Поездом поедem, чего расстраиваться. Нормально, Григорий!... Отлично, Константин!

Приехали домой, снова пальто на глаза попало. У нас с собой было.

– Ну-тко я нырну, глянь, Константин.

– Нормальное. Носи на здоровье. В случае чего я буду ходить сзади, объяснять, что никто не хочет за семьдесят рублей над утюгом стоять.

Мы в один город приехали. Не просто, а по приглашению председателя горисполкома.

Он по телевидению выступал. «Приезжайте в наш город, вас ждут новые гостиницы, пансионаты, кафе». Так упрашивал – мы поехали. Но у нас такое впечатление все-таки возникло, что нас не ждали. Решили к председателю зайти. Объяснили секретарше, что мы не просто свалились, а по приглашению.

А она нас выставила за дверь: «Вас много, гостиниц мало. С ума сошли. Так и будете по всем городам ездить, чьи председатели по телевидению выступают?» Ну, мы на вокзале при буфете приняли по двести... Нормально, говорю, чего? Действительно, нас много, а мест мало. Нас много, а штанов мало. Тут один выход, Григорий. Нас должно меньше быть. У тебя дети есть?... Нет. И у меня нет. Нормально, Григорий! Отлично, Константин!

* * *

Не надо смеяться, женщины очень умны.

Мой друг подходит к девушке на пляже:

– Хотите сниматься в кино?

И ни одна из них после самого бурного свидания не спросила:

– А как же кино?

* * *

Чем мне нравятся мини – видишь будущее.

Женский язык

Все очень просто, если понимаешь женский язык.

Едет женщина в метро. Молчит. Кольцо на правой руке – замужем, спокойно, все стоят на своих местах.

Кольцо на левой – развелась.

Два кольца на левой – два раза развелась.

Кольцо на правой, кольцо на левой – дважды замужем, второй раз удачно.

Кольцо на правой и серьги – замужем, но брак не устраивает.

Два кольца на правой, серьги – замужем, и есть еще человек. Оба женаты. Один на мне. Оба недовольны женами.

Кольцо на правой, одна серьга – вообще-то я замужем...

Кольцо на левой, кольцо на правой, серьги, брошь – работаю в столовой.

Темные очки, кольца, брошь, седой парик, платформы, будильник на цепи – барменша ресторана «Восточный». Мужа нет, вкуса нет, человека нет. Пьющий, едящий, курящий, стоящий и лежащий мужчина вызывает физическое отвращение. Трехкомнатная в центре. Четыре телефона поют грузинским квартетом. В туалете хрустальная люстра, в ванной белый медведь, из пасти бьет горячая вода. Нужен мужчина со щеткой, тряпкой и женской фигурой.

Ни одной серьги, джинсы, ожерелье из ракушек, оловянное колечко со старой монеткой, торба через плечо, обкусанные ногти, загадочные ноги: художник-фанатик, откликается на разговор о Ферапонтовом монастыре. Погружена в себя настолько, что другой туда не помещается...

Бриллианты, длинная шея, прическа вверх, разворот плеч, осанка, удивительная одежда, сильные ноги – балет Большого театра. Разговор бессмыслен: «Вы пешком, а я в „Мерседесе“. Поговорим, если догонишь...»

Кольцо на правой, гладкая прическа, темный костюм, белая кофта, папироса «Беломор» – «Что вам, товарищ?...»

Кольцо на правой, русая гладкая головка, зеленый шерстяной костюм, скромные коричневые туфли и прекрасный взгляд милых серых глаз – твоя жена, болван!

Наши мамы

Что же это за поколение такое? Родилось в 1908-10 – 17-м. Пишут с ошибками, говорят с искажениями. Пережили голод двадцатых, дикий труд тридцатых, войну сороковых, нехватки пятидесятых, болезни, похоронки, смерти самых близких. По инерции страшно скупы, экономят на трамвае, гасят свет, выходя на секунду, хранят сахар для внуков. Уже три года не едят сладкого, соленого, вкусного, не могут выбросить старые ботинки, встают по-прежнему в семь и все работают, работают, работают не покладая рук и не отдыхая, дома и в архиве, приходя в срок и уходя позже, выполняя обещанное, выполняя сказанное, выполняя обретенное, выполняя все просьбы по малым возможностям своим.

Пешком при таких ногах. Не забывая при такой памяти. Не имея силы, но обязательно написать, поздравить, напомнить, послать в другой город то, что там есть, но тут дешевле. Внимание оказать. Тащиться из конца в конец, чтоб предупредить, хотя там догадались, и не прилечь! Не прилечь под насмешливым взглядом с дивана:

– Мама! Ну кто это будет есть? Не надо, там догадаются. Нет смысла, мама, ну, во-первых...

Молодые – стервы. Две старухи тянут из лужи грязное тело: может, он и не пьян. А даже если пьян... Молодые – стервы: «Нет смысла, мама»...

Кричат старухи, визжат у гроба. Потому что умер. Эти стесняются. Сдержанные вроде. Мужественные как бы... Некому учить. И книг нет. А умрут, на кого смотреть с дивана?

Пока еще ходят, запомним, как воют от горя, кричат от боли, что брать на могилы, как их мыть, как поднимать больного, как кормить гостя, даже если он на минуту, как говорить только то, что знаешь, любить другого ради него, выслушивать его ради него, и думать о нем, и предупредить его.

Давно родились, много помнят и все работают, работают, работают, работают...

Наше старое солнце.

Ну что такое Ойстрах?

Отнимите у него смычок, скрипку, костюм, авторучку. Кто будет перед вами?

А Рихтер? Крики: «Рихтер! Рихтер!» Отнимите у него рояль, отнимите оркестр, ноты, не выпускайте публику и не разрешайте напевать. Где Рихтер? Где? А кто перед вами? А такой, как я, он, или он, или я, или ты.

А где будет ваш автоинспектор? Все кричат: «Автоинспектор! Автоинспектор!» Отнимите у него свисток, форму, пистолетик и палку полосатую. Может надрываться на любом перекрестке – никто не притормозит. Только если велосипедиста схватит за лицо пятерней – тот остановится, но может вступить в ответную драку, потому что кто перед ним? Автоинспектор? А на ногах у него что? Босоножки!

Теперь отними у нас... Нет... Дай нам... Или нет... Отними у нас... одежду... Ну, еще поделить людей на две половины сумеем, а дальше что? Ничего... пляж... Страна северная, значит, не пляж... Кто кого слушает? Физически слабые слушают всех. Физически сильные поступают, как сами могут сообразить. А как они сами могут сообразить? А как военных узнать? Любой лось, зашедший в город, плюнет на любого военного или толкнет... а у того даже топнуть нечем... Босиком и под бокс...

Поэтому надо очень цепляться за то, кто что имеет. Жена хорошая, – держи жену. Рояль, – держи рояль. Держи публику. Скрипочка есть? Палочка полосатая, пистолетик, штаны форменные?...

По штанам, роялю, жене и скрипке вас отличают от других голых!

Сто одиннадцать

Что бы я делал в экстренных случаях, в пиковых положениях?

Я бы кушал ночью – это раз. Спал бы днем – это два.

Пил бы для веселья с быстро хмелеющими женщинами от недорогих вин типа «Алиготе» – три.

И только с пьяными женщинами разговаривал – четыре.

Я бы работал, когда хочется, – шесть.

И часы бы перебил – семь.

И детей бы узаконил. И наелся устриц.

И в Париж на минутку и обратно – восемь.

И в деревню на подводе с сеном и девками – семь.

А обратно быстро на машине – девять.

И спать – десять, одиннадцать, двенадцать.

Стричься у ласкового парикмахера с длинными пальцами, а бриться у длинноногой, смуглой, и сидеть низко, чтобы она наклонялась и пачкала свой нос в пене, а я бы ее слизывал, и мы бы оба смеялись.

Это восемь.

Охотиться можно, но не на уток, а на воднолыжников из мелкокалиберки с упреждением. Это семь.

И не забыть выиграть у китайцев сражение и Порт-Артур отбить у них.

И тут же окружить себя пленницами.

Портреты им поменять на свои.

Из ручек у девушек цитатники вынуть и вложить что-нибудь другое – это шесть.

«Скорой помощи» рыло набить, чтоб начеку и почутче, в корне почутче.

И наших всех реанимировать, а то скучно.

А гады пусть мрут от инфарктов и пестицидов. Это десять.

Да, кондиционеры на лето! Слушайте, это же невозможно!...

И унитаза всем починить. Это сто.

Борьбу с пьянством прекратить, тем более что это не борьба и это не результат.

Пограничников снять и хорошо угостить.

А чтоб сюда не лезли, забором все и дырки как положено – черт с ними, пусть видят, что здесь и как здесь весело. Это сто одиннадцать.

Морякам всем вернуться. Они туда плавают, чтоб здесь гулять, так здесь и так гуляют.

С театрами... Пусть играют – ни вреда ни пользы, давайте что хотите, только осторожно, не дай Бог, перемерете от бессилия своего бесстрашия, от чудовищного выбора позиции в классовой борьбе.

В баню по четвергам, ребята. Это всем, кроме официантов и поваров, они по пятницам.

А в четверг все вместе, с воблой, пивом, раками, зеленью и, ты Господи, водочкой.

Но в понедельник буду строг, тишина чтоб до обеда, до шести вечера.

Воробьям-сволочам лапы ватой обмотать.

Псам – кляпы.

Львам в зоопарках и у Берберовых – глушители на пасть.

Женщинам не рожать, пусть мужчины подсчитают.

И все спим, в понедельник – тишина.

Вторник, среда – личное время.

По пятницам – с девяти до двенадцати – все выслушиваем друг друга. В комнате, мирно.

И перестаньте ругаться, и кричать друг другу: «Еврей, еврей!»...

У нас в стране не все евреи!

Воскресный день

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Утро страны. Воскресное. Еще прохладное. Потянулась в горы молодая интеллигенция. Потянулись к ларьку люди среднего поколения. Детишки с мамашками потянулись на утренники кукольных театров. Стада потянулись за деревни в зеленые росистые поля. Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать.

А денек вставал и светлел, и птицы пели громче, и пыль пошла кверху, и лучи обжигали, и захотелось к воде, к большой воде, и я, свесив голову с дивана, прислушался к себе и начал одеваться, зевая и подпрыгивая.

Умылся тепловатой водой под краном. Достал из холодильника помидоры, лук, салат, яйца, колбасу, сметану. Снял с гвоздя толстую доску. Вымыл все чисто и начал готовить себе завтрак.

Помидоры резал частей на шесть и складывал горкой в хрустальную вазу. Нарезал перцу красного мясистого, нашинковал луку репчатого, нашинковал салату, нашинковал капусты, нашинковал моркови, нарезал огурчиков мелко, сложил все в вазу поверх помидор. Густо посолил. Залил все это постным маслом. Окропил уксусом. Чуть добавил майонезу и начал перемешивать деревянной ложкой. И еще. Снизу поддевал и вверх. Поливал соком образовавшимся – и еще снизу и вверх.

Чайник начал басить и подрагивать. Затем взял кольцо колбасы крестьянской, домашней, отдающей чесноком. Отрезал от него граммов сто пятьдесят, нарезал кружочками – и на раскаленную сковородку. Жир в колбасе был, он начал плавиться, и зашкворчала, застреляла колбаса. Чайник засвистел и пустил постоянный сильный пар. Тогда я достал другой, фарфоровый, в красных цветах, пузатый, и обдал его кипятком изнутри, чтобы принял хорошо. А туда две щепоточки чайку нарезанного, подсушенного и залил эту горку кипятком на две четверти. Поставил пузатенького на чайник, и он на него снизу начал парком подпускать... А колбаса, колбаса уже сворачиваться пошла. А я ее яйцом сверху. Ножом по скорлупе – и на колбаску. Три штуки вбил и на маленький огонек перевел.

А в хрустальной вазе уже и салатик соком исходит под маслом, уксусом и майонезом. Подумал я и – сметанки столовую ложку сверху для мягкости. И опять деревянной ложкой всё это снизу вверх, снизу вверх. Затем пошел из кухни на веранду, неся вазу в руках. А столик белый на веранде сияет под солнышком. Хотя на мое место тень от дерева падает. Тень такая кружевная, узорчатая.

Я в тень вазу с салатом поставил, вернулся на кухню, а в сковородке уже и глазунья. Сверху прозрачная подрагивает, и колбаска в ней архипелагом. И чайник... Чайник... Снял пузатого и еще две четверти кипяточку. А там уже темным-темно, и ароматно пахнуло, и настаивается. Опять поставил чайник. Пошел на веранду, поставил сковороду на подставку. Затем достал из холодильника баночку, где еще с прошлого года хранилась красная икра. От свежего круглого белого хлеба отрезал хрустящую горбушку, стал мазать ее сливочным маслом. Масло твердое из холодильника, хлеб горячий, свежий. Тает оно и мажется с трудом. Затем икрой красной толстым слоем намазал.

Сел. Поставил перед собой вазу. В левую руку взял хлеб с икрой, а в правую –

деревянную ложку и стал есть салат ложкой, захлебываясь от жадности и откусывая огромные куски хлеба с маслом и икрой.

А потом, не переставая есть салат, стал ложкой прямо из сковороды отрезать и поддевать пласты яичницы с колбасой и ел все вместе.

А потом, не вытирая рта, пошел на кухню, вернулся с огромной чашкой «25 лет Красной Армии». И уже ел салат с яичницей, закусывая белым хлебом с красной икрой, запивая все это горячим сладким чаем из огромной чашки. А-а... А-а... И на пляж не пошел. А остался дома. Фу... сидеть... Фу... за столом... Скрестив... фу... ноги... Не в силах отогнать пчелу, кружившую над сладким ртом... Фу... Отойди...

Так я сидел... Потом пошел.

Ходить трудно: живот давит. Стал шире ставить ноги. Дошел-таки до почтового ящика. Есть газеты. Одну просмотрел, понял, что в остальных.

А день жарче... Накрыл посуду полотенцем, надел на бюст легкую безрукавку, на поясицу и ноги – тонкие белые брюки, светлые носки и желтые сандалии, на нос – темные очки и пошел пешком к морю.

Навстречу бидоны с пивом. Прикинул по бидонам, двинул к ларьку. Минут через десять получаю огромную кружку. Отхожу в сторону, чтобы одному. Сдуваю пену и пью, пью, пью. Уже не могу...

Отдохнул. Идти тяжело. Уже полпервого. Поджаривает. На голове шляпа соломенная. В руках авоська с закуской и подстилкой.

Блеснуло. Узенько. Еще иду. Шире блеснуло. И уже блестит, переливается. Звук пошел. Крики пляжные, голоса: «Мама, мама...», «Гриша, Гриша!», «Внимание! Граждане отдыхающие...» А внутри пиво, салат... Фу!... Ноги стали в песке утопать. Снял сандалии, снял носки. Песок, как сковорода. А!... Зарылся глубже... О! Прохлада. Занял топчан. Сел. Раздеваюсь. Сложил все аккуратно. Палит. Терплю... Солнце глаза заливает потом. Терплю, чтобы потом счастье... Медленно, обжигаясь, иду к воде.

А вода, серая от теплоты, звонко шелестит и накатывается. Не стерпев, с воем, прыжками, в поту кидаюсь... Нет! Там же не нырнешь. Там мелко. Бежишь в брызгах. Скачешь. Ищешь, где глубже. Народ отворачивается, говорит: «Тю!»

А ты уже плывешь... Холодно. Еще вперед. Набрал воздуха и лег тихо. Лицом. Глаза открыты. Зелено. Тень моя, как от вертолета. Покачивает. Рыбки-перышки скользнули взводом. А – а_ах! Вдохнул. Снова смотрю. Там ничего. Песок и тень моя. А-а-ах! Снова воздух и поплыл назад.

А когда выходишь, то, невзирая на пиво и салат и сорок лет, вырастаешь из воды стройным, крепким, влажным. Ох, сам бы себя целовал в эти грудь и плечи.

Нет, не смотрят. Ну и черт с ними.

Ай, песок, ай! Бегом к топчанчику. И животом вверх. И затих.

Опять слышны голоса: И «мама», и «Гриша», и «граждане отдыхающие», «а я тузом пик», «он у меня плохо ест»... Звуки стали уходить... Пропадать...

– Вы сгорели, молодой человек!

– А! Что?... Фу!

Бело в глазах. Побежал к воде. И раскаленный, красный, расплавленный, шипя, стал оседать в прохладную сероватую воду. Проснулся и поплыл.

Какое удовольствие поесть на пляже! Помидоры я макал в соль. К ломтику хлеба пальцем прижимал котлетку, а запивал квасом из бутылки, правда, теплым, но ничего.

Помидоры в соль. Кусочек хлеба с котлеткой, молодой лучок в соль и квас прямо из бутылки.

Какое мучение одеваться на пляже! Натягивать носки на песочные ноги. А песок хрустит, и не стряхивается, и чувствуется. В общем – ой!

Шел домой. Уже прохладней. Солнце садится куда-то в санатории. На дачах застилают столы белыми скатертями, и женщины бегают из фанерных кухонь к кранам торчащим. А из кранов идет вода. Дети поливают цветы из шлангов. Собаки сидят у калиток и следят за прохожими. Полные трамваи потянулись в город. С гор пошла молодая интеллигенция. Очереди от киосков разошлись. Стада вернулись в деревни. И медленно темнеет воскресный день.

* * *

Ум и талант не всегда встречаются. Когда встречаются, появляется гений, которого хочется не только читать, но и спросить о чем-то.

* * *

Лучший вечер на кухне: ледяная кислая капуста, горячая разварная картошечка, большая селедка, разваленная вдоль и лежащая на белых лианах писчей бумаги, морозная водочка в графинчике и стопочках. А впереди гусь млеет в духовке в моей однокомнатной. Народ за столом хороший, немногочисленный. От 30 до 40. Понимающий народ. И все знают, что будет со страной, все знают, что будет со всеми, но никто не знает, что будет между ними. Итак:...

Все кричат: «Француженка, француженка!»

А я так считаю: нет нашей бабы лучше.

Наша баба – самое большое наше достижение. Перед той – и так, и этак, и тютти-мути, и встал, и сел, и поклонился, романы, помолвки... Нашей сто грамм дал, на трамвае прокатил – твоя.

Брак по расчету не признает. Что ты ей можешь дать? Ее богатство от твоего ничем не отличается. А непритязательная, крепкая, ясноглазая, выносливая, счастливая от ерунды. Пищу сама себе добывает. И проводку, и известку, и кирпичи, и шпалы, и ядро бросает невидимо куда. А кошелки по пятьсот килограмм и впереди себя – коляску с ребенком! Это же после того как просеку в тайге прорубила.

А в очередь поставь – держит! Англичанка не держит, румынка не держит, наша держит. От пятерых мужиков отобьется, до прилавка дойдет, продавца скрутит, а точный вес возьмет.

Вагоновожатой ставь – поведет, танк дай – заведет. Мужа по походке узнает. А по тому, как ключ в дверь вставляет, знает, что у него на работе, какой хмырь какую гнусность ему на троих предложил.

А с утра – слышите? – ду-ду-ду, топ-топ-топ, страна дрожит: то наши бабы на работу пошли. Идут, наши святые, плоть от плоти, ребрышки наши дорогие.

Ох, эти приезжающие – финны, бельгийцы, новозеландцы. Лучше, говорят, ваших женщин в целом мире нет. Так и расхватывают, так и вывозят богатство наше национальное. В чем, говорят, ее сила – она сама не соображает. Любишь дурочку – держи, любишь умную – изволь. Хочешь крепкую, хочешь слабую...

В любой город к нему едет, потерять работу не боится. В дождь приходит, в пургу уходит.

Совсем мужчина растерялся и в сторону отошел. Потерялся от многообразия, силы, глубины. Слабже значительно оказался наш мужчина, значительно менее интересный, примитивный. Очумел, дурным глазом глядит, начальства до смерти боится, ничего решить не может. На работе молчит, дома на гитаре играет.

А эта ни черта не боится, ни одного начальника в грош не ставит. До Москвы доходит за себя, за сына, за святую душу свою. За мужчин перед мужчинами стоит.

Так и запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребенок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится. Так и стоит на той фотографии, что в мире по рукам ходит, – одна на всю землю!

* * *

В Ялте, Сочи и других южных городах, как только стемнеет, в комнаты налетают мужики, на свет лампы. И кружат, и сидят. Один-два крупных, три-четыре мелких. А дома и них ж-ж-ены, ж-жены, ж-жены.

С женщиной

С женщиной можно делать все, что угодно, только ей нужно объяснить, что мы сейчас делаем.

Мы идем в театр. Мы отдыхаем. Мы красиво отдыхаем. Мы вкусно едим. Сейчас мы готовимся ко сну.

Женский организм дольше подготавливается к событию и дольше отходит он него... Что предстоит событие и что это событие – надо объявить заранее. Жизнь будет торжественной и красивой.

В воскресенье мы встанем поздно, в одиннадцать часов, легкий завтрак, выйдем во двор и будем наблюдать игры детей, к трем вернемся, устроим обед на двоих и будем смотреть «Клуб кинопутешествий», затем красивый семейный ужин, сервированный на двоих, с чаем и конфетами, просмотр новой серии по ТВ и в двадцать три тридцать праздничный сон. Тебя такое воскресенье устраивает? Конечно. И хоть это точно то же, что и в любой выходной, – есть мужская четкость и праздничность.

А в понедельник где-нибудь вечером, особенно после ужина, мы сделаем вылазку на улицу Богдана Хмельницкого – настоящую, с осмотром витрин, не спеша зайдем во дворы, парадные. Очень интересно. Сказать, что это интересно, должны вы.

В среду после ужина прослушаем пластинку, которую я купил. Это очень интересно, великолепный состав (что великолепный состав, сказать должны вы), и потом прекрасно уснем. Что прекрасно уснем, тоже надо сказать. А в ближайшую субботу сюрприз. Креветки, пиво. Прекрасные креветки и чудесное пиво (надо сказать).

В субботу после обеда я тебя приглашаю на пивной вечер здесь. Это будет великолепный вечер, который очень интересно пройдет.

В воскресенье с утра я просматриваю газеты, ты готовишь праздничный воскресный борщ под мою музыку. Я выбираю пластинки, ты слушаешь и оцениваешь по пятибалльной системе. По такой же системе я оцениваю твой борщ. «Твой» говорить не надо – «наш» борщ.

В последнюю неделю февраля мы идем в театр и обсуждаем спектакль дома за легким ужином на двоих. Ужин будет при специальном освещении. Об этом позабочусь я. Переодеваться не будем, сохраняя красоту и впечатление.

Завтра у нас покупка. Мы покупаем мне туфли, то есть ты выбираешь, оцениваешь, я только меряю. Покупку отмечаем дома торжественным обедом. Вечер проводим при свече у телевизора.

Жизнь приобретает окраску. Все то же самое, но торжественно, четко, заранее. Вашу подругу не покидает ощущение праздника. Она стремится домой, из дома стремится в магазин, откуда стремится домой, чтоб не пропустить. И выходы на работу становятся редкими – всего пять раз в неделю, и целых три праздничных вечера, и два огромных, огромных воскресных дня.

Посмотри, как необычно расцвечено небо сегодня, какой интересный свет. Совершенно неподвижные облака. Они двигаются, конечно, ты права. Но в какой точной последовательности.

Очень необычная была у нас неделя, которая завершила прекрасный месяц. И вообще год был удачным. Необычайно удачный год. (Тут недалеко, что и жизнь удалась.) Мы с тобой

прекрасно живем (это надо сказать). Гораздо интереснее, вкуснее и праздничнее остальных, ты согласна? (Спрашивать здесь нельзя. Надо утверждать!) Ты согласна! Я тоже.

А Новый год встречаем на Богдана Хмельницкого. Потрясающе!... Будем заглядывать в окна, наблюдать за людьми. Это очень интересно. Рад за тебя. Готовиться надо уже сегодня. Отберем окна, подготовим квартиры, наметим точный план. Выход из дома в двадцать три ноль-ноль, встреча Нового года с шампанским, возвращение домой в целых двадцать четыре часа, и праздничный новогодний сон.

В этой торжественной жизни не поймешь, то ли вы ее считаете идиоткой, то ли она вас. Но вы активно помогаете своей жизни пройти как можно быстрее.

* * *

Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, веселый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надежный, талантливый...

После вчерашнего

Вот она, наполненная жизнь! После тусклой недели литературной работы. Наконец... Солнце ударило из зенита. Вчерашнее стоит столбом. Трудно вспомнить, так как невозможно наморщить лоб. Только один глаз закрывается веком, остальные – рукой. Из денег только то, что завалилось за подкладку. Такое ощущение, что в руках чьи-то колени. Несколько раз подносил руки к глазам – ни черта там нет. От своего тела непрерывно пахнет рыбой. Чем больше трешь, тем больше. Лежать, ходить, сидеть, стоять невозможно. Организм любую позу отвергает. Конфликтует тело с организмом, не на кого рассчитывать. Пятерчатка эту голову не берет: трудно в нее попасть таблеткой. Таблетки приходится слизывать со стола, так как мозг не дает команды рукам. Дважды удивился, увидя ноги. Что-то я не пойму: если я лицом вниз, то носки ботинок как должны быть? И сколько их там всего?

И хотя галстук хорошо держит брюки, видимо, несколько раз хотел во двор и, видимо, терял сознание. Видимо, не доходил, но, видимо, и не возвращался.

И что главное – немой вопрос в глазах. Моргал-моргал – вопрос остается: где, с кем, когда и где сейчас? И почему в окне неподвижно стоят деревья, а под кроватью стучат колеса?

Будем ждать вспышек памяти или сведений со стороны.

* * *

Господа! Я могу попроситься, но идти мне некуда.

* * *

Не хочется идти к вам, алкоголики. Внешний вид, места собраний, утренняя трясучка, тексты очередей... Если об от меня зависело, вы б меня никогда не увидели.

* * *

Очень противно быть пророком. Неприлично видеть, как твои самые жуткие предсказания сбываются.

Маленький вентилятор

Маленький вентилятор для закрытых помещений – несколько ос, связанных вместе на палочке, – жужжит и обвевает. Только их надо аккуратно кормить и каждую на веревочке держать, в крохотных ошейничках с вензелем «МЖ». Их четверо: Зина, Олечка, Люсечка и Константин.

В записной книжке, в корешке, живет светлячок Геннадий Павлович, который по ночам ползет впереди и освещает ярче или темнее в зависимости от вдохновения, только его тоже нужно кормить и обязательно прочищать животик кисточкой, смоченной в молоке.

А странички перелистывает обыкновенная гусеница, которую тоже надо кормить, но не держать на веревке, потому что ее и так преследуют.

Так мы и трудимся. Когда меня спрашивают: «Чем же вам помочь?», – я отвечаю: «Ничем не нужно помогать, вы не мешайте, пожалуйста!»

Как с ними говорить

Женщинам можно все. Им нельзя давать время для раздумий. Сколько здесь пострадавших мужчин, с которыми не встретились, не поговорили, не переписывались.

Нельзя говорить: «Подумайте, если вы согласны, я вам позвоню!» Или: «Вы подумайте, а я у вас спрошу через полчаса... Я буду готов за вами заехать, если вы согласитесь, я буду у вашего подъезда, если нет, я позвоню завтра... Пожалуйста, ответьте мне, располагаете ли вы свободным временем, допустим в субботу?... Позвонить в пятницу? Хорошо, договорились».

Так нельзя разговаривать даже с министром общественного транспорта, а женщины вообще не те люди... «Скажите, а вас устроит воскресная поездка?...» Нет! Нельзя так говорить!

Немедленно! Сейчас! Тут! Здесь! Уже! Ну, давайте. «Алло, я за вами заезжаю. Вы будете готовы. Значит, я внизу. Значит, я подымусь. Значит, я войду! Значит, я ложусь под дверьми. Значит, я дышу в замок. В общем, вы будете готовы к двадцати. Не к восьми, нет! Именно к двадцати. Я буду у вас! Именно я у вас!» Это не от нахальства с наглостью, а чтобы не говорить, на какой улице, под каким деревом. Минимум для раздумий. Никакой необходимости ориентироваться в пространстве, даже в двух минутах ходьбы от дома. Не спрашивать, где, куда, когда. Цифры и факты оглашать самому. «Я стою здесь. Я уже здесь. Только выгляньте – мне видно. Я напротив в автомате, я машу букетом, я радостно мечусь под окном. Я хочу слышать шаги по лестнице, идущей вниз. Ведущей вас ко мне вниз. Ну!»

– Но я сегодня собиралась мыть...

– Нет. Мы на минуту.

– А куда?

– В прекрасный дом.

– Я не знаю...

– Мы на минуту зайдем и тут же...

– Что – тут же?

– Ничего, там вас хорошо знают.

– Откуда?

– Не знаю. Знают. Там будут ваши друзья.

– Кто?

– Все вас ждут давно. Мы на минуту, а потом придумаем что-нибудь еще.

– Что – еще?

– Придумаем.

– Что? Что?

– Пока сюрприз.

Ошибка! Какой «сюрприз»? Какой «пока»? Вы заколебались. Вы сделали паузу.

– Нет. Я не могу. Я должна мыть.

– Ну, завтра. Ну, пожалуйста.

Лепет. Мура. Вся автоматная очередь начинает толкать вас в спину. Очередь все поняла. Уважения нет. Вы провалились, уступите место следующему...

– Вы давно без девушки?

– Давно.

– Ага. Могли бы и не отвечать. Букет бросайте сюда.

* * *

Нем больше женщину мы меньше, тем меньше больше она нам.

* * *

Вопль человека всех времен: «Не нарушайте мое одиночество и не оставляйте меня одну».

Турникеты

В конце каждой улицы поставить турникеты. Конечно, можно ходить и так, и на здоровье, но это бесшабашность – куда хочу, туда и хожу. В конце каждой улицы поставить турникеты. Да просто так. Пусть пока пропускают. Не надо пугаться. Только треском дают знать. И дежурные в повязках. Пусть стоят и пока пропускают. Уже само их присутствие, сам взгляд... Идешь на них – лицо горит, после них – спина горит. И они ничего не спрашивают... пока. В этом весь эффект. И уже дисциплинирует. В любой момент можно перекрыть. Специальные команды имеют доступ к любому дому и так далее.

По контуру площадей – до проходной. Вдоль забора идет человек, руками – об забор. Ну, допустим, три, четыре перебирания по забору – и в проходную, где его никто не задерживает, хотя дежурные, конечно, стоят. Красочка особая на заборе, ну, там, отпечатки и так далее. Да боже мой, никто с забора снимать не будет – бояться нечего. Но в случае ЧП... отпечатки на заборе, и куда ты денешься? А пока пусть проходят и без документов. Хотя при себе иметь, и это обязательно на случай проверки, сверки, ЧП. То есть, когда идешь на дежурного, уже хочется предъявить что-нибудь. Пройдешь без предъявления – только мучиться будешь. Со временем стесняться проверок никто не будет. Позор будет непроверенным ходить. Тем более – появляться неожиданно и где попало, как сейчас. Или кричать: «Мой дом – моя крепость» – от внутренней распушенности.

Но в коридорах дежурных ставить не надо. Пока. Начинать, конечно, с выхода из дома. Короткая беседа: «Куда, когда, зачем сумочка? Ну а если там дома никого, тогда куда?» И так далее. Ну, тут же, сразу, у дверей, чтоб потом не беспокоить. И ключик – на доску. Да, ключик – на доску. То есть чтоб человек, гражданин не чувствовал себя окончательно брошенным на произвол. Разъяснить, что приятнее идти или лежать в ванной, когда знаешь, что ты не один. Что бы ты ни делал, где бы ты ни был, ну, то есть буквально – голая степь, а ты не один, и при любом звонке тебе нечего опасаться – поднимаются все. При любом крике: «Ау, люди!» – из-под земли выскакивает общественник: «Туалет за углом» и так далее. Ну, это уже чепе, а гулять надо все-таки вчетвером, впятером.

А если в гости – не забыть направление. Это тоже обязательно. От своего дома оформляется местная командировка в гости: убыл, прибыл, убыл. Ну, конечно, дать диапазон, чтоб человек чувствовал себя свободно. Хозяин буквально чем-нибудь отмечает. Ну буквально, ну чем-нибудь буквально. Ну, да той же печатью, господи. Но ставить время с запасом, чтоб гость неторопливо собирался.

Контроль личных сумок – даже и не надо в каждом доме, только в узловых пунктах: подземный переход, вокзал, базар. Для чего? Чтоб примерно питались все одинаково. Это что даст? Одинаковые заболевания для врачей, одинаковый рост, вес для пошивочных мастерских и, конечно, поменьше незнакомых слов, поменьше. Употреблять буквально те слова, что уже употребляются. Чтоб не беспокоить новым словом. И для красоты через каждые два слова вставлять «отлично», «хорошо» и так далее. Ну, например: «Хорошо вышел из дому, прекрасно доехал, отлично себя чувствую, одолжи рубль...» – и так далее.

Начинать разговор так: «Говорит номер такой-то». Да, для удобства вместо фамилии – телефонные номера. Имена можно оставить. Это и для учета легче и запоминается. Допустим: «Привет Григорию 256-32-48 от Ивана 3-38-42». Пятизначник. Уже ясно, из какого города, и не надо ломать голову над тем, кто кому внезапно, подчеркиваю – внезапно,

передал привет. Со временем, я думаю, надо будет брать разрешение на привет, но очень простое. Я даже думаю, устное.

С перепиской тоже упростить: все письма писать такими печатными буквами, как вот эти индексы на конверте. Вначале, конечно, непривычно, выводить долго, но настолько облегчается работа почты... И в таком состоянии много не напишешь. И, конечно, вместо автоматических телефонных станций я б восстановил старые, с наушниками и ручным втыканием в гнезда. Вот подумайте – много людей освободится. Причем для упрощения и удобства с выходящими из дому беседует уличный контроль. Дальше – контроль проспектов, потом – площадей. С теми, кто из города, работает высококлассный междугородний контроль. Ну а, не дай Бог, при выходе из государства – всю трудится наша гордость, элита – общевыходной дроссельный контроль под условным названием «Безвыходный». У них и права, и техника, и максимум убедительности, чтоб развернуть колени и тело выходящего назад. Лицо можно не трогать, чтоб не беспокоить. То есть в такой обстановке горожанин и сам не захочет покидать – ни, ты понимаешь ли, родной город, ни, ты понимаешь ли, родную улицу, а потом и дом станет для него окончательно родным.

* * *

Самое вкусное вредно.

Самое приятное аморально.

Самое острое незаконно.

Отсюда такая задумчивость в глазах каждого сидящего на собрании.

* * *

Я квартиру не убираю, я ее просто меняю.

Клуб кинопутешественников

Говорят, что карта мира не имеет белых пятен, что открыты острова и плывут материки. Очертания известны, и течения интересны, и журнал «Вокруг света» печатает карты и рассказы.

Вы расскажите мне про Париж.

Вы говорите, там розовый воздух, вы говорите, там бульвар Инвалидов и повсюду маленькие бистро.

Вы говорите, там художники рисуют на улицах и приезжие чувствуют себя как дома.

Как интересно!

А вот и документальный фильм.

Да-да, мы как будто там побывали.

Полтора часа среди парижан.

И даже получили подробные ответы не на свои вопросы.

Самоотверженный труд кинооператоров: десятки кинооператоров шатаются по Парижу и служат нам, миллионам.

А вчера, в воскресенье, в двадцать часов, мы объездили с корреспондентом заповедник, мы притаились с оператором за деревом, мы из вездехода наблюдали за львами.

Как интересно.

Журналист очень аккредитованный говорит:

«Там, – говорит, – львы, – говорит, – не боятся машин, там обезьяны совершают набеги, собираются, – говорит, – вместе, и нет, – говорит, – спасения, – говорит, – от них».

Как интересно.

Фиджи, Таити, Лос-Пальмос – такие названия и острова, говорят, очень давно открыты, говорят, кем-то, а сейчас живут на доходы от туристов каких-то.

Выставки цветов на Таити...

А Таити открыт давно и работает круглые сутки. А Багамские острова... Как? Вы не бывали на Багамах?

– Ну, грубо говоря, не бывал.

– Вот европейские столицы похожи. Если вы были в Париже, то уже можно, говорят, не ездить в Вену или Стокгольм. Разве вы этого не знали?

– Ну, как же, не знал, как же, не знал. Ну, конечно, не знал. Вы же знаете – все время на работе. Глянешь иногда в окно... Выедешь куда-нибудь на троллейбусе... И, в общем, всегда обратно. Так сказать, умом постигаешь, воображением. Дома все себе можно представить. Я почти все себе напредставлял. До того воображение развито – мурашки появляются, если Рейкьявик. Если Африка – потею. Однажды до утра раскачивался на пальме. Проснулся – мозоли от пальмы. Я ее обхватил ногами – и стремительно вниз. Видимо, меня что-то испугало там, в ветвях. Ночью вскочил мокрый от Ниагары – брызгает жутко. Я понял, что Новая Зеландия похожа на Кавказ под Сухуми, Австралия – тот же Алтай, Нью-Йорк напоминает Ялту чем-то, я завтра досмотрю – чем.

Часа в два ночи появляется Сидней – и раздражает. А если мне хочется с ними поговорить, то я их вижу здесь. Они же все здесь бывают. Финнов уже совсем от наших не отличишь. Ихний Хельсинки – тот же Гомель, я так думаю. Попробуйте меня разубедить. А нехватку воображения можно пополнить в самом популярном клубе, клубе

кинотеледомагорепутешественников, когда своими глазами видишь тех, кто побывал в Дании.

Но, говорят, самое интересное – пароходом. Экран, значит, на экране вода, океан, земли ни черта не видать. Если океан спокоен – никто ничего, плывем. По квартирам тишина. И вдруг налетает ветер из телевизора – как даст прямо в лицо, с брызгами. Ну там инструкция есть: ведро воды сзади в телевизор заливаешь с утра, на ведро воды пачку соли за семь копеек и ветродуй для морского колорита. Это если диктор предупреждает, что поплывем, потому что, если поскачем, допустим, на лошадях через лес, а аппарат сработает на брызги, впечатление не то – на лошади с веслами, как дурак.

Значит, вот так: ветер двинул, брызги, лежишь мокрый – ну полное ощущение. И тут начинается горизонт – вверх, горизонт – вниз, прямо разрывает. От телевизоров – рычаги к кроватям. Операторы на студии управляют всеми кроватями, пока людей просто выворачивать не начинает. Ну, по сто квартир в доме, и все плывут в Австралию. Если очень плохо – сошел с кровати, и все, но впечатление потерял. А тут крики чаек из кухни, кто-то кусает из динамика.

Некоторые, самые крепкие, звонят на студию и слышат крик капитана: «Спасайся! Мина по борту!» Лежишь на койке весь в слезах. Потом выгружаемся, конечно, в разных квартирах, кто в каком состоянии. И только члены клуба кинопутешественников. Парень сказал: с этим будет очень строго. Потому что очень удобная поездка, как на кладбище: все едут туда. Оглянулся, и ты дома: жена, дети – итальянские впечатления.

А сейчас цветная стереофония пошла. Мы в Стамбуле с корреспондентом устриц жевали. Он – по ихнюю сторону экрана, мы – по нашу. То есть он жует – стереофония, звук, цвет, хруст, писк... Единственное, вкуса нет, хотя слюна уже пошла.

* * *

*Что такое, без четверти два все время?
Это манометр!*

*Что случилось с женщинами?
Я постарел или новая мода – невозможно глаз оторвать,
трудно стало ходить по улицам.*

Прохожий

Современная женщина, идущая по городу, – отдельная, сладкая, близкая тема для разговора. Сказочная, как выставка мод. Будоражаще пахнувшая издали. Стройная. В брючках, закатанных под колени, открывая миру сапоги, а в них чулочки и только в них – ножки. А на торсике – вязанная самой собой кофтуля-свитерок с ниспадающим, открывающим, отрывающим от дела воротником, а уже в воротнике – шейка, служащая для подъема и опускания груди, с цепочкой и украшенная головкой со стекающей челкой на строгие-строгие, неприступные глаза, закрытые для отдыха длинными, загнутыми вверх прохладными ресницами, вызывающими щекотку в определенные моменты, до которых еще надо добраться, а для этого надо говорить и говорить, говорить и говорить, и быть мужественным, и хорошо пахнуть, не забывая подливать сладкий ликер в рюмки, перекладывая билеты в Большой зал из маленького кармана в пистончик и попыхивая сигаретой с калифорнийским дымком, зажженной от зажигалки «Ронсон», срабатывающей в шпорм и лежащей тут же возле сбитых сливок, присыпанных шоколадом, в тридцати сантиметрах от гвоздик в хрустальной узкой вазе, закрывающей нежный подбородок, но открывающей губки, где тает мармелад.

О Боже, оркестр, ну что же ты?! Вот и датчане вышли в круг, вот и ритм, но нет, не то. Пусть датчане прыгают, а мы спокойно, почти на месте, неподвижно, струя кровь мою от вашей в трех сантиметрах и вашу влагу от моей – в пяти.

Ваша стройность перестала быть визуальной, она уже – здесь. А разность полов так очевидна, так ощутима. Мы так по-разному одеты и представители столь разных стай. Только наши шаги под этот оркестр. Из наших особей исчез интеллект и пропали глаза, мы ушли в слух. Его музыка, твоё дыхание и там, внизу, движение в такт контрабасу. И догорает сигарета, и допевает квартет, и ликер из графина перетек в наши глаза, а сливки с шоколадом еще не кончились. Они припорошили губы, и мы будем их есть потом, позже, медленно.

Хороший режиссер в этом месте ставит точку, потому что к нам приближаются. Официант, портье, милиционер и распорядитель танцев...

Стиль спора

Хватит спорить о вариантах зернопогрузчика. Долой диспуты вокруг технических вопросов. Мы овладеваем более высоким стилем спора. Спор без фактов. Спор на темпераменте. Спор, переходящий от голословного утверждения на личность партнера.

Что может говорить хромой об искусстве Герберта фон Караяна? Если ему сразу заявить, что он хромой, он признает себя побежденным.

О чем может спорить человек, который не поменял паспорт? Какие взгляды на архитектуру может высказать мужчина без прописки? Пойманный с поличным, он сознается и признает себя побежденным.

И вообще, разве нас может интересовать мнение человека лысого, с таким носом? Пусть сначала исправит нос, отрастит волосы, а потом и выскажется.

Поведение в споре должно быть простым: не слушать собеседника, а разглядывать его или напевать, глядя в глаза. В самый острый момент попросить документ, сверить прописку, попросить характеристику с места работы, легко перейти на «ты», сказать: «А вот это не твоего собачьего ума дело», и ваш партнер смягчится, как ошпаренный.

В наше время, когда уничтожают вредных насекомых, стерилизуя самцов, мы должны поднять уровень спора до абстрактной высоты. Давайте рассуждать о крахе и подъеме Голливуда, не видя ни одного фильма. Давайте сталкивать философов, не читая их работ. Давайте спорить о вкусе устриц и кокосовых орехов с теми, кто их ел, до хрипоты, до драки, воспринимая вкус еды на слух, цвет на зуб, вонь на глаз, представляя себе фильм по названию, живопись по фамилии, страну по «Клубу кинопутешествий», остроумию по хрестоматии.

Выводя продукцию на уровень мировых стандартов, которых никто не видел, мы до предела разовьем все семь чувств плюс интуицию, которая с успехом заменяет информацию. С чем и приходится себя поздравить.

Прошу к столу – вскипело!

Сын мой неосуществленный

Сын мой неосуществленный. Итак, что тебе взять у беспутного отца, покорителя маленьких компаний и больших розовых женщин?

Нерожденный сын мой. Нам гордиться нечем. Рад бы посадить тебя на диван, показать на шкаф, набитый книгами, и сказать: «Смотри, сынок. Отец не будоражил и не бузотерил понапрасну. Все эти три полки он написал крупным, стремительным почерком. А ты, негодяй?!»

Или показать на шкаф, набитый черепами черепах, и сказать: «Смотри, сынок, твой отец. На его ракетах летает второе поколение космонавтов Его формулы используют, чтобы засеять рис по его чертежам делают кесарево сечение. На кого ты похож? Развратен и гадок. Фу! Да ты пьян, и опять эта девка за дверью...»

Или разгрести кучу детей и вызвать старшего: «Смотри, сынок, сколько твоих законных братьев, а ты? Тебе уже сорок. В кого ты, сынок? Фи! Да ты опять пьян. И уже другая девка под дверью. В кого ты вырос, бандит?»

В меня, сынок.

И ни черта ты не откроешь, и не напишешь. И не родишь, как не родил я. И я опять пьян, и эту девку ты не знаешь.

И вообще, сынок, выйди-ка и оставь нас, если вообще хочешь появиться на свет.

Падает снег

Для Р. Карцева

Когда разрывается душа, когда бело и белеет за окном. Сыплет и сыплет. И тихо в квартире, и мягко сыплет белым, и голые прутики веток качают головками в белых папахах. Красная ягодка рябины в шапочке. Падает снег. Тепло у меня. Что-то в приемнике потрескивает и превращается в музыку и женский голос. Только нужно еще тише...

Падает снег. Воробьи встрепанные заглядывают мне в глаза. Я – им. Взаимное недоверие. А я бы их пригласил погреть красные лапки и почирикать...

А снег летает, летает, прежде чем упасть и покориться. Все бегут по снегу. Я дома сижу. Все это переживаю. Играют все, носятся, кричат, лают, прыгают. Я все это переживаю. Умом постигаю изнутри. Системой. Остаюсь в милой неподвижности. Работаю в тепле воображением...

Следы моих комнатных туфель на снегу. И если выскочить из них и темпераментно помчаться дальше, оставляя как минимум рубчатые следы носков, а потом в заводе и из них выскочить и помчаться еще, оставляя нижнюю пятерню, стопу за стопой, стелющимся шагом и криком, затухающим вдали.

Падает снег. Голову нести осторожно. Не расплескать на бегу кипящую массу недовольств, обвинений, проклятий, сарказма в сосуде из скуки... Падает снег. Ложится сверху и укрывает черное, израненное, поваленное, измученное. Что-то в общих чертах проступает. Можно и не угадать, что там творилось в жаркую погоду. Победители, побежденные лежат укрыты. Тишина. Гладко. Холодно. Светло...

Падает снег. Что-то там происходило. Да и что-то еще происходит. Поздно. В кепочках белых плодики... Под снегом города и концертные залы. Гладко все сверху, а снизу ничего не видать. Снег падает.

У меня зима...

Мне показалось

Освобождая всех от ответственности за мои высказывания, выражаю личное мнение о будущем, имея в виду что-то вроде конца 20, начала 21 века.

Итак, что мне показалось этим жарким летом: дружба будет торжествовать повсеместно. Под этим будет пониматься что-то иное, чем сейчас, но в ней будут искать опору и утешение.

Любовь исчезнет в связи с исчезновением личности. Слово «любовь» в теперешнем понимании будет использоваться юмористами.

Секс притупится. Он будет более интимным, чем рукопожатие, но не потребует столь строгого уединения. Для его возникновения потребуется гораздо больше времени... Поцелуи скрываться не будут и вытеснят рукопожатие. Интимное сближение обозначит начало, а не конец знакомства.

Супружество сохранится в виде состояния в штате на договорных началах. Требования к супружеской верности, изредка упомянутые в телекомедиях, уже не вызовут смеха, как очень старый анекдот.

С моногамией будет покончено еще в XX столетии. Секс очень помолодеет, сократится, примет спортивный характер. Его начало и конец где-то 14—51.

Эротика будет поощряться сверху, от этого потеряет популярность. Некоторые болезни будут ликвидированы: сифилис, пневмония, астма. Взамен появятся другие от лекарств, ликвидировавших предыдущие.

Опытное население станет избегать врачей с образованием. Процесс обезличивания среди них завершится к концу века. Лечение будет дорого стоить. Редкие врачи станут еще богаче. Посещение больных родственниками прекратится.

Лица со средним физическим развитием исчезнут. Прохожие будут делиться на культуристов и физически недоразвитых, высмеивающих их.

Стройность женщин сохранится, но необходимость вызывать огонь на себя приведет к фантастической одежде, открывающей одну ягодицу, и т. д.

Большое количество опросов населения, создание комиссий без публикации выводов. Опросы без выводов породят лживые ответы и замкнутся.

Правда исчезнет окончательно. Жизнь, как ни странно, будет продолжаться.

Оратор и аудитория будут говорить на одном языке, прекрасно понимая, о чем речь, и не о том. Истины слышно не будет, но она будет известна. Уже не будут правдоговорящие вызывать страх, в них будут видеть городских идиотов и покровительствовать: кормить, давать что-то из одежды...

Огромное число ученых, живущих совершенно отдельно. Их никто не будет видеть. Об их существовании будут судить по синтетическому мясу, лазерному телевидению, пробирочным разнорабочим. Совершенно отдельный мир с открытиями, премиями, конгрессами. То же и со спортсменами: допинг обязателен.

Процесс отбора младенцев для спорта завершится к середине XXI века. Дальнейшая мутация среди них с употреблением сильнодействующих препаратов приведет к средней скорости около 30 км в час. 2 м 70 см в высоту. Сетки, корзины, ворота, клюшки, поле – будут подняты и увеличены вдвое. Специальные породы спорт-людей от вида спорта уже родившиеся с развитыми ногами или плечевым поясом. Команды не станут делиться на

мужские и женские.

Литература приобретет устный характер и лаконизм. Вместо книг – кассеты с веселыми текстами. Писатели исчезнут. Останутся ученые, острящие для слушателей. Живопись в виде цветковых пятен, поэзия в виде эпиграмм. Для слуха – тексты к песням.

Музыка электронная звучит непрерывно, управляется диспетчером. Также и будильники. Строго централизованы.

Из черт характера – обязательность превыше всего. Деликатность исчезнет из-за бесполезности. Наглость будет настолько привычной, что перестанет добиваться таких успехов.

Еда синтетическая, со слабым вкусом. По желанию бодрящая или усыпляющая.

Справки, резолюции через ЭВМ и грамматика исчезнут. Знаки препинания только в ученом мире. В мемуарах сами вспоминаемые наговорят отобранные собой цитаты.

Космосу так и не найдут практического применения в мирных целях, и космонавты исчезнут.

Осетры, белые медведи будут кормиться с вертолетов и сбегаться на выстрел.

Погоду можно будет менять. Хотя, чтобы разогнать тучи, потребуются долгое оформление и согласие со стороны поливальщиков.

Бюрократизм вообще станет неожиданным, воздействуя на отдельных лиц отключением мусора и водопровода. Прописка сохранится, но потеряет смысл из-за быстроты авиации, хотя самолеты будут грязными и будут падать. Управление авиацией – с земли.

Случаи отказа управления с огромными потерями не вызовут таких огорчений, как сейчас. Вообще отношение к смерти выровняется. Максимум печаль, как сегодня на вокзале или в аэропорту. Быстрое сжигание с автоматическим выбросом таблички. Кладбища исчезнут.

Алкоголь таблеточный, быстропроходящий. Аккумуляторные автомобили будут прожигать одежду и заряжаться розетками под домом.

Усилиями ТВ пропадут ирония и юмор, хотя смех останется. Причины для его вызова самые простые.

Что исчезнет окончательно и будет цениться превыше всего – искренность.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получается ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит – еще ничего, а как рот откроет – так пока не идет. Или, там, собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну, чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И, видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость – так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень!» А когда откроется, – так еще пока не доносит: вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский – тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну, если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать. И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока. Вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком проглотить и еще – в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина.

Или – весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор говорит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради Бога, не хотят другого, ради Бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания, уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже заматался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении».

Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя». Или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечаю за все» – прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» – получается только по частям.

Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там – баночное пиво, омары, крики «Я Разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла.

Что такое писатель в семье? Квартирант под девизом: «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

Тяжелый характер

Талантливый человек слишком неудобен каждому и хорош для всех. Его нельзя принимать в больших дозах. Тяжелый характер вызывается причинами, неудобными для многоразового объяснения.

Такой человек в словах видит больше смысла, чем туда вкладывает собеседник, и обижается. Ему страшно мешает жить собственная фантазия. Его нельзя оставлять обидевшимся. В своем воображении он дойдет до убийства.

Ему нельзя две-три работы подряд назвать плохими: он запаникует, попытается расстаться со своей профессией, будет делать неумелые пробы другого и внутри сойдет с ума. Снаружи начнет пить с кем попало и жаловаться встречным.

Цветут деревья во влаге и солнце, расцветает талант в атмосфере любви и восторга. Он не виноват: роль выбрала его.

Он настолько уверен, что делает плохо, что похвала всегда приятно поражает. Зазнайство при таланте невозможно, оно наступает после.

За зазнайство часто принимают тяжелый характер. Тяжесть для собеседника представляют ответы невпопад, переспрашивания от погруженности во что-то. Это раздражает одного, тут же обижает второго, затем вступает воображение – и скандал.

Тяжел попытками назвать все вещи своими именами. Докопаться до черт характеров собеседника и назвать их. Это невыносимо. Женщины красивые, которые вообще склонны преувеличивать свои успехи, с радостью убеждаются, что перед ними плохой человек. Именно они авторы формулировок: «Хороший поэт, но плохой человек».

В то же время человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам – его талант. Он сам зависим, привыкает к месту. Боится потерять жизнь, но произносить Другое не может, так как видит себя со стороны.

Наивен, потому что не насторожен.

Бывает скуп, так как боится за свою жизнь, не умея приспособиться.

Иногда жаден в еде, ибо редко получает удовольствие.

Привыкает к месту, но не моногамен.

Ищет опьянения и не знает, чего именно избегать. Он позволяет этому случиться, но всегда возвращается.

Искренне удивляется, услышав крик.

Совершенно не может вести семью. Хотя может о чем-то договориться. Но железную последовательность и упорство в делах должен проявлять другой человек. Опять-таки потому что он, не сознавая, проявляет упорство там, где он талантлив. Его хорошо прикрепить к кому-то или к двоим и рассматривать как одно целое.

Нас тянет к таланту. Слушать его. Сидеть рядом. Надо понимать его узкое предназначение и помогать производить то, что у него лучше получается. Мы должны ему нести сырье, и не бескорыстно. Он весь воз потянет. Он создаст.

Гениальные произведения – такие же создания Бога, как птицы и животные, непоявление их оставляет место это пустым.

Я хочу купить, как во время войны, танк на средства артиста, но пользоваться самому какое-то время. Приятно, наверное, внезапно появиться в ЖЭКе и попросить заменить пол на кухне, не выходя из машины. Хорошо въехать на базар и через щель спросить: «Скоко, скоко? Одно кило или весь мешок?»

Хорошо еще иметь приятеля на вертолете, чтоб летел чуть впереди, и пару друзей с автоматами, чтоб бежали чуть сзади.

Так можно разъезжать по городам. Ночевать где захочется.

В поликлинике насчет больничного листа осведомиться. Зайти к главному потолковать, пока друзья под дверью расположились.

Очень хорошо, если кто-то ругается. Продавца, допустим, так орет, что в машине слышно,

ребята сзади аж спотыкаются. Это очень удачно – подъехать к лотку, въехать прямо на тротуар и спросить: «Из-за чего, собственно? Почему бы не жить в мире и спокойствии?» И на ее крик: «Это кто здесь такой умный?» – «Я!!!» И подъехать поближе, громыхая и постреливая вверх совершенно холостыми, то есть очень одинокими, зарядами.

Вот и очередь у гастронома врассыпную. «А чем, собственно, приторговываете, из-за чего, собственно, жалобы? Может, обвес, обсчет, обмер? Ну-ка, взвесьте-ка мне и сюда, в дырочку, положите».

А трамвай сзади тихо стоит, не трезвонит, частнички дорогу не переезжают, хотя и мы на красный ни ногой, ни траком, то есть кончик ствола у светофора замер и только на желтый взревело.

Конечно, это уже не бумажные фельетоны, тут, если сосредоточиться на ком-то, его можно все-таки устранить вместе даже с окружающими или по крайней мере обратить внимание общественности. Что, мол, откуда эта стрельба, дым и дикие крики? А там как раз обращают внимание общественности на скверные ступени, то есть тот дикий случай, когда перила дают движение вниз, а именно лестница его задерживает.

Или – где тянут со строительством, просто подъехать и спросить. Но, чтоб он через задний ход не сбежал, друзья должны его оттуда вернуть и подвести к стенке, где графики. Пусть с указкой объяснит. Также с перебоями в молоке. Попросить председателя встретиться с начальником и пригласить к стенке с обязательствами.

Потом, насчет очков. Их нет или они есть? Или есть, или нет? Не в очках дело! Пусть четко скажут – они есть, или их нет.

Лекарства выписывать те, что есть, или те, что лечат, и чем они отличаются? Я не думаю, чтоб они длинно говорили.

Да и просто легче кого-то посадить на поезд, в степи встретить и посадить. Билетов все равно нет, а места все равно есть.

Да, Господи, имея такой аппарат, нетрудно весь художественный совет пригласить к себе по поводу принятия этого монолога. Если кто против, спросить, сидя на башне и хлебая из котелка: «Почему, собственно?» Не просто ему не понравилось и мы не играем, а спросить: «Почему, собственно?» Мы можем даже вместе выйти на сцену: один читает произведение, а другой тут же объясняет, почему этого не надо делать. И кто больше соберет народу? Пусть эти ребята тоже дают прибыль.

Да мало ли куда можно подъехать, справиться, как там идут дела.

Но тут уже не по телефону. Тут, как никогда, важен личный приезд.

И устроить прибытие скорого танка по вызову. Это вам уже не группа психологов, которая успокаивает под девизом «То ли еще будет!» Это мы, конкретные ребята, мотовзвод огнестрельного сочувствия.

И чтоб прошел слух, что врать нам стало небезопасно, что из-за неизвестного жильца может приехать Я с друзьями, и наша броня также глуха, и пусть у него хоть на какое-то время отнимется его вранье, которое ему кажется умением разговаривать с людьми, пусть оно больше не вырабатывается его председательской железой, пусть он не учит нас, ибо результатов у него никаких, а ждать, что он сам поймет, уже невозможно...

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди...»

Конечно успехи медицины огромны

Десяткам тысяч возвращено зрение, миллионам возвращен слух.

Правда, с появлением зрения возникают новые проблемы: квартира – ремонт, изображение в зеркале требует замены.

С возвращением слуха слышны крики в трамвае и юмор, комментарии по телевидению международной жизни.

Массу людей вылечили от болезней желудка. Им нельзя было есть жирное. Теперь можно есть все. Все, что есть, можно есть.

То есть появление новых лекарств и исчезновение старых продуктов образует взаимозаменяемые пары.

Обильная пища вызывает склероз сосудов.

Ограниченная – вспыльчивость.

Сидение – гипотонию.

Стояние – тромбофлебит.

Что с человеком ни делай, он упорно ползет на кладбище...

* * *

Сидишь дома – кажется, все дома сидят.

Выйдешь на улицу – кажется, что все вышли.

Попадешь на вокзал – думаешь, ну, все поехали.

В больнице впечатление, что все туда залегли; на кладбище – все погибают.

Ну, много нас. Не забыть бы кого окончательно.

В Париже

- Опять хочу в Париж.
- А вы давно там не были?
- Я никогда там не был.
- То есть давно не были?
- Никогда не был.
- Ну, значит, очень давно.
- Если мне сорок, то примерно столько я там не был.
- Ну, это не так давно.
- Да сравнительно недавно.
- И уже тянет?
- Да, уже потягивает.
- Но еще можете терпеть?
- Терплю.
- Вы потерпите. Может, и обойдется. Вы где будете терпеть?
- Да здесь, где ж еще.
- Прекрасно. Вот стул. Рекомендую путешествие, но не вдоль, а в глубь материи.

Прильните к микроскопу, путешествуйте в атом, и никто вас не задержит. То, что останется над микроскопом, недостойно сожаления. Вы ушли. Перед вами не банальная ширь, не заплеванной горизонт, а невиданная глубь, что гораздо ценнее и чревато открытием.

Париж истоптан. Молекула – нет.

Ввысь тоже не стоит. Наш ученый, ярко глядящий вверх, имеет вид присевшего журавля.

Идите в клетку. Ищите в атоме. Оттуда – в гены. В генах, кроме всего прочего, ваша тяга к Парижу. Там есть два таких шлица справа, подверните отверткой, вот этой. Генная регулировка. Поворачиваете отвертку. Желания сжимаются, вытягиваются, чернеют и исчезают, оставляя счастливое тело.

Вместе

Да здравствуют лылые, болезненные люди, вселяющие в нас уверенность. Да здравствуют все, кому нельзя, делающие нашу трапезу праздником.

Да здравствуют желудочки и сердечники, среди которых вы обжора и молотобоец.

Пусть их радует огромная роль фона в нашем обществе. Вашу руку, ревматики, колитики, гас-тритчики и невротики! Запретных вещей нет, есть вещи некомендованные, которые мы тут же совершим под завистливые вопли осуждения. Больной и здоровый живут одно и то же время, только те силы, что больной тратит на отдаление, здоровый – на приближение яркого света в конце тоннеля.

Только вместе – together, являя наглядную кривую полноты жизни.

От чего к чему, а главное, о том, что между.

Бесквартирные, помогайте цепляться за квартиры. Неустроенные, вызывайте такой приступ держания за свое место, чтоб его можно было вырвать только с этим местом.

Не соответствующие должности, бездарные в науке и культуре, работайте непрерывно, создавая материальные ценности, принципиально новые машины и кинофильмы, ставьте спектакли, стройте дома.

На этом синем фоне клочок бумаги с жалкой мыслью будет переписываться миллионами от руки, а появление убогих способностей будет принято за рождение огромного таланта, что даст ощущение счастья всем участникам нашего Движения под завистливыми взглядами других народов.

Вперед, широкоплечие, бездарные и симметричные, – ваша взяла.

* * *

Соколиная охота. Беру брата-красавца, иду по Невскому, вижу красивую девушку – выпускаю брата! Раз!... Она – моя.

Рассказ подрывника

Я, в общем, тут чуть не подорвался...
Просили рассказать. Мамаша! Что, я не понимаю?
Да не беспокойтесь, дети могут не выходить.
Ну что вы все такие нежные?
Ну, действительно, чуть все не сыграли в...
Степь... Канал...
Идет баржа... Белая!...
Длинная, как...
Ромашки!... Ну просто!...
И тут подрывники суетятся!...
Заложили килограмм по пятьсот тола и тротила... его знает!
Провода у них длинные!...
И тут надо было дернуть за!...
А главный орет: «Махну платком!...
Но только – по платку!...
Если дернешь!...
Мы ж будем проплывать!... Следи за рукой!...»
Ну, он только собрался, тут все готово... баржа огромная, ну, как...
И ни одной... ну, действительно, как... ну, точно...
Он уже поднял платок, мы думаем: «Н-ну!...»... Бинокли...
Тут кто-то как заорет: «Стоп!... Прошу!...»...
А главный в мегафон: «Кто крикнул „стоп“?!
Мне интересно, я сейчас из нее!...
Каждую слушать!...
Мы ж баржа!... Нас же несет!...
Чем я этот «стоп»?!... Об какие берега?... Уволю!...»...
А младший ему: «Я, в общем, на вас!
На вашу баржу!
На ваш канал!
На всю вашу степь с её окрестностями!...
Ты ж смотри, какая-то плывет... вещь!»
Глядят все... аж...
Всплыл!... Тротил или тол... вся в проводах., никто и не знает... они же специалисты.
Как она эту баржу догнала!?...
А мы ж все на барже... они дёрнут, мы ж как вороны разлетимся!...
Цепляемся, как!...
Если б не тот пацан, все б...
Я – начальнику: «Что ты орешь? Ты молись!
Ты этого пацана, ты должен поцеловать в...
Это ж был бы полный!...
Ты б свою Дуську!...»
Вот такая приключилась...

*Дураки очень любят наказывать умных.
Во-первых, себя поднимают.
Во-вторых, умней получают.
В-третьих, все видят, кто главный.
Единственное – потом не знают, что делать.*

Ребята! Наши беды непереводимы

Что такое юмор?

Под давлением снаружи юмор рождается внутри.

Прохожий

Не о себе. В защиту жанра. Сам стал слезлив и задумчив. Сам стал копаться в словах. Сам потерял жизнь и от этого – юмор. И, потеряв это все, расхаживая в поношенном пиджаке задрипанного философа, скажу – ничего нет лучше жизни. А юмор – это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез.

Смех в наше время и в нашем месте вызывает зависть. «Что он сказал? Что он сказал?» Люди готовы идти пешком, ползти: «Что он сказал?» Можете плакать неделю, никто не спросит: «Что вам сказали?» Плачущий в наше время и в нашем месте при таком качестве сложных бытовых приборов, повышении цен и потоке новостей не вызывает интереса.

Плачущий занимает более высокое положение, чем хохочущий. Это обычно министр, директор, главный инженер. Хохочущего милиционера не видел никто.

Юмор – это жизнь обычных людей. Чем меньше пост, тем громче хохот, и прохожие с завистью: «Что он сказал? Что он сказал?»

Господи, какое счастье говорить что думаешь и смеяться от этого. «Что он там сказал?» – все время спрашивают сверху.

– А ничего. Мы так и не поняли.

– А чего ж вы так смеетесь?

– А от глупости.

– А где он? Мы ему ничего не сделаем. Обязательно скажите, где он. Где он – это самое главное.

– А вот он.

– Где?

– Вот, вот. Только что был и что-то сказал. Да так ли важно, кто сказал, важно, что сказал.

– Нет, товарищи, для нас важно, кто сказал и что он еще собирается сказать. Его творческие планы. Это особенно важно. Если кто-нибудь его встретит, позвоните, пожалуйста, в районное отделение культуры в любое время суток – мы тоже хотим посмеяться.

Опять хохот.

– А вы почему смеетесь? А как вообще сочиняются анекдоты? Не может быть, чтоб все сочиняли, должен быть автор. Друзья, если кто-нибудь его случайно встретит, позвоните, пожалуйста...

Почему же плач не вызывает такого беспокойства? Почему величайшие трагедии величайших писателей не вызывают такого ищущего интереса? Почему «Двенадцать стульев» не выходило, не выходило, пока не вышло? И «Мастер и Маргарита» и Зоценко? И хватит ханжить. «Двенадцать стульев» никак не меньше для нормального человека, чем «Анна Каренина», а «Мастер и Маргарита» – чем «Война и мир».

Юмор, как жизнь, быстротечен и уникален. Только один раз так можно сказать. Один

раз можно ужать истину до размеров формулы, а формулу – до размеров остроты.

Юмор – это не шутки. Это не слова. Это не поскользнувшаяся старушка. Юмор – это даже не Чаплин. Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно. И ты весело открываешь законы, по которым ходят люди. Юмор – это достояние низов.

Ползя наверх, наш соученик выползает из Юмора, как из штанов. Чего ему смеяться там, у него же нет специальности, и первый же приказ трудоустроить по профессии ставит его на грань самоубийства.

А если уж очень большой, еще осторожнее: «Им только улыбнись – сразу что-то попросят. Улыбнулся – квартиру дай, засмеялся – дочь пропиши». И, теряя юмор, друзей, любимых женщин, человек растет в должности. Развалюченная секретарша, завалюченная жена и большие подозрения, что смеются над ним, и хотя его никто не называет, но в нем появляется интуиция волка и такой же мрачный, полуприкрытый взгляд.

Вот что такое юмор. Вот что такое его отсутствие. А нам он помогает выжить. Сближает всех со всеми. На анекдот – как на угощение.

И не надо унижать авторов. За одну фразу Ильфа и Петрова «Собаки карабкались с ловкостью боцманов» – отдам целую страницу греческой трагедии со всеми содроганиями в начале и завываниями в конце; и море слез, в котором утонули четыре старухи, не стоит одного взрыва хохота в ответ на один выстрел истины.

Я видел раков

Для Р. Карцева

Я вчера видел раков по пять рублей.
Но больших, Но по пять рублей...
Прав да, большие...
но по пять рублей...
но очень большие...
хотя и по пять...
но очень большие...
правда, и по пять рублей...
но зато большие...
хотя по пять, но большие.

А сегодня были по три, но маленькие, но по три...
но маленькие...
зато по три...
хотя совсем маленькие...
поэтому по три...
хотя маленькие...
зато по три...
то есть по пять, но большие...
но по пять...
но очень большие.

А эти по три, но маленькие, но сегодня...

А те вчера по пять...
но большие... но вчера...

но очень большие, но вчера, и по пять, а эти сегодня, но по три, но маленькие, но по три. И сегодня.

А те были по пять, но вчера, но очень большие, то есть, те были вчера по пять и очень большие, а эти и маленькие, и сегодня, и по три.

Вот и выбирай: по пять, очень большие, но вчера, либо по три, но маленькие, но сегодня, понял?

Не все, но понял, но не все? Но все-таки понял...

Хотя не все, но сообразил почти, да?

Хотя не все сообразил, но сообразил.

Хотя не все.

Ну пошли. Не знаю куда, но пошли. Хотя не знаю куда.

Но надо идти. Хотя некуда.

Уже три – надо бежать...

Но некуда... В том-то и все дело...

Я так стар и спокоен...

Я так стар и спокоен, что желаю вам счастья.

Счастье – случай. Говорю как очевидец, как прагматик.

Счастье, если тебе приносят ужин, а ты не можешь оторваться. Счастье, когда ты выдумываешь и углубляешься, а оно идет, идет и чувствуешь, что идет. Такой день с утра, за что бы ты ни взялся. И вокруг деревья, и солнце, и пахнет воздух, и скрипит снег, а ты тепло одет.

Или в дождь, когда ты в плаще на улице, и льет – а ты стоишь.

И счастье – это человек. И путешествие не путешествие, и Африка не Африка, если его нет. А один маленький, нежный, невозможный.

Как мучительно счастливо, как больно и отчаянно, какие слезы от немоги выразить ему. Ты только смотришь на него... Твои глаза, как два прожектора. Ты светишься, ты светишься.

Она существует. Эта мучительная борьба нервов. Эта тревога рядом и боль вдали. Это мучение, так мало похожее на радость. И рождается между сердцем и дыханием.

И только потом, когда спадет высокая температура, ты поймешь, что это было.

А этот маленький и нежный, весь твой, ребенок или женщина. Он приходит и занимает весь дом, всю душу. С ним идешь и удивляешься. С ним впервые видишь и рассматриваешь книги и травинки и начинаешь понимать кошек и собак, чувствуешь добрые руки угрюмого человека и говоришь, говоришь, говоришь, стены переходят в улицу, улица в лес, а ты говоришь, как будто никогда этого не делал. Пропадает стеснительность, исчезают корявые слова, и ты говоришь, говоришь, говоришь...

Насколько живо и энергично

Насколько живо и энергично выглядят покойники в кино и по ТВ. Как свежо звучат с пленок их голоса: – Послушай, я тебе скажу. Ты не прав. Кто здесь без билета, выйдите немедленно из зала. Я не начну, пока он не покинет!

Боже! Они же живые! Они с нами! Вот вам царство небесное. Вот вам и бессмертие. Мы добились своего. Бывший человек сопровождает нас уже до нашей смерти. Первую половину слов он говорит нам живой, вторую половину – в записи. Причем у него все новые и новые пожелания для нас, напутствия и прямо-таки дельные советы.

Откуда-то приходят все новые записи, изображения – с нами, голос – с нами... Ребята, наговаривайте через микрофон советы детям на 2020 год и далее. Только распределяйте толково. Мол, вот дачу ты собираешься строить, правильно. Машину не стоит ремонтировать, ты ее меняй. Потолок побели, обои оставь...

Жизнь продолжается. Лично вас нет, а голос, мысли, ваше лукавое лицо – все дома. Пожилые, инфарктники, почечники, циррозники, спинномозговики, снимайте себя на видео, пока вы еще в приличном состоянии и мыслям есть где удержаться. Лежа на раскладушках, натирая морковь, сидя на горшках, наговаривайте будущим потомкам. Пытайтесь ответить на возможные вопросы. Для будущей живости вставляйте: «Что-что? ...», «Никогда!», «Я себе этого не позволял и прожил живо и интересно». Нет, не надо говорить в прошлом: «...и живу живо и интересно».

– Дети. Много женщин – это плохо, дети. Костя, ты знаешь, кому я говорю... Не притворяйся, ты прекрасно знаешь, о чем я... Я, дети, себя чувствую прекрасно...

Советы, ответы, эссе и замечания должны приходиться регулярно. Жизнь, в которой вы получали удовольствие, может незаметно кончиться, зато теперь будут получать удовольствие от вас. Единственное чего надо опасаться, – это радиации, которая не только убьет, но и размагнитит. Ну, тут уж, как говорится, все вместе. А если все и без исключения, то это и не обидно. Все так все. Все исчезли также внезапно, как и возникли. И только где-то слух пройдет:

– Ты слышал, вроде там была жизнь.

– Да, слышал. Говорят. Вроде была. Мало ли что говорят.

Ну и ничего страшного. Ну и жили, пели, любили, и нет их. Просто надо придумать несгораемые, несмываемые и неснимаемые пленки. Тогда все мы, все наши образы, все мысли, все слова и личики будут жить вечно, накладываясь друг на друга.

И что такое 70 лет труда и болезней в безоблачной и ровной вечности.

* * *

Ученые установили, что, кроме нас, разумных существ в Солнечной системе нет. Значит, нам надо как-то держаться.

Консерватория

Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

Может, что-то в консерватории подправить?

* * *

Тут возможны, два варианта. Либо ты называешь дерьмо дерьмом, невзирая на должности и звания, и народ тебе кричит ура. Или ты кричишь ура, и народ тебя называет дерьмом, невзирая на должности и звания.

Как?! Вам ничего не говорили?

Все наши несчастья начинаются фразой «Как, разве вам ничего не говорили?»

Он (*по телефону*). – Девушка, девушка, в чем дело? У меня уже несколько дней молчит телефон, девушка?

– Как? Разве вам ничего не говорили?

– Нет.

– А вы открытку получали?

– Нет.

– Как? Вы же должны были получить.

– Да. А я не получил.

– Вы должны были получить. (*Отключается.*)

– Девушка!...

– Пятнадцатая.

– Уважаемая пятнадцатая. У меня уже три дня молчит телефон.

– А вам ничего не говорили?...

– Нет, нет, ничего. И открытки не было. А что случилось?

– Должна была быть. А из управления вам звонили?

– Нет.

– Странно.

– Что случилось?

– Вам изменили номер.

– Девушка, миленькая, пятнадцатая, не бросайте. За что? Почему?

– Там узнаете.

– Может быть, вы знаете, почему нет писем, телеграмм. Уже очень долго.

– Как, вы еще не знаете? (*Щелкнула. Отключилась.*)

– Нет, нет. Что случилось? Пожалуйста!

– Уже месяц, как вам поменяли адрес.

– Ой! Ай! За что? Куда бежать? Всему дому поменяли?

Она (*щелкнула*). – Нет. Только вам.

Он (*растерянно*). – Что же делать? Я же так жду. А тут приходят письма, повестки на фамилию Крысюк. Куда их пересылать?

– Постойте, вам что, действительно ничего не говорили?

– Нет.

– Это вам.

– Как?... Я же...

– У вас изменилась фамилия в связи с вводом новой станции. Разве вы не получали открытку?

– Нет... Что же теперь делать? Меня же никто не знает...

– Вас предупредили. Вот у меня список. Против вас стоит птичка: «Предупрежден».

– Нет, нет. Я ничего не получал.

– Значит, получите. (*Щелкнула, положила трубку.*)

– Девушка...

– Восьмая.

- Мне пятнадцатую, пожалуйста.
 - Минутку.
 - Простите, милая пятнадцатая, как меня теперь зовут?
 - Это Крысюк?
 - Д-да...
 - Сейчас, сейчас... Семен Эммануилович.
 - Так я уже не...
 - Нет-нет. Это все осталось. Год рождения – 1926.
 - Мне же сорок два...
 - Это по-старому. Вам теперь пятьдесят шесть, еврей!
 - Опять?!
 - Да. Родители – кулаки-землевладельцы.
 - Откуда? Что? Какие землевладельцы? Мы из служащих...
 - Нет, нет. Это изменено. Вам должны были послать открытку, но я вам могу зачитать, если хотите.
 - Да. Да. Обязательно.
 - Крысюк Семен Эммануилович, пятьдесят шесть лет, из раскулаченных, продавец.
 - Кто?
 - Продавец овощного отдела.
 - Позвольте. Я врач. С высшим. Первый медицинский в пятьдесят втором году.
 - Нет, нет. Это отменено. Вы продавец.
 - Где, в каком магазине?
 - Вы сейчас без работы. Вы под следствием и дали подписку.
 - За что?
 - Недовес, обвес. Этого в карточке нет, то ли вы скрывались. Я не поняла. Вам пришлют. Там что-то мелкое. Ну, у вас родственники там...
 - Нет у меня там.
 - Теперь есть.
 - Где?
 - В Турции.
 - Турки?
 - Нет... Сейчас палестинцы. Тут написано, что вы подавали какие-то документы. Что-то просили.
 - Что просил?
 - Тут не ясно. Вам отказано. И от соседей заявление. Просят вас изолировать.
 - Мы же незнакомы. Я их никогда не видел.
 - Просьба рассматривается. Скажите спасибо, что у меня время есть. Я не обязана отвечать, я завтра уйду в декрет, так уж сегодня настроение хорошее!
 - Спасибо вам, пятнадцатая, пусть ваш ребенок будет здоров.
 - Так что вы сейчас из дому не выходите. Соседи могут избить вас.
 - Ладно. Спасибо. А тут письма, повестки на имя Крысюка, что делать?
 - Ну как? Отвечайте. Это вам все!
 - Простите, у меня дети есть?
 - Сейчас... Маша, посмотри, у Крысюка дети... *(Щелкнула.)* Минуточку! *(Щелкнула.)*
- Двое. Сын восемнадцать и дочь двадцать семь.

- Где они?
 - Уехали в прошлом году.
 - Они мне пишут?
 - Минуточку. *(Щелчок.)* Им от вашего имени сообщили, что вы скончались.
 - А всем, кто меня вспомнит под старой фамилией?...
 - Лучше не стоит общаться. У вас и так хватает... Вам еще – курс лечения...
 - От чего?
 - Здесь сказано – туберкулез.
 - Но я здоров.
 - Сказано – кашель.
 - Возможно.
 - Вам тут что-то положено.
 - Что?!
 - Штраф какой-то.
 - Спасибо.
 - Да! Вы должны явиться.
 - Ну и черт с ним.
 - Нет. За деньгами. Перевод был. Но вас не нашли.
 - Как – не нашли? Вот же находят все время.
 - Вас не нашли и отправили обратно.
 - Откуда перевод?
 - Не сказано.
 - Скажите, девушка, а внешность мне не изменили?
 - Вот вы даете. А как же можно внешность изменить? На глупости у меня нет времени.
- (Щелчок.)*
- Так что же мне делать?
- (Голос из трубки):* – Ждите, ждите, ждите...

Давайте разберемся

Меня возмущают те, кто возмущается.

Меня удивляют те, кто удивляется.

Ибо все претензии к нашей жизни отпадают, если с трудом понять и без труда сформулировать.

Наша жизнь солдатская.

И шутки солдатские.

И товары наши солдатские.

И утварь наша солдатская.

И разговоры наши солдатские.

И стадионы у нас солдатские.

И еда и командиры.

И жалобы наши солдатские и их обсуждения, и развлечения наши и их обсуждения, и намеки наши солдатские, и ответный хохот.

И жены наши солдатки.

И лечение, и похороны после него.

И архитектура наша простая казарменная.

И заборы, и ворота среди них.

И покрашенная трава.

И побеленные колеса.

А начальство наше генералы.

И дома у них генеральские.

И шутки у них генеральские.

И шапки у них генеральские.

И жены, и дети у них генеральские.

И лечение, и похороны после него...

А мода у нас солдатская.

И манера у нас одна на всех.

И вкус у нас один.

И тоскуем мы по Родине, как и положено солдату.

* * *

В стране, где все крадутся вдоль забора, не так легко дорогу спросить.

Суть нашей жизни

Суть нашей жизни в том, что посреди любого удовольствия, любви, выпивки или лучшей беседы может кто-то подойти и сказать:

– Вы чего это здесь собрались? Совесть у вас есть?

И вы начнете собираться неизвестно куда.

Компания, стол, чтение, разговоры, смех, наслаждение – вдруг:

– Что это вы здесь делаете? А ну быстро!

И вы собираетесь неизвестно куда.

Белая ночь, гитары, огни пароходов на светлой воде...

– Ну-ка, что это вы здесь собрались? Ну-ка, ну-ка без разговоров!

И вы собираетесь.

«Съчас – съчас – съчас...» – только чтоб тихо, только чтоб мертво было.

Или черная ночь. Звезды, море, наверху танцы, внизу темно и таинственно и только ее руки еще светятся, а твои уже нет. И вдруг, как ревение коровы:

– Это кто здесь прячется? Что это такое?! А ну-ка быстро отсюда!

И вы собираетесь неизвестно куда.

Здесь убирают, здесь подметают, здесь ограждают, здесь проверяют, здесь размечают. Так шаг за шагом, как диких оленей.

И вот оно родное: икра из синеньких, помидорок, арбуз, бычки жареные, килечка домашняя.

– А ну вон отсюда. Этта что такое?

– А ну, вон отсюда!

И вы опять начинаете собираться, совсем забыв, что вы у себя дома!

* * *

Не жуем – перетираем.

Не живем – переживаем.

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Отношения с родным пролетарским государством складывались очень изоциренно. Пролетариат воевал с милицией, крестьянство – с райкомами, интеллигенция – с КГБ, средние слои – с ОБХСС.

Так и наловчились: не поворачиваться спиной – воспользуются. Только лицом.

Мы отвернемся – они нас. Они отвернутся – мы их.

В счетчик – булавки, в спиртопровод – штуцер, в цистерну – шланг – и качаем, озабоченно глядя по сторонам. Все что течет выпьем обязательно: практика показала, чаще всего бьет в голову. Руки ходят непрерывно – ошупывая, примеривая... Крутится – отвинтим. Потечет – наберем. Отламывается – отломаем и ночью при стоячем счетчике рассмотрим.

Государство все что можно забирает у нас, мы – У государства. Оно родное и мы родные. У него и у нас ничего вроде уже не осталось. Ну там военное кое-что...

Антенну параболическую на Дальнем Востоке, уникальную... Кто-то отвернулся – и нет ее... По сараям, по парникам...

Грузовик после аварии боком лежит, а у него внутри копаются. Утром – один остов. Пираньи...

И государство не дремлет. Отошел от магазина на пять метров, а там цены повысились. От газет отвернулся – вдвое, бензин – вдвое, такси – вдвое, колбаса – вчетверо. А нам хоть бы что.

Мировое сообщество дико удивляется: повышение цен на нас никакого влияния не имеет. То есть не производит заметного со стороны впечатления.

Те, кто с государством выясняться боится, те на своих таких же бросаются с криком: «Почему я мало получаю?! Почему я плохо живу?!» И, конечно, получает обстоятельный ответ: «А почему я мало получаю?! А почему я плохо живу?!»

А от государства – мы привыкли. Каждую секунду и всегда готов. Дорожание, повышение, урезание, талоны – это оно нас. Цикл прошел, теперь мы его ищем. Ага, нашли: бензин – у самосвалов, трубы – на стройках, мясо – на бойнях, рыбу – у ГЭС. Качаем, озабоченно глядя по сторонам. Так что и у нас, и у государства результаты нулевые, кроме, конечно, моральных. Нравственность совершенно упала у обеих сторон.

Надо отдать должное государству – оно первое засуетилось: «Ну, мол, сколько можно, ребята, мы ж как-то не по-человечески живем...»

А народ – чего, он полностью привык, приспособился, нашел свое место, говорит что нужно, приходит куда надо и отвинчивает руками, ногами, зубами, преданно глядя государству в глаза.

– У нас государство рабочих и крестьян, – говорит государство.

– А как же, – отвечает народ, – естественно! – И отвинчивает, откручивает, отламывает.

– Все что государственное, то твое.

– А как же – естественно, – говорит народ. – Это так естественно. – И откручивает, отвинчивает, отламывает.

– Никто тебе не обеспечит такую старость и детство, как государство.

– Это точно, – соглашается народ, – прямо невозможно... Это ж надо, действительно. –

И переливает из большого жбана по банкам трехлитровым.

– Только в государственных больницах тебя и встретят и положат, и вылечат.

– Только там, действительно, как это все, надо же... давно бы подох, – тут же соглашается народ. И чего-то сзади делает, – видимо, себя лечит.

– И ты знаешь, мне кажется, только в государственных столовых самое качество. Оно?

– Оно, – твердо говорит народ и поворачивает за угол с мешками.

– Куда же ты? – спрашивает государство через свою милицию.

– Да тут недалеко.

– Не поняло.

– Да рядом. Не отвлекайтесь. У вас же дела. Вон международное положение растет...

Не отвлекайтесь. Мы тут сами.

– Не поняло. Что значит сами? Анархия что ли? У нас народовластие. Это значит нечего шастать, кто куда хочет. Только все вместе и только куда надо.

– Да не беспокойтесь, тут буквально на секундочку.

– Куда-куда?

– Да никуда, ой, Господи.

– А что в мешках?

– Где?

– Да вот.

– Что?

– В мешках что?

– Что в мешках, что? Где вы видите мешки? От вы, я не знаю, я же хотел через минуту назад.

– А ты знаешь, что в этом году неурожай. Погодные условия, затяжная весна, в общем неурожай.

– Да нам что урожай, что неурожай. Все равно жрать...

– Ну-ну!...

– Полно.

– Это потому, что мы закупаем, а мы должны сами.

– Должны, конечно, но это уже чересчур... И вы будете покупать. И мы будем сами. Это чересчур – объединимся.

– Нет, мы закупать не должны, мы сами...

– А, ну тогда не хватит.

– Что ты плетешь. Тебе вообще все равно. Какой ужас, тебе вообще все равно – есть государство или нет.

– А что, нам не все равно?

– Как? Постой! Мы твое государство, ты это знаешь?

– Знаю.

– А то, что ты народ, ты это слышал?

– Слышал.

– И веди себя как должен вести народ.

– Как?

– Ты должен бороться за свою родную власть.

– С кем?

– С сомнениями... Это твоя родная власть.

– Вот эта?

– Эта-эта. Другой у тебя нет. И не будет, я уж позабочусь. Так что давай яростно поддерживай. Это не просто власть. Это диктатура твоя. Вы рабочие и крестьяне и тут без вас вообще ничего не делается, и нечего прикидываться.

– Вона...

– А как же. Это ж по твоему желанию реки перегораживаются, каналы строятся, пестициды...

– Вона...

– Ты же этого хотел...

– Когда?

– Вот тебе на... Что ты прикидываешься, ты же всегда этого хотел.

– Хотел, конечно. Ой, разговор какой тяжелый... Позвольте на минутку.

– Стоять! Отвечай по форме.

– Глуп, ваше сиятельство.

– Не смей! Я твое родное народное государство. Отвечай: «Слушаюсь, гражданин начальник!»

– Слушаюсь, гражданин начальник.

– И знай, если кто поинтересуется, ты сам всего этого хотел. Ясно?

– Так точно. Ясно.

И государство тепло посмотрело на народ.

– Заправь рубаху как следует, пуговку застегнуть. Вот так. Нам друг без друга нельзя, – сказала государство.

– Почему? – сказал народ. – Конечно. Хотя...

– Нельзя. Нельзя. Ты не вздумай отделиться... Ты обо мне подумай. Что это за государство без народа. Итак уже сплетни, мол, насильно живем.

– Да что вы. Я только хотел на минутку отделиться и назад.

– Нельзя. Стой на глазах. Не вертись. Ну чего у тебя?

– Можно власть отменить?

– Так это же твоя власть.

– А отменить нельзя?

– А враги, а друзья?

– Какие враги, какие друзья? Что-то я их не видел.

– Напрасно. Они нас окружают. Врагов надо донимать. Друзей надо кормить, иначе никто дружить не будет.

– И чего? Все время?...

– Все время, иначе все разбегутся. И враги не будут враждовать, и друзья не будут дружить. А нам они пока нужны. Обстановка сложная. Ну, иди, корми друзей, врагами я само займусь, и чтоб все понимал. А то стыд. Ни у одного государства такого бестолкового народа нет... Иди. Стой! Ты меня любишь?

* * *

Борьба с населением

Так, как раньше – жить нельзя. Теперь, как теперь?

Вопрос, на первый взгляд, простой: живи, и все. Если выживешь.

Договорились, что мы умираем раньше всех. Об этом мы договорились. Умираем, чтобы сконцентрировать, а не растягивать процесс. Умираем раньше, причем намного, иначе договариваться не стоило. Сделать ярче короткую, но яркую – таким бывает экран неисправного телевизора – жизнь и ослепительную точку в конце.

Борьба с населением подходит к концу. Все от них отмежевались, и народ остался один. Население, предупрежденное, что никак не пострадает, игнорирует предупреждения. Борьба с пенсионерами тоже подходит к концу. Давно было ясно, что им не выжить. Им и не надо было начинать. В принципе с ними разговор окончен. Либо они идут в структуры, и вертятся, и крутятся, либо не мешают. Как? – это их дело.

Всем видно, что от любых постановлений правительства они страдают в первую очередь. То есть ничего нельзя постановить. Они парализуют правительство. Как бы ни высказался Центральный банк – опять встревоженные лица стариков. Кажется, у них это единственное выражение лица. Видимо, от стариков надо избавляться еще в молодые годы.

Говорят, что и дети страдают. Кто-то это видел. Значит, надо избавляться и от них. Детей и стариков быть не должно. Как они этого добьются – это их дело. Оставшееся население не сможет помешать реформам, и жизнь изменится к лучшему, что она и делает, хотя и незаметно для участников процесса. Это как часовой механизм. Большая стрелка – законы парламента. Минутная – распоряжения правительства. А ремень от часов – изменение жизни к лучшему. Как видим, они тесно связаны между собой.

Операция отъема денег, проводимая над населением раз в два-три года, болезненна, но необходима. Как кастрация котов. Она их делает домашними и доброжелательными. Кастрированный, конечно, на крышу не полезет и в марте сидит тихо. Единственное, чего бы хотелось, – чтоб население встретило эту операцию с одобрением. Думается, что третий отъем денег через два года так и будет встречен и никакой неожиданностью ни для кого уже не будет.

А при условии отсутствия стариков, женщин и детей хотя бы на переходный период все проблемы будут решены быстро, и жизнь станет яркой и короткой без ненужной старости и детства, как и было обещано в начале этого рассказа.

* * *

В чем, наша разница: вместо того чтоб крикнуть:

– Что же вы, суки, делаете?!

Мы думаем:

– Что же они, суки, делают.

Разговор с зеркалом

Начнем сверху.

В сильный ветер не выходи: останешься без шевелюры, без ресниц и без зубов.

Тоскливые серые глаза. Длинный нос.

Круглое толстое лицо – загадка природы: у папы и мамы продолговатые.

Обидчив – это все, что осталось от чувства собственного достоинства.

Давно неостроумен.

Юмор покрывает трагедию, как плесень.

Все борются с плесенью, хотя надо бороться с сыростью.

Оттого, что молчалив в обществе, стал разговорчив наедине с собой.

Кое-что себе сообщит и тут же весело хохочет.

Оттого, что уделяет много внимания внутреннему и международному положению – стал неряшлив, глаза потухли, руки дрожат.

Что-то скажет – хорошо, что не слышали.

Что-то сделает – хорошо, что не видели.

В кино ему, видите ли, неинтересно.

В театре перестал получать информацию от бесчисленных «Трех сестер».

Телевизор заставляет гулять в любую погоду.

Перестал искать преданность в ресторанах, решил остановиться на тех четверых, что с детства.

Получает удовольствие от выпивки, хотя умом против.

Также, как и против женщин, – умом.

Считает – то и другое от однообразной застройки в новых районах.

Давно не танцевал.

Перестал радоваться встрече с родственниками.

Начал нести чепуху со 100 граммов.

Давно не танцевал. Так и не стал начитанным.

Так и не слышет энциклопедически образованным.

Не раскусил Скрябина.

Скрывает тоску во время Баха.

Уже не делает вид, что понимает в живописи.

Понял, что главное – это зимнее пальто.

Купил магнитофон, чтобы перестать о нем мечтать.

Для скоротания пешего времени представляет себя секретарем ООН или крепостным помещиком 1843 г.

Хотя тяги к земле не чувствует.

Пугает грязь в дождь и дождь в грязь.

Французско-английского не знает, так что можно не беспокоиться.

Место это любит.

Считает, что не место красит людей, а люди его красят.

Хочется чтоб кто-то сказал: ты нам нужен.

Не только ты в долгу перед нами, но и мы в долгу перед тобой, и защитим, и не дадим тебе плохо умереть.

Любит дождь.

В дождь и ветер кажется себе мужественным в плаще на улице.

Давно не танцевал.

Неожиданно заметил, что время идет медленно, а жизнь проходит быстро.

Профессия сатирика наложила отпечаток на поведение: часто останавливается и круто оборачивается.

Одет в серое, глаза серые, на сером незаметен.

Очень хочет участвовать в общественной жизни не только в качестве дружинника.

Хочет тоже встречать мэра Ливерпуля и показывать ему город, интересуется, кто подбирает группу встречающих.

Также хотел бы сделать доклад о международном и внутреннем положении, опираясь на слухи и догадки.

Кажется, стал понимать, почему отсутствие мыслей, неясность выражений и плохая дикция вызывают такое большое желание встретиться с аудиторией.

Считает, что догадываемость зрителей, их читаемость между строк выросли настолько, что сатирика создает зал и так внушит невиновному, что он разоблачитель и копает под устои, что тот, бедный, дико трусит от своего бесстрашия, льстиво смотрит в РИК, страшно дружит с РОВД, УВД, ДНД, лишь бы не выписали, лишь бы продукты отпускали.

Ах ты, мой маленький, назвали сатириком несведущие люди явно за то, что два-три раза искал логику, один раз усомнился и раз пять играл умом.

А ты помнишь два-три острых вопроса министру.

И на твои мелкие, замеченные на улице недостатки, он рассказал о таких безобразиях, что волосы дыбом.

Ты и заткнулся, любитель, от ответа профессионала. Ибо дураков уже, к сожалению, нет и новое поколение умнее тебя.

И можно подобрать для своей карьеры и науку, и практику, и результаты строгих экспериментов.

Потому ты и не сатирик, а юморист.

Юмористу с вульгарис. В неволе прекрасно размножается.

Рацион: 100 гр. хлеба, 100 гр. мяса, 100 гр. водки, пол-литра воды, 10 капель валидола.

Днем сидит неподвижно.

Ночью дико хохочет и якобы видит в темноте.

Что видит – никто не знает.

Писательский труд

Вместо того, чтоб писать – хожу в гости.

Если вы любите ходить в гости – живите здесь.

Чтоб стать писателем, нужно садиться и умирать.

Нужно слабеть и отдавать Богу душу.

Отдавать ее людям мало.

Это всего лишь исповедь.

А мы хотим мастерства.

Картин невиданной нами жизни.

Прекрасных поступков необразованных людей.

Глубоких рассуждений человека без личности.

Позвольте снять шляпу перед писательским столом. Такого количества фантастов не рождала ни одна земля.

Реалисты зовутся сатириками. Прозаики – поэтами. Предметы – темами.

Темы – мыслями. Крики – темпераментом.

В этом мире сдвинутых понятий и специалистов не по специальности сидит писатель и часто пишет «сбываются мечты».

Конечно... Если мечтой называется зависть.

Есть целые области...

Есть целые области человеческой деятельности, где люди умнее своих произведений. Это политика. Это балет. Это песни.

Кому везет, тот в работе на 100 процентов использует свои мозги: наука, конструирование, писательство.

Когда обращается к людям, он глупеет. Он хочет, чтобы его поняли. Он хочет, чтоб его помнили. Он хочет, чтоб его любили. Он хочет, чтоб его купили. И постепенно от того, что хочет сказать, переходит к тому, что хотят услышать.

Девиз популярности: «Все знали, а он сказал». Но все знали, а он сказал, значит, он сказал, и все забыли, потому что знали. Затем уже все знают, что он скажет, потому что у всех накопилось. А затем и сотни начинают говорить то, что все знают еще до того, как скажет он. Заканчивается тем, что никто не знает что он сказал, но все знают его. Его куда-то выбирают и забывают окончательно.

А тот, который говорит то, чего не знает никто, – так и живет. Потом, когда с его помощью догадаются первые, а с их помощью начнут догадываться остальные, его имя запомнят и не забудут как мучительную первую любовь. Но это достанется не ему. Живет он плохо, но он и есть движение.

Тот, кого знают все, – живой памятник на большом народном кладбище.

* * *

Эта женщина напоминает крематорийскую печь Евпатории. Смотришь в это пламя и понимаешь, что влетишь птицей, а опустишься пеплом.

Но такая наша ястребиная доля.

Моя дорогая, вы готовы? А иду к вам.

Она на его колене

Она на его колене пальцем чертила маршрут. Он с волнением следил. Она шла выше: «Идем по Пушкинской...» Он сипло спросил: «К Большому?»

– Да. Идем, идем, идем, пересекаем площадь...

– Ну, – засипел он. – А если войти?

– Нет, нет, поворачиваете и идете к метро.

– Дайте руку. Встречаемся вот здесь.

– Нет. Сюда не подойти.

– Смотрите, – он стал чертить пальцем по ее ноге, – чтобы добраться сюда, надо пересечь перекресток, опуститься вот здесь, здесь подняться, перейти дорогу, осторожно остановиться здесь. Спешить вот здесь не надо. Но встретиться именно здесь, возле кассы.

– Вы думаете касса здесь?

– Да.

Умная женщина сказала: «Я буду там, когда вы захотите».

Теперь ты, детка!

Теперь ты, детка!

Думай об уроках. Непрерывно. Чулочки шелковые сними, надень галстук и марш в детсад.

Дядя хочет тишины. Дядя устал. У дяди болит душа и не действует тело.

Иди, детка, играйся...

Что ты суешь?... Иди, иди... Кто тебе дал этот адрес?... А уголовный кодекс у тебя с собой?...

Нет, дядя не отдаст себя всяким малолеткам, дядя живет в обществе, где за это могут крепко посадить, дядя старый, у дяди больные ножки... Зачем ты это делаешь!?!...

Нет... Кроме валидола ничего... Ни в какой гастроном... Иди, девочка, в школу...

Нет... И я из-под одеяла не вылезу, и ты туда не влезешь...

Да что же это такое!... А если дядя крикнет. А если дядя стукнет в стенку.

Там лежит такой же. И мы вдвоем тебя скрутим. И маме будет неприятно...

Девочка!... Немедленно!... Слышишь?... Немедленно отпусти... Слышишь?... Что я сказал!...

Ой!... Ты что!... Кто тебя этому научил?!... Сойди... Немедленно... Ну!...

Нет, это не так делается...

Ой!... Ты что!... Что это за ребенок, Господи...

А ну, пошла отсюда!... Эй, люди, есть кто-нибудь?... Пошла, пошла... Не звони!... Пошла!...

Ах, ты царапаться!... Ах, ты кусаться!!...

Хорошо, завтра, завтра рассмотришь подробно... Покажу...

Все!... Нет у меня макулатуры!... Ни для кого!

Простые вещи

И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи:

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел.

Что надо принести, если попросят.

Что надо заплатить первым.

Что надо сварить бульон для больного, даже чужого.

Что надо не раздражаться на раздражение.

Землю надо любить. Воду надо любить.

Чистый воздух надо любить.

Детей надо захотеть.

Бросить все лишнее. Выбросить хлам.

Остаться с одной женщиной.

Смеяться, если смешно. Громко.

Плакать, если больно. Тихо.

Сказать «жид» может только плохой человек. Хороший уйдет от твоей обиды.

Надо восстановить свой род и посмотреть, кто там был, чтобы знать откуда.

Не стесняться ходить к врачам.

Ходить на могилы.

Смерть есть смерть.

И до нее какое-то время.

Разные виды опьянений

Сухое вино

Все хреново, Василий. Холод собачий, от аванса до получки – годы, годы и ты, Василий, не человек. Не человек ты, Василий, не человек и не убедишь ты меня, не убедишь. Куда ты кидаешь бутылку? Я тебя сейчас этой же бутылкой. Мерзавец ты, Василий, предатель, гад, а главное – не человек и не убедишь ты меня. У меня жизнь не удалась, Василий, но и ты, гад, не убедишь ты меня, Василий, никогда.

Шампанское

Ты гений, Эдуард, пойми меня. Мне терять нечего. Я насмотрелся, ты знаешь мои неприятности. Она отсудила, так что я знаю, что говорю... Ты гений, пойми, сейчас так никто не мыслит. Что ты на меня смотришь? Что мне, собственно? Мне от тебя ничего не надо. Я тебе скажу больше, ты несешь такой бред, что тебя... но ты гений, гений! Тебе надо учиться. Ну и что, что пятьдесят. Иди куда-нибудь учись.

Водка

А Потапов подписал? Ты ему всю заявку давал?... А на фондируемые?... А письмо Главснаба? Я его сейчас... Он у меня сейчас... Дай телефон. Сейчас я ему вкачу... Это министерство финансов? Отдел сертификатов? Потапова... Что?... Скажите срочно... Что?... Скажите срочно... Что?... По личному... Кто?... Скажите, Сергей из Чебоксар... Извините...

Алло, это Главснаб?... Извините... Забегали... Давай телефон Главка... Алло! Это Главстанкоинструмент?... Это Козлов из Чебоксар. Нам на 89-й год выделено... Извините... Давай весь список. Алло! Это Госбанк? Из Чебоксар говорят... К вопросу о кредитах. Извините... Но!... Извините... Вот... Слушай, нам же где-то ночевать. Давай список гостиниц, сейчас они забегают. Алло! Это «Космос»? Нас тут двое из Чебоксар по разнарядке... И чего?... Извините... Наливай...

Коньяк

Простите, Григорий Иванович, но мы сейчас это не решим. Что мы, как заведенные, проект, смета... Еще по рюмочке... У меня тут кое-какие телефончики... А, Григорий Иванович?... Да сколько той жизни... Единственная радость. А?... Ну? Григорий Иванович? Стол уже есть, мы уже в ресторане. Я опущусь, встречу... Да чего не проведем? Проведем... А мы законно... А пусть возьмут паспорта... А, Григорий Иванович? Сразу станет интересно жить! А, Григорий Иванович?... А его к черту. Зачем он здесь нужен. А мы его к телефону –

пусть дам заказывает. А, Григорий Иванович?... Какие? Молодые!... То что надо!... 32—33. А, Григорий Иванович? Стройненькие, быстренькие, все горит в руках. А нам?... Подумаешь, в годах разница на один вечер... Ну все. Значит, две... Но она с подругой... Паспорта... Я заказываю пропуск и звоню...

Алло! Зою, пожалуйста... Это 253-49-13?... А Зои... И не было... Ну все... Что же делать? А, Григорий Иванович? А я на улицу выйду... Проспект Маркса, здесь полно... *(Шепчет.)*... За пять минут – гроздь... А у меня тут еще есть тел... Евгения Петровна? Это Борис... *(Подмигивает.)* А с вокзала, помните?... *(Подмигивает.)* Мы тут с Григорием Ивановичем сидим, не разделите?... *(Подмигивает.)* А чего? Все есть... Между прочим, для вас, Женек, сувенир, нечто совершенно необычное... *(В сторону.)* Пусть приедет, там разберемся. *(В трубку.)* Не знаю, как его употребляют, но аромат стойкий... *(В сторону шепотом.)* Коньяк... *(В трубку.)* Самый дорогой, Женек... Только с подругой, ее ждет то же самое... Пузырь... все... Ваши Боря и Гриша.

Григорий Иванович, мигом переодеваться, по рюмочке и ждем... Едут...

Джин и тоник

Вы где работаете, Илья?... Курите... Нет... Надо отрезать... Вот... Давно не бывал... Добавьте вот этого, будет вкуснее... Простите, он идет только со льдом... Здесь?... Здесь никогда не наладится... Это все для дураков... А зачем бороться. Здесь никогда не будет жизни. Она нам не нужна. Мы не приспособлены. Извините, это не для печати, но культурный уровень определяется по туалетам, по, извините, вокзалам, по, простите, заборам. Что пишут, то и думают. Вот и мышление. И нам нелегко. Но чьи интересы мы отстаиваем? За кого бороться? Я на машине еду, извините, в туалет. Могу только дома. Я здесь недолго, но и это время надо пережить. Всем нам, кто здесь родился, нужно давать звание Героя Советского Союза просто за то, что прожили какое-то время. Ваше здоровье, Илья. Вы мне нравитесь, хотя там вы бы успеха не имели, как и здесь. Там тоже антисемитизм.

Водка и пиво

Гражданин, на минуточку... Ха-ха... А, все равно... Сволочи! А-а-а! Милицию вызвали... А это кто?... Ну неважно... За что?... А я не мог... Товарищ милиционер, гражданин, позвольте прилечь... Мне хр-р-р... Мне нехорошо.

Вишневая наливка и шоколадка

Ха-ха... Нет-нет... Все-все... Пожалуйста... Сидите там... Я все слышу и оттуда... Нет-нет... Ну пожалста, я очень прошу... Я могу уйци... Хороших сигарет нет?... Американских... А вы командировочный?... Откуда?... Ижевск?... Не знаю... Достаньте хороших сигарет... Чего они так смотрят?... Вон тот... Скажице, чтоб не смотрел.

Водка с пивом

Граждане! Прошу высказать выслушанное, я буду предельно... Мы с друзьями... Теперь я один. Граждане... Хватит... Хватит... На сколько все-таки... Ура!

Джин с тоником

Если бы я мог все рассказать... Я же присутствовал. Я же видел, как крупные государственные вопросы решаются... И кем?... В каком непотребном виде. Ну, Дюссельдорф, ладно. Не знают где Липецк, Курск. Я в трех строчках пишу, что мне нужно. Он на 20 страницах.

Сухое вино

Да, я неудачник, но не тебе, Василий, судить. Ты не убедишь меня, Василий.

Вишневая наливочка

А-тайди от стола! Я сижу с молодым человеком... Я с тобой встречалась?... Очнись! Иди проспись! Я сейчас ему скажу. Он боксер. Ну скажи ему, что вы боксер... Он боксер. Он ты отделает так, что ты ни к кому больше не подойдешь... А-а-а! Отпусти... Скажи ему... А где он?... Где мой молодой человек?... Нет. Я вас не знаю. Я была с молодым человеком, я с ним уйду... Только где он?...

Чистая водка

Видал?! Послали! Этот гад... Он не знает служебного расписания. Ему говорю, проведи аттестацию рабочих мест, вы же не готовы к зиме. Я говорю, инструкция Минфина здесь не подходит, здесь надо применять постановление Совмина по фондам... А! Ни черта!... Куда мы еще не звонили?... Я везучий.

Шампанское

Гений! Конечно. Но чересчур умен. Это тебе мешает. Гений должен быть природный, как яблоня. Цвести. А мы вокруг. А ты подначиваешь. Зачем подначиваешь?... Мы дураки, но каждый что-то соображает...

Коньяк

Григорий Иванович, они снизу позвонят... Я же так договорился... Который?... Без четверти двенадцать, да могут и не пустить... Сейчас... Алло, Женя?! Это Борис... Ну тот, с вокзала... Простите, мы ждем... Ребенка не с кем? Своего? Сына?... Это, извините, внук, что ли?... Нет-нет, конечно... Мы уже легли... Все, ложимся, Григорий Иванович. Отбой!...

Две задачи

У мужчины в жизни две задачи, две великие проблемы: как соблазнить и как бросить.

Решив первую проблему, он тащит на себе всю жизнь в надежде бросить.

Надежда бросить никогда не оставляет мужчину.

Даже родив кучу детей и потеряв все перспективы, он лелеет эту единственную, светлую.

И, наконец, бросает.

Правда, трусливо.

Бросает так, чтобы бросаемый не догадался.

Он объясняется в любви, нежно целует, заботливо подносит, тщательно маскируя.

Бросаемый плачет от радости, бросающий плачет от сочувствия...

Это происходит так долго, что оба, к счастью, не доживают.

И вот наши люди, не отвлекаясь от выяснения национальности, заинтересовались экологией. Новый предмет, в отличие от истории и философии, не объясняет жизнь, а сокращает.

Выдох чище вдоха. Питьевая вода из фенолов и нитратов кипячению не подлежит.

В мышцах быка нет прежней ярости и силы – они пропитаны антибиотиками и пестицидами. Люди, поедая мышцы быка, несут в себе его проклятие и послание: «Всем, всем, съевшим меня, мое последнее мщение. Я болел всю жизнь. Я не мог бегать. Я стоял. А потом лежал. Еды не было, благодаря колхозам. Любви не было, благодаря искусственному осеменению, движения не было, благодаря новым методам содержания. Я на вас не обижаюсь. Я просто проклинаю вас и все. Но еще не все. Не думайте, что несчастья покойника уходят вместе с ним. Покойники уходят чистыми. Вам остаются их болезни, неприятности, как все то, что вы построили, перейдет следующим поколениям, которые попытаются поймать вас и на том свете. Ешьте меня, скоро встретимся».

Мы возмущаемся, почему организм коровы не может переработать все окончательно? Почему вода, земля, воздух не могут переработать все окончательно? Мы все возмущены. Ну, действительно, нельзя пить, есть, дышать и купаться, но мы все это делаем. Когда так много нельзя, что нельзя жить, люди как раз и живут и поэты пишут – «человек крепче стали». Он не крепче, просто он чаще сменяет друг друга. Он как бы все время есть, но это уже не тот, а другой. Музыка та же, стихи те же, камни те же, а люди уже другие. Так и должно быть, чтобы со стороны казалось, что они всегда есть. И Сталиным их, и Гитлером, и Чернобылем, и индустрией, а они есть и есть. Отсюда ошибочное впечатление, что их ничто не берет.

На Крайнем Севере чум дымит, но в нем за 40 лет уже три поколения дымят и два поколения под шпалами лежат, а третье как бы ездит. Не успеваешь объяснить человеку, как он живет, как аудитория меняется и лектор другой. Антибиотик от туберкулеза спасает, а от антибиотика спасения нет. Если количество этой еды увеличат, шире гибнуть будем и чаще. Даже навоз стал ядовитым. Так что подумать надо, может, пустые полки и есть то, что нам надо. Жизнь и так коротка, а во второй половине водопадом уходит. Шкала ценностей меняется. За промтовары можем жизнь отнять. Что дороже – постепенно стало неизвестно. Сразу после 20 начинается вторая половина жизни.

Мы делаем из нефти платья и мыло, а потом пополняем запасы нефти собою и следующие жгут нас в бензобаках.

– Почему бензина нет?

– Сейчас подвезут.

И пошел в бак пятый век до нашей эры со всеми страстями и расстройствами.

Потому от нефти и гибнет все: прежняя жизнь давит. Тоска прежняя, религиозный фанатизм, скука деревенской жизни, отсутствие телефона, автомобиля – все это душит и давит жизнь последующую.

Мы еще быстрее нефтью станем, мы будем давить следующих нашей тоской, паникой, автомобилями, телефонами, магазинами, бумажными деньгами, злобой друг к другу. Нас в бак зальют, мы торчком встанем от ненависти. Потому бензин так дико горит, что в нем ненависть всех предыдущих к последующим. А последующие загоняют в цилиндр: «Нет, гады, будете белье стирать, ток давать, динаму крутить и еще раз умрете в тесных цилиндрах».

и, умирая, толкнете поршень в последний раз и повезете».

А нам искры достаточно. Взорвемся и везем.

А как нефть разольется – никто живым не уходит. Отсутствие жизни, быта, темнота, ненависть к другим народам – лежит, черным сверкая. Много поколений в ней и все черным сверкает.

* * *

Закон нашей жизни:

не привыкнешь – подохнешь!

не подохнешь – привыкнешь!

Райское существование

Впервые такое странное полурайское существование. Как я люблю одиночество. В пятистах метрах от одиночества люди, музыка, голубое море и белые теплоходы. Желтый песок. А тут (не путать со «здесь»), тут в зелени сижу я. Сижу в зелени, гляжу сквозь зелень, как болонка сквозь шерсть, как девочка сквозь чубчик... Ах, сквозь! Ах, через! Когда уже второй слой перекрывает взор и даль. Взор от меня, даль ко мне. Из дали большая музыка ко мне. От меня маленькая музыка туда.

Представьте 12 октября. На солнце жарко, утром холодно. И что-то вечером: какое-то кафе, какой-то разговор с каким-то умным, но темноватым джентльменом и страшная книжная ночь в лагере на Колыме.

Днем желто-зеленый, ночью черно-белый. Самый быстрый в мире переход из цветного в черно-белый мир... Не дай Господь!...

Наслаждаюсь. Синее море, белый пароход, красный «Огонек», солнечный денек...

Есть еще запахи в этом празднике. Жарят шашлык и даже из рыбы. Белый шашлык, усатый грузин, рушатся качели, визжат дети, старушки говорят в сторону моря. Катер «Гавана» ждет последние две минуты. Ресторанный дым, и очень вкусно, говорят, и говорят, дорого. Все зависит от заработка, который зависит от работы, которая зависит от специальности, которая зависит от способностей, которые зависят от человека, который зависит от родителей, которые зависели от воспитания, которое давала жизнь, прожитая раньше, где тоже были синее море, белый пароход, духовая музыка, солнце и зелень, нескончаемо наблюдающие смену людей в Аркадии.

Звонок

– Скажите, это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– А-а-а!!!

В институте упала трубка и раздался выстрел. Застрелился начальник третьего отдела.

На следующий день куча опавших листьев, под которыми ревели грузовики, переместилась в тайгу.

На старом месте только ветер шевелил оставшийся кусок парового отопления.

Звонок.

– Скажите, пожалуйста, это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– А-а-а! Опять! А-а-а!

Ба-бах! Застрелился опытный сотрудник-секретчик, гордость организации.

На следующий день вся тайга вместе со снегом переехала в Каракумы.

Звонок.

– Простите, пожалуйста, это опять я, я вам, наверное, надоел... Это институт по отработке ориентации ракет в безвоздушном пространстве?

– Да. Чего тебе?

– Надю можно?

* * *

В этой любовной спешке он со содрал с себя, белье раньше пиджака.

Отодвинули облако

Ты ее любишь?

– Да.

– Ты ее ненавидишь?

– Да.

– Ты ее не можешь забыть?

– Да.

– Жизнь без нее потеряла смысл?

– Нет.

– Что делаешь?

– Лежу. Думаю.

– Маму жалко?

– Очень.

– Себя жалко?

– Нет.

– В общем, все кончено?

– Да.

– Идут повторы?

– Да.

– Пьешь?

– Пью.

– Мы тебя застали как раз...

– Да. После этого.

– Извини.

– Можно попросить?

– О маме?

– Да.

– Это заблуждение. Мы не для просьб. Нельзя менять судьбу, нельзя.

– Одну...

– Нельзя. В ней больше, чем во всем. Нельзя! Знать хочешь?

– Нет. Совет какой-нибудь...

– Новости, которые ты считаешь плохими, такие же!

– Я буду счастлив?

– Ты будешь доволен. Иногда.

– Друзья?

– Как тебе сказать?... Ты слишком на них рассчитываешь.

– Женщины?

– Надежнее, но небескорыстно.

– Рассчитывать на себя?

– Нет.

– На женщин?

– Нет. Не показывай людям.

– А вы? Поможете?

- Пережить, перетерпеть. Пережить-перетерпеть.
- Так мало?
- Совсем не мало.
- Бороться?
- Нет. Не ври. Делай что хочешь.
- Это просто.
- Не ври, делай что хочешь!
- Это же просто.
- Не ври, делай что хочешь.
- А хватит сил?
- Вот когда тебе нужно соврать, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты пишешь и не идет рука, ты чувствуешь?
- Да.
- Когда ты внезапно кладешь слово, которого ты не знаешь, ты чувствуешь?
- Да.
- И этот ритм?
- Да.
- И эту точку, которую кто-то ставит?
- Да.
- Это мы.
- Да... да... да...
- Вставай...
- Да-да-да. Я встаю...

Сплошная самодеятельность

В стране происходят радостные перемены. Мы и не заметили, как вместо граждан появились любители. Вся страна – автолюбители, спортсмены-любители, любители оперы, любители эстрады, любители городского транспорта, любители юмора, любители молока, любители мяса!... Страна любителей. И было бы понятно, если бы название придумали. Сервиса нет, машин мало, ну и ездят какие-то любители. Вовсе им ездить не надо, они любители, и спортсмены-любители, и артисты-любители, им не надо – они любители, а мы настолько привыкли не верить, что пропустили правду. Теперь одна сплошная самодеятельность. Где взять денег, чтоб перебирать мастеров, пока не попадешь?

Вся страна сплошные любители, вся страна сплошная самодеятельность. Откуда взяться профессионалам, если столько лет мы растили самодеятельность. Искусству все равно, медицине все равно, экономике все равно, кто ими занимается, даже цирку все равно, кто им занимается. Либо есть искусство, медицина, экономика, цирк, либо их нет, а есть одна сплошная самодеятельность. Либо ручка пишет, либо она не пишет. Самодеятельность – одинокое пение на сцене пустого клуба. Крановщица поет. Факт интереснее звука. Самодеятельность проистекает после работы. Но где-то же должны быть профессионалы? Ну, сколько раз человек может снимать и одевать протез, опиливая и подгоняя живые зубы, вместо того чтобы подогнать протез. Ну сколько миллионов наших людей могут носить эту идиотскую ослепительную никелированную улыбку. Ведь все наше население можно узнать по ртам, по зубам.

Инвалиды бродят на уродливых костылях, тележках, ползают под ногами, искажаются, внутренне озлобляются или стесняются, хотя являются гражданами номер один. Нечего им одеть, не на чем ездить.

Зачем мы сцепляемся со всякими мастерами? Зачем его ругать, – он любитель. Спасибо, что пришел.

Милиция, которая не может найти вора и даже не обещает. Артисты, пародирующие друг друга, бессильные найти собственное лицо, девочки-секретарши, не знающие кто куда, когда и зачем. Конструкторы, варящие за кульманом суп. Пацаны на сборке ихних тракторов, весельчаки-балагуры, подмигивающие всем телом. Завинчивает и подмигивает, подмигивает и замеряет. Собирает и подмигивает. Санитары, не знающие как руки подложить. Больные вылеченные от другого. Инвалиды от лечения. Студенты, изучающие английский язык 12 лет. Наша прославленная ремонтоспособная машина, где все регулируется бесконечно и не может отрегуливаться никогда. Умельцы, печатающие советы, как использовать стержни от авторучек в электронных микроскопах, – это все она, поющая и танцующая самодеятельность. Их девиз известен каждому: «сойдет, заживет, там сделают».

Любитель от профессионала отличается внешне. Он грязный. Он весь в мазуте, потому что лезет не туда. Он не может по звуку определить и лезет не туда, напевая: «Ох вернисаж, ох вернисаж» и удивляясь, откуда столько лишних деталей.

Потому и спортсмены-чемпионы в цирке не выдерживают. Стреляют ахиллы! Рвутся плечи, не тянут огромные мышцы. А худой, несчастный, заморенный циркач висит и выворачивается на руке по три-четыре раза в день в поисках заработка. Потом сидит с нами до глубокой ночи, клянет разъезды, жратву, внуков, что мешают в двухкомнатной квартире работать на трапеции. Собак, что не хотят, могут, но не хотят, смотрят в глаза, сволочи, и не

хотят. До четырех утра в Доме актера, а в десять уже на канате и не раз в четыре года, а каждый день за 8 рублей 50 копеек.

Это он снял тигра с девушки и держал, прижав к прутьям клетки, хорошо, что пасть пришлась за спину. А он хилый, худой сидит с нами в ВТО и тошно ему про себя слушать и зовут его Андрис и он клоун, и только собачка, как привязанная – сидеть, стоять, лежать, лезть за пазуху, на шею. И не надо ее хвалить. Худой профессионал, длинная мышца. Их видно издали. Они бросаются в глаза тем, как ходят, как смотрят, как молчат, как берут доску в руки, как открывают капот или человеческий рот и сразу попадают куда надо и молча что-то делают, без разговора и без спешки.

Смотрите всегда на человека, если вы у кого-то покупаете машину, дом, огород. Смотрите на человека. Иначе этот мастер станет вам родным. Вы его рожу будете помнить всю жизнь и вспоминать, вспоминать. Я не знаю, что такое профессионал. Я знаю – с ним спокойно. Я знаю – он подьедет и вывезет, я знаю.

Когда судьба столкнула с немецким кино, было договорено: через три месяца в 8 вечера у меня дома. Так вот, они там были ровно в восемь, а я там оказался случайно. Бог спас меня от позора. Они были ровно в восемь. И это с оформлением виз, с перелетами из Индии в Мюнхен, черт его знает откуда.

И не надо вздыхать, глядя на водителя огромного автобуса в крахмале и галстук. Он профессионал. Он ведет от бровки в пяти сантиметрах и вписывается во все повороты. Мы все чувствуем профессионала. Мы все к нему в очереди. Если он лечит сердце, то он дает гарантию, лечит и дает гарантию, как профессор Сыркин. Включается и уже тянет на себе и к нему очереди, которые так бесят других.

Публика остро чувствует профессионала и становится в очередь. Он один, а нас много. И, к большому сожалению, нас становится все больше.

А выход такой простой, что и говорить стыдно – профессионалом может стать каждый.

* * *

Ничего-ничего, так и научимся. Распарывая, пойдем, как сшито. Взрывая, разберемся как строили. Обвиняя и видя на лице ужас, представим это лицо счастливым – это же одно и то же лицо.

Человек

Человек может работать потрясающе и бесконечно. От рассвета и до заката. Становясь все красивее. Человек в одиночку может строить дом, возделывать сад, цветы, овощи, добывать материалы, перевозить их на себе.

О! Как он может работать, строя себе дом, баню, огород!

Весь день будут слышны визг его тележки, врез топора, скрежет труб.

Один в бесконечном труде.

От вырастания дома, от вырастания сада, от вырастания животных, от бесконечного труда он становится все лучше, все нечувствительней к усталости, все интеллигентней.

И тут его начинает желать земля. Цветы отдаются только ему.

У плохого человека они не цветут.

Деревья признают его руку, животные идут на его голос.

А он уже не боится металла, не боится машины.

Кран, труба, поршень – становятся родными.

Руки начинают чувствовать металл, гайку, стиб и могут повторить как было и повернуть по-новому, сделать воде удобно, и сделать крыше удобно, и фундаменту сухо, и дереву влажно.

Руки становятся очень твердыми и очень чувствующими.

Тело не так сильным, как приспособленным.

Когда можешь поднять то, что захочешь, и верно оцениваешь вес.

Руку точно продолжает топор, ключ, мастерок.

Все отполировано. Рукоятка входит в пальцы без зазора.

Сильны те мышцы, что нужны для работы.

Может даже выпирать живот от обильной рабочей еды.

Он не мешает.

У хорошего хозяина он есть всегда.

Вначале пропадает брезгливость, потом уходит усталость, потом раздражение и появляется техника.

Кельма, полутерка, сокол приросли к рукам, голова освобождается от того, что делаешь, место тактики занимает стратегия.

Ты уже можешь осуществлять идеи.

Сначала чужие, потом свои.

Новая работа начинается с расспросов.

Всегда найдется человек, который что-то подобное делал.

Человек человеку – совет, способ и инструмент, и все становится понятным, все возможным.

Все распадается на простое. Кто делал – не совет.

А то, что ты делаешь для себя, будет стоять, пока ты жив.

С твоей смертью начнет умирать все, что ты поднял.

И никакие дети его не спасут.

Оно может умирать медленно, но умирать будет, пока кто-то не расспросит людей и не начнет сначала.

И снова пройдет все пути развития: незнание, знание, брезгливость, усталость,

раздражение, умение, техника и красота.

Твои животные родят ему детенышей, твой дом покажет ему себя, вода потечет снова, его оставят усталость и сон.

Он будет строить для себя, чтоб отдохнуть, чтоб поспать, чтоб подумать на старости лет, но ни спать, ни размышлять в покое уже никогда не будет.

Все, как и дети, уходит вперед, ничто к тебе не вернется в старости.

Лишь люди будут у тебя учиться и запомнят тебя.

И странно. Всем, что ты создал, ты не воспользуешься никогда.

Она крадется и подкрадывается со всех сторон. Она так может подкрадываться не сразу, а постепенно. Окружить и ждать. И мы чувствуем, что окружены.

Мы пьем, едим и поем в ее окружении. Играем под ее надзором. Свое присутствие она выдает ойканьем кого-нибудь из нас. Это на слух. Для глаз – седым волоском. Вопросительностью старости перед восклицательной молодостью. Ну, что вы? Разве не заметно? Она заметна здесь... А седой волос? А молодая душа, обнаруженная вдруг в старом теле? А дети наши? Она в наших детях. Она постоянна. Мы вертимся. Мы лежим, спим, встаем, работаем... Мы ищем удовольствия. Она с нами. Улыбается и желает успеха. Она, если захочет, может это удовольствие обострить до наслаждения, до экстаза.

– Такое бывает только раз, – хрипим мы...

Это она.

Когда мы говорим «никогда» и «всегда» – она в этих трех буквах «гда»...

ГДА! – И она проступит в близком лице, которому всего...

ГДА! – И она обостряет твои черты внезапно ночью.

ГДА! – Пощипывает твою косточку. Твою железку щекочет. Требуется острить быстро, здорово, как никоГДА.

ГДА! – Юмор, освещенный ею, навсеГДА.

ГДА! – Она не любит печали. Печаль, рожденная ею, банальна и она ее быстро прогоняет. Смех ее вечен, морщины боли она покрывает и разглаживает своей рукой... Великая. С ней пишется навсеГДА.

ГДА! – Стоит в отдалении и улыбается, а потом подходит ближе... А потом идет рядом... А потом положит руку на плечо, подымет высоко, до себя – и даст взглянуть...

И ты бросишь стол, дела, людей...

– Иду к тебе...

И улыбнешься неугасимо!

И видится ему из космоса

И видится Ему из космоса живописная картина, но без масла: где-то посередине скалой стоит хорошая жизнь и подбираются к ней с разных сторон какие-то люди. Через крепостное право добирались – не попали, рядом прошли. Через коммунизм добирались – не вышло: слишком в сторону отвалили. Кто-то сказал: через рынок ближе всего, только надо назад отойти и половину продуктов выбросить, чтоб налегке разогнаться. Отошли назад, стали разгоняться. Пока набирали скорость, потеряли последние ориентиры, где именно та хорошая жизнь находится. Чувствуют, где-то рядом: и запах гонит, и музыку слышно.

С криками, воплями проскочили мимо, чуть обратно в феодализм не попали. Снова разворачиваться начали – корму об камни бьет, нос на мель лезет.

Хорошо тем, кто там, в той жизни родился. Стоят они, смотрят сверху, как эти мучаются, подплывая с разных сторон, и кричат:

– Левей давай, левей, еще левей!...

А эти приглашают их к себе:

– Покажите, направьте изнутри.

– Нет, – говорят, – мы только от себя корректировать можем.

Некоторые вообще кричат:

– Давайте в сторону, ежайте своим путем!

Своим путем – это опять путем холода и недоеданий, путем отсутствия целей и больших человеческих потерь.

Так и запомнится Господу эта незабываемая картина: стоящая посреди космоса хорошая жизнь и кружащая вокруг нее лайба со всеми своими концами и пробоинами.

Вопрос у меня к Нему, вежливый, на Вы: «Что ж Вы не поможете, Господи?»

* * *

Боже! Ты мастер пауз. Молю тебя о единственной: между успехом и тревогой.

Я сам труслив до невозможности.

Но есть то, на что мы опираемся, и если его деформировать, то ходить будем, ныряя и хромя и лицо будет искажено и все будут видеть и перестанут доверять и то, чем ты зарабатываешь, имя твое, – оно не может быть слегка испорченным, – оно пропадет начисто.

Зачем лишаться своего имени и ради чего?

Как-то не припомню, чтоб очень хорошо платили за утраченное достоинство или так уж наказывали за сохраненное.

Но за имя твое платили и будут платить благодарностью, услугами, любовью и иногда деньгами.

Потому так раздражает независимость: невозможно власть к ней применить.

А талант и независимость как бы уже власть, и другая власть относится к этой с ревностью.

А та, что поумней, пытается сотрудничать.

Хотя сотрудничать невозможно: начинается то, о чем сказано выше.

Лучше всего выразить уважение и оставить в покое.

В этом одиночестве и есть его судьба.

* * *

Бог сказал ему:

«Ты нервен, суетлив, ленив, обжорлив, нерешителен, толст, и несчастлив. И цели своей никогда не достигнешь, потому что у тебя ее нет.

Но ты сумеешь, ты сумеешь описать свой негодный путь.

Целую тебя».

Два года без Райкина. 36 лет без Сталина. 24 года без Хрущева. Шесть лет без Брежнева. Четыре года без Черненко...

Эх, Аркадий Исаакович! 50 лет театру миниатюр.

А. И. Р., как всегда, все доделал до конца. Все пристроены. Одним дал театр. Другим дал работу. Третьим дал пищу для воспоминаний, дал театр, мне дал квартиру, рекомендацию в Союз писателей и имя. К нему вопросов нет.

Единственное – не нужно было вызывать в себе любовь, как вообще не нужно вызывать ни в ком любовь, чтоб потом не было слез. Держаться нужно было независимо и строго. Влюбляешься, значит, слезы рядом, ты уже содрогаешься ночами, сморкаешься в кружевной платок, любимые духи отброшены, не следишь за собой, появляешься перед ним в синих кругах вокруг глаз, дышишь рядом.

Все время дышишь рядом, пока директор тебе не скажет:

– Миша, Аркадий Исаакович решил с тобой расстаться.

– Как, – не веришь ты. – Он же только что меня обнимал рукой.

– Миша, – говорит он, – Миша...

– Да, да, да...

И ты к последней миниатюре подстегиваешь последний листок, где написано: прошу меня по моему собственному желанию... А Аркадий Исаакович, прочитав и отхохотав все до последнего, начинает пудриться. Он всегда пудрится, когда ему нужно решить. А ты стоишь, ты всегда стоишь, когда решается твоя судьба и не веришь: нет, нет...

– Да, – говорит А. И. Р. тихо. Он всегда говорит тихо.

– Ну что ж, – говорит он, – ты правильно решил.

Как будто это ты решил, и ты киваешь, чтоб его не расстраивать.

– Да, я так решил, – и вы расходитесь.

Он идет в свет, в прожектор, в аплодисменты, а ты идешь вперед лицом. Вот как оно дернется, так ты идешь туда, куда идут все брошенные жены, дети, девушки, мужья, актеры, пенсионеры – к матери, бабушке, чертям, выбираете маршрут и начинаете пить. И лежите в носках, размышляя...

Через три часа и три дня появляется театральный автобус, и тебя просят обратно в театр. Ты, падая и не попадая носками в ботинки, с заплаканными ресницами, тушью на лице, оказываешься в «Первой советской пятилетке», и он снова рукой обнимает тебя...

– Как же ты мог, как же ты мог?

– Да, я, мне сказал Чобур, увольняйся. Я уволился, но если вы скажете одно слово...

– Я не об этом...

– А об чем???

– Как ты мог оставить театр без программы?

– Как? Вы же меня уволили???

– Ну и что. Моральный долг у тебя есть?

– Как???

– Иди, возьми толстую тетрадь и пиши.

Вы идете, берете толстую тетрадь и пишете, пишете, пишете... Только почему-то у вас уже не получается... Потом, вдруг, через пять-шесть лет звонит директор и говорит:

– А. И. Р. хочет, чтобы вы все трое поехали с нами в Венгрию...

И вы уговариваете своих друзей и садитесь на поезд, и приезжаете в Ленинград, и появляетесь, допустим, в ДК Горького, и он опять пудрится, а вы опять рядом, и он спрашивает:

– Зачем ты приехал?

– Как, мне сказали...

– Кто тебе сказал?

– Ну, тут... Как, вот говорили...

– Кто говорил, кто?

– Ну, как же, специально звонили...

– Ну кто, кто? Ты только скажи, кто?

– Как кто? Не помню...

– Ну, уж ладно, коль ты здесь, приезжай ко мне вечером, почитай, что ты привез.

И вы читаете, и он смеется, ибо когда он слушает, вы пишете и читаете в десять раз лучше, чем можете. И он спрашивает:

– Кто нас поссорил? Где этот негодяй? Что тогда произошло? Мы должны быть вместе.

– Да, да!!!

– Оставь все, что ты привез. Здесь пять произведений. Мы берем все. Иди и вспомни, кто нас поссорил.

И вы приезжаете в Москву. И вам звонит директор и говорит:

– Из всех понравилась одна, и театр готов ее приобрести. Но неужели нельзя было оставить все на столе, неужели надо было все с собой забирать, чтоб потом с трудом переправлять?

И вы звоните прямо А. И. Р.:

– Аркадий Исаакович, мне сказали, что вы их не можете найти – они на столе.

– Конечно, на столе. А кто тебе сказал?

– Как кто, просто сказали.

– Кто, кто, кто этот мерзавец?

– Ну как кто, мне позвонили, что вы не можете найти...

– Как не могу. Вот же они. Кто тебе сказал?

– Но вы берете одну?

– Как одну? Все.

– Спасибо...

...

– Слава, он нашел. Он берет все.

– Нет, Миша, он берет одну, но еще не решил.

И проходит еще один год, и звонит директор:

– А. И. Р. просит тебя что-то написать к юбилею Утесова. Звони ему, он ждет твоего звонка. Только сейчас же.

– Да, да...

...

– Алло! Аркадий Исаакович, это я... Вы просили меня позвонить.

– Кто тебе сказал?

– Тут сказали, на юбилей Утесова...

– Кто сказал? Что происходит? Ну, если ты сам хочешь, приезжай.

И вы приезжаете и немножко ждете, пока закончится ужин, и немножко понимаете, что нитки, которые стягивают вас, уже истлели.

– Так что ты хотел?

– К юбилею Утесова.

– Нет, писать не нужно. У меня есть монолог, может, ты его перепишешь?

– Мой, что ли?

– Нет.

– А этот автор где?

– Он здесь, в Москве.

– Жив-здоров?

– Да, жив-здоров.

– Я подумаю.

– Подумай, подумай. И не пропадай.

– Не пропаду.

– Не пропадай.

– Не пропаду.

И с тех пор стараетесь не пропасть, не пропасть...

Мой сложный и любимый Райкин.

Чуть пригорелой манной кашей стоял поздний осенний день. Кое-где снег блестел, как молоко. Хотя многие еще носили плащи сметанного колера с мясным соусом, некоторые были в куртках мягкого тефтельного оттенка.

Жареной рыбой горел закат. Глаза девушек светились темным бородинским хлебом, а волосы – пышным свежим белым караваем.

Лес багряный, как непрожаренный бифштекс, касался кольцевой.

Вода в реке еще не встала и перекатывалась хрустким малосольным огурчиком.

Цветные гвоздики в руках напоминали воздушные, высокие салаты из помидоров с майонезом.

Улицы, размеченные сметаной по припущенному рису, заполнились черной икрой толпы с вкраплением мелких морковок ГАИ.

Аппетитно звучали голоса, колбасно горели лица.

Черная икра внезапно подалась назад. Гречневой крупой входила армия. Зашкварчали жареным мясом направленные вверх пулеметы. В припущенный рис шлепнулись темные голубцы ОМОНа. И запахло настоящей солдатской перловой кашей цвета хаки.

По Дарвину

Как быстро мы прошли путь от тирании полицейской к тирании хулиганской. В свободных человеческих стаях сама собой образуется диктатура: в тюрьмах образуется диктатура, в обществе образуется диктатура. Как спасение от крови и как путь к крови.

Естественным путем, совсем по Дарвину. Видимо, это самое простое и быстрое для толпы. Как странно: когда поступаешь как понимаешь сам, меньше ошибок. Как ввяжешься в толпу, как помчишься вместе со всеми – и морду набьют, и спина в палках, и настроение подавленное.

А один пойдешь – и поразмыслишь, и отдохнешь, и девушку найдешь одинокую, размышляющую. И сорвешь с нею цветок, и сядешь вдаль глядеть молчаливо. И чем дольше будет молчание, тем сильнее будет симпатия: не слова соединяют. А если повезет, ее руку, как птенца, накроешь и чуть прижмешь, чтоб не обидеть, а почувствовать.

И шелк почувствуешь, сквозь который она проступает.

Так создана, что сквозь одежду проступает.

От тебя требуется смысл за словами, а от нее – нет.

У нее он во всем: в движении, в покое, в голосе, в молчании.

Ходи один. Одному все живое раскроется.

Одному написанное раскроется.

Один – размышляет.

Двое – размышляют меньше.

Трое совсем не размышляют.

Четверо поступают себе во вред.

Смотри, как одиночки себя поднимают, кормят, одевают и этим страну поднимают и еще другим остается. А коллективы только маршируют.

Старики же толпой не ходят.

И над землей, и над могилой, и над колыбелью стоим в одиночестве и, видимо, стоять будем.

Автопортрет

Талантом, а не трудом он добился следующих прав (*двоеточие.*)

Первое. Не вставать утром с целью наживы.

Второе. Вспоминать числа, а не дни недели.

Третье. Во время танцев не подниматься из-за стола, а танцевать там, внизу.

Четвертое. Неудачно шутить, лукаво глядя вокруг. Отсутствие смеха считать не своим, а их недостатком. И внутри злорадно: «Ничего, вечером поймут».

Пятое. «Ты меня не понимаешь», – говорить серьезно. Хотя что там понимать, так же как и чего там не понимать. Организм потребляет больше, чем производит. Отсюда болезни и горячая дружба с соблезниками. Добился права не понимать человека по своему усмотрению.

Шестое. Добился права не обижаться никогда. Это удел слабых.

Кто-то хочет на тебе заработать – пожалуйста, кто-то выдает себя за тебя, тебя за кого-то – ну что ж, ну что ж...

Кстати, как только поверил, что стал умным, наделал кучу глупостей. А вообще всем все пожалуйста в пределах совести, совесть в пределах Библии, Библия в пределах знания.

Седьмое. Стал понимать: радость – это друзья, женщины и растения. Счастье – когда они вместе. Видел уже друзей с женщинами среди растений. Знает о чем говорит.

Восьмое. Отношение к женщинам – восторженное. Лучшего не бывает. К ним надо возвращаться даже после смерти. Понимает, что внешность женщины – работа мужчины. Но все остальное: и медленная голова на грудь, и медленная рука на плечо, и переход на «ты» – ждешь как-то, как-то... Да... Короче, потребительское отношение к женщинам поменял на восторженное, а они, к сожалению, наоборот. Ну что ж – ничего.

Девятое. Ничего.

Десятое. Ничего.

Жаль, что на все простейшие вопросы организм отвечает невпопад.

Одиннадцатое. Жаль, что организм просыпается позже владельца и засыпает отдельно, и не подчиняется как раз тогда, когда все, буквально все на него рассчитывают.

О чем жалеет (*двоеточие.*)

Не там. Не там это все происходит.

Тринадцатое. Не тогда.

Четырнадцатое. Еле вырвался из прошлого, тут же влип в настоящее.

Пятнадцатое. Коль судьба не сложилась, хоть бы биография была. Не может понять, куда устремлена судьба, во что бьет биография? И кто следит за поступками?

Шестнадцатое. Пока все кричали: «Бога нет», – он в него верил... Как все изменилось.

Семнадцатое. Невозможно бежать в нашей толпе, ни на время, ни на расстояние. Только по кругу. Бежишь, враги мелькают, первые, вторые, снова первые, снова вторые. Стоят, прищурясь.

Очень хочется их уничтожить. Но страшно.

Надо среди них выбирать самых беспомощных.

Восемнадцатое. Возраст совпадает с размером одежды и мешает в шагу.

Девятнадцатое. Имущество здесь очень дорого, но имеет одну особенность – быть

конфискованным. Это не зависит от имущества. Просто пришла пора. И тебя либо награждают орденом с конфискацией, либо выездом с конфискацией, либо просто поздравляют с конфискацией и все.

И ты опять живешь.

И деньги, которые копил, вдруг пропадают.

И ты снова налегке, как тогда, в студенчестве.

Снова молод, снова чист и пуст как зимний лес, где шелест ветвей не перейдет в плодовый стук, хотя по жизни разбросаны сверкания...

То есть, снова о женщинах и выпивке. Они слились. И хотя добавился стук сердца и головная боль, но отказаться невозможно. Останутся стук сердца и головная боль. Кто хочет с этим остаться?

Двадцатое. Отношения с детьми не сложились. Придется рожать до полного взаимопонимания.

Двадцать первое. Из имущества осталось место жительства.

Будет бороться за жительство в данном месте, хотя разумных аргументов в защиту этого не имеет.

Двадцать второе. Счастлив ли? В разное время дня на этот вопрос отвечает по-разному, но всегда отрицательно.

Двадцать третье. Вопросы творчества волнуют, но не интересуют. Просто не в силах переплюнуть парламент и межнациональные конфликты, с огромным успехом идущие по стране.

Сатиру отшибло полностью. Низы жалко, а верхи отвратительны.

Если нам разрезали живот и не оперируют и не зашивают, какая там сатира, кого высмеивать, кого успокаивать?

Низ достиг своего низа, верх достиг своего верха.

Все! И терпения больше нет.

Умные разбегаются, дураки не умеют. Хитрые в тупике.

До чего дошло! Хитрые в тупике. Вот и радость в этой жизни.

Хронические обманщики и демагоги в тупике.

А сатира бедная свернулась ежом, направляя иглы во все стороны, защищая саму себя.

Двадцать четвертое. Тем не менее к своей внешности относится тепло.

Многолетняя борьба с животом закончилась его победой. Война с лысиной проиграна. Глаза уже сами отбирают, что им видеть. Мелкое отсеивается... Роман целиком виден, отдельные буквы – нет.

Двадцать пятое. Забыл.

Двадцать шестое. Забыл.

Двадцать седьмое. Вспомнил. Безумно счастлив в личной жизни. Но одиночество лучше.

И это, как говорят наши депутаты, однозначно.

Двадцать восьмое. Культурный уровень понизился до здравого смысла!

Двадцать девятое. Жив еще... Хотя...

Тридцатое. Когда-то считал 60 закатом, сейчас с этим не согласен!

Он такой красивый. Его умыть, одеть и можно подавать к столу.

Если сравнивать

Если сравнивать, то сейчас люди живут проще. Сколько было волнений, когда кто-то сворачивал с дороги. Колокольчик все ближе. Волнение нарастает. Девушки в панике. И вот на пороге в снегу и в шубе... О Боже!... Еда вся рядом тут же. Хрюкает и квакает. В погребе остальное. Воз кавунов. Воз яблок. Спустывьсь в тдтля. С хрустом – р-раз! Добрый кавун!

Сейчас гость тоже с колокольчиком, но это предварительный телефонный звонок. Не дозвонился – не выезжай. Проще стало.

Очень приятные были раньше женщины. Одетые, одетые, одетые. И в перьях. Из перьев возбуждали молодость и смех, носочек ножки, по которой представляли остальное. Поэтому так были развиты поэзия и дуэли. Мужчины были неудержимы.

Теперь проще. Теперь фигуру видно целиком. По фигуре надо вычислить характер. Мужчины притихли. Заинтересовались друг другом. Дуэли только по вопросам поставок.

Раньше люди отъедут на 30 км и полны впечатлений. Какой у Иван Сергеича сад. Какой парк у Песцовых. Нынче все к 1 августа на юг, к 1 сентября обратно. Впечатлений нет. Вместе были здесь, вместе были там.

Все на поводках. К каждой семье по два провода и по две трубы. Из центра поступают телефон, электричество и вода, в центр отводятся канализация и мусор. Если в проводах обрыв, семья сразу не слышит, не видит, не пьет, не ест, не моется. Соединят провода – семья видит, слышит, пьет, ест, танцует. Так что жизнь хорошая. Но на проводах.

Поэтому от центра люди далеко не отбегают. Чтоб получать поставками снабжение. Большинство уже не помнит откуда поставки снабжения, боятся оторваться, испытывают неуверенность. Погребов нет. Хозяйства нет. К корове подход утерян. Коровы беременеют из центра.

Люди мотаются гораздо быстрее. 700 км за час вместо недели. Но, приехав туда за час, также и видят там то же самое, только еще дождь, или даже вообще то же самое. Та же музыка и те же новости. А хочешь – возьми телефон и звони домой, и узнай ту же музыку и те же новости. От этого умственная вялость, широкий диапазон безразличия. Появились новые бессмысленные работы: сопоставление цифр, организация труда, выборочный опрос, реформы сверху.

То, что происходит днем – звонки, разговоры, крики, дергания, – называется работой. Это же самое ночью называется сном. Это же самое у моря называется отпуском. Укрепление себя физически носит уже самоцельный характер и выглядит женственным.

Новостями называют то, чего не знают. То, что уже знают, – воспоминания. Один артист поет сразу на всю страну, под его пение все бегают, работают и разговаривают. Музыка переходит в пейзаж и мелькает.

Еда уже не хрюкает и не квакает, а смотрит искусственным глазом.

Кур готовят к поеданиям. Людей – к сражениям.

Поэтому куры и люди смотрят друг на друга с сочувствием.

Хищники постепенно становятся вегетарианцами, т. к. отравляются травоядными, в травоядных много пестицидов. Лоси, лисицы, тигры, орлы жмутся к людям, появляются в городах, перебегают дорогу, вьют гнезда в проводах, вид пришибленный, снотворное принимают с благодарностью, но скрыться им негде и спят тут же.

Когда особенно тяжело человеку, ему по трубам подают воздух и кровь, а отводят пот,

слезы и слюну. Это называется реанимация.

Реанимация, быстрая езда, прием гостей не у себя называется цивилизацией. А трубы, провода и вероятность общего конца называется технический прогресс. Хотя люди сейчас более озабоченные, чем раньше и движутся быстрее – время не освободилось.

Уголки, где прошлое и настоящее соединяются, называются заповедники или дома для престарелых. Поток туда нарастает. Люди хотят в прошлое. Не пускают провода, трубы и технический прогресс.

Таблетки от тревоги

- Ну, расскажите мне, что вас так тревожит?
- Наша жизнь. Разве вы сумеете мне помочь?
- Попробуем. Что именно вас тревожит?
- Они что, идиоты... Они что, не понимают?...
- Седуксен, тазепам, 1 таблетка после еды 3 раза в день.
- Поможет? Спасибо. Я с дипломом инженера стал полным идиотом, не понимаю, как они не понимают. Я не хочу зарабатывать. Я ничего не понимаю.
- Элениум перед сном.
- Ага. И я все пойму?
- Нет. Будет лень разбираться.
- Тогда простой вопрос. Где найти кран для сантехника?
- В аптеке. По одной штучке.
- И что?
- И ничего.
- А сантехник?
- А ему уже выписал.
- Ага. Значит, теперь...
- Вы не нужны друг другу. Тем более, что нет этих кранов.
- А где краны?
- Еще одну таблетку.
- И я их найду?
- Немножко поищите перед сном и забудетесь.
- А утром?
- А вы держите под рукой. Еще одну после еды и забудетесь.
- Я бы хотел забыться до еды.
- Толково.
- Теперь главное. Где достать эти таблетки?
- У меня есть две. Мы с вами примем и не будем об этом думать.

Была еда

Почему у нас всегда воспоминания лучше жизни? И вроде вспоминать нечего. Кильки какие-то в томате. Что еще помнится из деликатесов? Не знаю, как вы, а я еще вспоминаю сгущенку, колбасу вареную и голубцы болгарские. Водочку помню, пропади они пропадом. Селедка была, хлеб с маслом и сладкий чай. Этих помню хорошо... пирожных, и этих помню... котлет, причем очень разных: половина была из них мясные, половина – совсем рыбные.

Хорошо помню этих... сосисок. Это такие тоненькие, когда их берешь – болтаются, интересные такие, с мясом. Это помню... Да нет, я многих помню. Ветчина была такая. Это как бы мясо, но уже вареное. Можно его было так есть с хлебом. Многие как делали: отрезали ломоть белого или черного хлеба, мазали сливочное масло ножом... И этим же ножом можно было отрезать ветчины и положить сверху, ну прямо на масло. А к чаю был сахар. Это было регулярно. В большую чашку многие наливали и вот эту ветчину с хлебом и маслом запивали сладким чаем и так ужинали.

А еще было принято, если после работы там курица вареная с пюре или горошком. Многие ели жареную картошку. Некоторые в те годы употребляли гречневую кашу с маслом специальным сливочным или молоком. Некоторые ели рисовую кашу. Она тоже в те годы шла с молоком.

Некоторые ели рыбу... Ну, я ее не берусь описывать. Они тогда плавали в воде. Я их прекрасно помню. Вот я еще не старый, а прекрасно помню. Названий многих не помню. Ну там, мелкие, и такой был весь в гребешках... осётр.

А некоторые тогда брали с собой на работу кефир. Он тоже вроде молока, но скисший, хотя вполне съедобный, он был погуще молока, но тоже белый. Кефир брали на работу. Колбасу, помидоры и опять-таки хлеб. Все это продавалось прямо возле работы или на работе в буфете – рыба жареная, котлеты, колбаса. Ну, некоторые по вечерам ели куски жареного мяса, их можно было заказать и с кровью, и без, и в таких сухариках. И водочку, если брали, очень холодную и вкусную, то ее заедали вот этим куском... Назывался он – «посуворовски», значит с кровью, и огурчик соленый, или помидорчик, или просто капусточка квашеная, она и сейчас кое-где есть. Еще вина были и пиво. Пиво – это такая жидкость, это вообще не описать. Она сама коричневая, но вкус не описать, вроде как-то терпко и гуще, чем сама вода, но жиже, чем, допустим, кефир, горьковатая что ли, даже уже с трудом вспоминается. А к ней или к нему, уже не помню, шла соленая вот эта рыбка. Старики мне рассказывали, совсем маленькая, называлась снеток, а позже появилась вобла и пропала. Позже раки шли. Ну, этих описать, времени много нужно. Они вроде насекомых, но больше. Я потом расскажу, не сейчас. Сейчас мы просто вспоминаем, без подробностей. Вам же, наверное, интересно. Я сам помню, с каким интересом слушал стариков.

Ну я еще застал сыр голландский, творог, это все делалось из молока. Я сам плохо помню. Как я вспоминаю, сыр был твердый, творог мягкий. Каши овсяные, перловые, пловы любили есть в Средней Азии – это была их национальная еда. Говорят, там еще их варят эти пловы, хотя тайно, чтоб не отобрали.

Индейки помню разных национальностей. Телевизоры, холодильники, приемники – вообще товаром не считались: хочешь – бери, не хочешь – не бери. Правда, правда, чего улыбаешься. Тогда было принято ругать их качество, мы же еще не подозревали, что они

вообще...

У матери спроси, она вспомнит. Кстати, в городах войск не было. Люди были разных национальностей. Клянусь. В толпе попадались армяне, азербайджанцы, грузины, осетины, узбеки, месхетинцы. Мы их тогда не различали. Они, наверное, знали, как друг друга отличить, но мы не могли, и они так и ходили вместе. Клянусь. Да чего там армяне. Евреев можно было запросто встретить. А хочешь поговорить – пожалуйста. Страна вообще была большая и все жили, и претензий особых не было. Только вот эти раздражали. Канарейки с репродукторами. Едут эти авто и чего-то говорят. Что говорят – не разобрать. Но все знали – стать к стене лицом, и после этого черные шли и их флажками приветствовали. Они пройдут и опять все гуляют. В магазины заглядывают, в рестораны. В ресторане можно было поужинать за 10 рублей. Клянусь! Можешь маму спросить. А вообще жить нельзя было, хотя все жили. А сейчас жить, конечно, можно, но осуществить это гораздо труднее.

Мода сезона

Мода сезона: цвет хаки, никакой синтетики, коттон, кожа натуральная, небольшие погончики, накладные карманы, брюки типа бридж, галифе, металлические пуговицы здесь, здесь и здесь, короткие полусапожки, сумочка в виде вещмешочка, в качестве украшений на поясе резиновые палки, наручники, револьвер, ожерелье из патронов, со свисающей по центру дымовой пашкой и газовым баллоном.

При встрече на улице с другим человеком, независимо от его национальности, сейчас очень модно бежать, прятаться, окапываться, стрелять под ноги, скатываться в обрыв, хоронить без гроба, увлекая за собой любопытных.

Выставка «Мода-95» открыта в подвалах МВД. Вход со стороны Петровки, 38, о выходе будет объявлено особо.

* * *

На дверях КГБ: «Прием граждан круглосуточно».

– А выдача когда?

* * *

У человека, вычисляющею национальность, – жизнь язвенника. Все наслаждаются, а ему того нельзя, этого нельзя...

Люди социализма

Оттопыренный зад, согнутый позвоночник. Руки до земли. К рукам приросли две кошелки. Загорелые кисти, шея и одно колено от дыры в штанах. Грудь в форме майки. Плоскостопные стопы с огромными мозолями. На мозолях и осуществляется передвижение.

На лице написано:

– Это не я!

– Как не ты? – на лице встречного.

– Не я и все!

– От, мать... А кто?

– Вот он.

– Это ты?

– Не я.

– Он говорит, не он.

– Врет. Он это, все он.

Уши торчат из-за спины, шепот:

– Эй!

– Чего?

– Дверные замки нужны?

Губы вытянуты. Глаза по кругу. Из кустов:

– Эй!

– Чего?

– Плинтуса есть?

Все население принимает форму предмета. Кто с чем работает, его форму и принимает.

Есть герои в форме винтовки, с собакой в виде пистолета. Бойцы в виде газбаллона.

Продавцы пива в виде бочки. И следователь в виде палки.

Лица следующих типов.

1. Руководящее:

Гладкое, круглое, смазанное куриным жиром, с пристальным взглядом: «Это кто сделал?»

2. Руководимое:

Цвета свежего салата, чернозубое, белоглазое, вращающееся в разные стороны: «Это не я!» Мгновенно бросает работу, даже если в ней заинтересован. Толпу видеть не может. Не может видеть бегущих. Тут же включается. От этого его часто бьют и он голосует себе во вред.

3. Лицо передаточное типа РЯХА:

Цвета свеклы в разрезе, не вмещающееся ни в какую шинель, разящее перегаром состава: лук, чеснок, шампанское, пиво, самогон, перекись водорода, семечки, вобла, ацетон. Глаза щелевидные, красные, типа «зенки», тоже с запахом. Руки красные, ноги красные, трусы черные периода первых физкультурных парадов. Жену и детей бьет. Верх лижет, низ топчет. Живет в прихожей и погребе, парадной комнатой не пользуется – ждет генерала или мэра. Гласных не употребляет, только согласные: здрст, пшл вн, рздись. Не голосует никогда.

Тип четвертый:

Гуманитарий, переделанный из инженера. Находится на уровне низа чуть справа, если смотреть сверху. Ценит мысль и выпивку. Чередует. Пришла мысль. Значит надо выпить. Не пришла мысль – надо выпить, чтоб скрасить ожидание. В отличие от первых трех обращает внимание на женщин, которых чередует с выпивкой и мыслью. Не пришла мысль, но пришла женщина – выпьем. Пришла мысль, но не пришла женщина – выпьем. Не пришли ни мысль, ни женщина – тут вообще... А они вместе не приходят. Отсюда пьянство с незнакомыми людьми.

Лицо носит широкораспространенное. Фигура шарообразная. Руки, ноги, желудок, печень – все есть, но ничего не работает. Дружит с врачами, у которых то же самое. Спасается юмором. Не уверен ни в чем. В одежде ужасен, без одежды страшен. Имущества нет. Не может объяснить, где живет. Какие-то углы у каких-то женщин. Гордится нищетой. Заранее злорадствует над своими грабителями. Они могут вынести только помои.

Соцстроевские девушки еще отличаются от мужчин. Молодые женщины меньше. Пожилые никак. Имеют одинаковую с мужчиной скорость, выносливость и знаменитую стантовую силу, позволяющую перемещать до 63 кг полезного груза на расстояние 20—25 километров со средней скоростью 5-8 км в час. Незаменимы на демонстрациях для удержания огромных лозунгов при сильном ветре. Содержание плаката их не интересует. А в остальном голубоглазые и терпеливые. Что и делает их главным предметом экспорта. Они пользуются особым спросом в развивающихся и находят себе применение в промышленно-развитых странах. Удивительно, как государство не догадалось взимать налог за их экспорт, ибо все, что мы делаем руками, продать невозможно.

Все человеческие типы соцстроая не выносят, если что-то плохо лежит. Мужчина, увидев, что кто-то плохо лежит, ложится рядом, женщина – смахивает в сумку. Отсюда выражение лиц: «Это не я!»

Огромное количество соцстроевских сидит. Они не сидят в буквальном смысле. Как раз сидеть там нельзя. Они ходят строем, сколачивают ящики внутри заборов с вышками и собаками. Сидящие играют главную роль в обществе. От них поступают народная музыка, разговорный язык, живопись, а также свод законов поведения: «все по справедливости!» Отсюда и общество, как они: самое несвободное, но самое справедливое в мире. Только его надо догнать, набить рожу и эту справедливость внедрить в ихние, мать... ж... желудки...

Для этого существуют специальные крепыши по прозвищу «кульки». Чтобы убедиться, достаточно надуть полиэтиленовый пакет и зажать в кулаке. Это будет кулек. Он свиреп. Содержится за воротами, на которых написано «вход воспрещен». То ли он свиреп, потому что вход воспрещен, то ли вход воспрещен, потому что он свиреп – мы не знаем. Свиреп и все. Когда открываются ворота, все бросаются врассыпную. Население, битое кульками по голове, их уважает. Видимо, потому, что битое кульками по голове.

Люди соцстроая пока еще политически убоги. Они ненавидят и коммунистов, и капиталистов, и новых дельцов, и борющихся с ними милиционеров. На этом утробном фоне и появился тип пятый.

Патриот. Глаза язвенника. Кого-то ищет. Черный мундир, перепоясанный ремнями для сдерживания взвинченных нервов. Руки чешутся. Настолько жаждет драки, что готов быть побитым: «Наше время придет!» И, действительно, их время приходит, их бьют, и их время уходит.

Он говорит о любви к родине, но ненавидит всех. На лице усмешка, которая бывает при очень большой лжи. Сбить с этой лжи его невозможно, потому что он не даст. Он-то знает,

что врет. Это вы не знаете. Чаше всего он тянет обратно в социализм, где водка 3 р. 62 коп., где все знакомо, как в родной помойной яме. Где висят для поцелуя похожие, как близнецы, ряха начальника милиции и задница первого секретаря обкома партии. Где центр торговли – туалет, центр культуры – лифт, а центр любви – радиатор. И смерть приносит облегчение всем, включая покойника. Многие туда не хотят. Многие уже там были. От этого митинги, собрания, демонстрации, где среди ораторов неожиданно благодаря демократии возник совершенно новый для нас тип шестой.

Оратор. Если бы не мелкие признания между цифрами, вообще бы никто не догадался. Первыми, что что-то не так, смекают на трибуне. Оратор приводит ужасающие цифры осужденных, под гром аплодисментов проклинает правительство, под бурные овации обвиняет во взятках весь президентский совет, под рев огромной площади называет строй фашистским и переходит к стихам. Первыми что-то чувствуют поэты, регулярно присутствующие на трибуне. От них начинают беспокоиться устроители. Толпа ликует. Однако поэма не кончается. Рифмы «ютиться – юрисдикция» и «веники сторожевые» заставляют толпу затихнуть. Передние ряды пытаются поймать его глаза. Но в этой бороде ни черта не видно. А когда он в поэме объявляет, что аэрозоль, созданный им, поможет окончательно разогнать коммунистическую партию, сквозь ликование толпы проступают признаки здравого смысла. Орудие массового поражения, созданное им глубоко под землей, и червь, который однажды вышел у него через нос и ушел в раковину, приводит толпу в некоторую растерянность. Но выступающий снова зачитывает цифры осужденных и суммы взяток и под гром аплодисментов в неясном сопровождении покидает митинг.

Специалист, конечно, разгадывает быстро, а у толпы уходит минут 40 умноженные на 100 тысяч человеко-минут. Если не разгадают, появится диктатор и уничтожит специалистов. Вся штука в быстроте угадывания. С ростом гласности это труднее.

А мы, тем не менее, будем счастливы. Две вещи мы поняли: словам не верить – раз, надеяться на себя – два. Наружных врагов у нас нет. Мы им не нужны. Завоевывать нас себе дороже. А вдруг мы победим?!... Так что с наружными врагами мы расправились собственным примером. А внутренним счастья не будет. Они живут в нашем окружении. Мы знаем друг друга наизусть и видим насквозь. Так что жизнь продолжается.

* * *

Идешь, как обычно, куда-то, лицо, как обычно, смотрит вперед; Затылок ничего не подозревает. Вдруг сзади:

- Продолжать движение!*
- Продолжаю.*
- Так и идите.*
- Я так и иду.*
- Взять правей.*
- Возьму... Беру правей.*
- Не разговаривать!*
- Молчи.*
- Стоять. Не оглядываться.*

Стою. Не оглядываюсь. Пропускаю слева. Что там сзади?

– Не оглядываться!

– Не оглаживаюсь.

– Все. Свободны!

Ура!!! Свободен!

**** * ****

Чего больше всего хочется, когда влезешь наверх? Плюнуть вниз.

**** * ****

Неудовлетворенными остались наши вертикальные потребности.

Жизнь свелась к сбору горизонтальных благ.

Сквозь щели в асфальте – бледные ростки свободы и жалкие вопросы к уехавшим.

– Скажите, вы вернетесь?

– А вы сделайте как надо и мы вернемся.

– Ладно. А что именно сделать?

– Сделайте свободу и изобилие, сделайте культуру и передвижение и мы вернемся.

– Ладно. Хорошо...

И обе стороны с дикой тоской и безнадежностью избегают глаз друг друга.

– А если мы все сделаем, вы вернетесь?

– Да, конечно, а как же, естественно.

– А там чего? Лучше что ли вам?

– Да как сказать... свои проблемы... Там не рай...

– Да?

– Там далеко не рай.

– Да? А чего там?

– Ну, не рай. Всего не расскажешь. Надо жить там, чтоб понять.

– А чтоб понять, как здесь?

– Не обязательно. Можно жить и там. Там не рай. С одной стороны, вроде все есть, а с другой, душа болит за нас.

– За кого?

– За нас, за нас. Но привык уже.

– Что душа болит?

– Жить там привык.

– Вы ж говорили, что здесь привыкли.

– Раньше – да. Раньше здесь привык. А сейчас там привык.

– А где же у вас теперь эта, ну сейчас уже не говорят, ну Родина?

– А какое это имеет значение? Где творю – там и Родина.

– Так вы, извините, вы об нас пишете?

– Обязательно. Это однозначно.

– А живете там?

– Да, оттуда видней. Отойти надо слегка и прищуриться. Тогда вся громада, все ваши несчастья видны.

– Это да. Нам тут все не видны.

– Да, вам только часть видна.

– Нам и этого, конечно...

– Нет, этого мало.

– Нам хватает.

– Вам хватает, чтоб жить, а чтоб понять – отъехать надо. И я скажу тебе: приезжаешь сюда, здесь такой мрак, такое хамство, такая грязь... В туалетах вонь. А как вы относитесь друг к другу, как вы относитесь друг к другу... Доннер ветер, облицайтен, ранген, шпацирен, блюхер верк, цумбай шпиль.

– Чего?

– Темнота, понимаешь! А ваши машины?!... Платья у вас нельзя трогать руками, а хлеб

можно. Этого нет ни в одной стране мира... А как она подает?! Как она подает?! Ей что, улыбнуться, карген, бурген, жалко? Ну скажи, что у нее отвалится, если она улыбнется?... Если ты уже дождался, грехен, бульхен, бортюнгине...

– Это вы матом?

– Не, у нас мата нет.

– А у нас есть еще.

– Да, помню, помню... А как вы тут живете? Как вы тут живете, я не знаю?!

– И я не знаю.

– Вот и я не знаю. Может, действительно, каждый заслуживает того, чего заслуживает.

– Может.

– Да и как вернуться? Дети мои уже не мы, понимаешь?

– Как, они же русские?!

– Были, были.

– А снова не хотят?

– Удавятся и меня удавят.

– А если мы все здесь сделаем, и свободу, и продукты...

– Этого мало, херр, надо и культуру, и вежливость, и вымытые продукты, и тишину по утрам, и чистый воздух, и разные машины, и сосиски с капустой, и пиво, и четкость, и пунктуальность и вековые демократические традиции...

– Так это же будет Германия!

– Вот тогда мы и вернемся.

* * *

Да. Вся штука в том, что ты стремишься в институт, в консерваторию, в скрипку, в науку, в спорт, лезешь наверх, напрягал все силы, чтобы доказать, что ты не еврей.

И наступает момент, когда ты становишься не евреем, а Ойстрахом, Гилельсом, Плисецкой или Пеле.

Но всегда будут люди выше или наравне с тобой, и для них ты опять еврей.

И что тебе тут посоветовать, кроме как принять, наконец, это звание и умереть среди своих.

Этнические конфликты

Чувство национального выбора тонкая вещь. Почему комары не вызывают отвращения, а тараканы вызывают? Хотя комары налетают, пьют самое дорогое, а тараканы просто противные. Противные, отвратные и все.

Куда бы они ни побежали, откуда бы ни выбежали, все с криком за ними. А комары... Хорошо чтобы не было. Но если есть, ну пусть, ну что делать, в обществе все должны быть. Кроме тараканов, конечно.

Тигров любим, шакалов нет. Хотя тигр подкрадется, набросится, разорвет не то, что одного, а целое КБ. Инженеров сожрет, руководство покалечит, веранду разрушит и уснет глубоко удовлетворенный.

А шакал?... Кто слышал, чтоб кого-то разорвал шакал? За что мы его ненавидим? Противный. Да. А тот красавец полосатый – убийца, это доказано. И еще на территорию претендует. Ничего, пусть будет среди нас. А шакалов гнать.

Где логика? Шакал разве виноват? В своем обществе он разве противный? Он такой как все. Это когда он попадает в другое общество, там он кажется противным. Но если ихняя мама смотрит на себя в зеркало или на своих детей, разве они ей кажутся такими противными, как нам? Или она себе в молодости казалась ужасной? С горбом, клыками, какая есть на самом деле. Да нет. Нормальная.

И среди шакалов есть свои красавцы и свои бедняки. Есть и богачи, хотя все имеют вид нищих и бомжей. Но это на наш взгляд. Им тоже противно, что мы торчим вертикально, шерсть носим только на голове. А вместо клыков протезы. И подкрасться толком ни к кому не можем. А падаль едим также как они и еще ее варим для чего-то. А очки? А животы? Мы очень противные в обществе шакалов. Я уж не говорю о том, что разговор не сумеем поддержать.

Или, как любят говорить, «представляете ли вы свою дочь в постели с...» и так далее.

У всех есть и нежность, и любовь, и страдания.

Так что в национальном вопросе нужно быть очень осторожным.

Почему у нас диктатура и свобода вызывают позыв антисемитизма? При диктатуре – сверху, при демократии – снизу.

– Евреи принесли много вреда России, – тепло сказал мне зав. отдела юмора «ЛГ». – Ты ведь не станешь отрицать, Миша?

Что я мог отрицать, что я мог утверждать. Этот разговор не терпит доказательств. Требуется одна убежденность. У него она была. А мне нужно собирать факты, а их у меня не было.

Евреи – масонская организация. Они не нация, они организация. Какая? Сколько «С» в этом слове?

– Надо знать, если ты там состоишь, – она мне тоже говорила в самый лучший между нами момент. – Ты даже не знаешь. Но ты там состоишь.

Какой смысл состоять, если не знаешь?

– Вы английский шпион.

– Согласен.

– Вы – масон.

– Конечно.

– Вы – импотент.

– Нет. Могу доказать.

– Посмотри состав первого правительства: 80 процентов – евреи.

– Изя, это правда?

– Правда, Миша.

И мы сидим подавленные.

Евреи стреляли в царя, оказывается. Евреи убивали евреев. И мы сидим подавленные. Евреи учат нас всему плохому. Евреи разрушают города. Если это делают русские, то учат их евреи. За Сталиным стоял еврей, за царем стоял еврей, за Наполеоном стоял еврей, за Эйнштейном стоял еврей... Почему же они так любят вторые роли?

Мы, видимо, нашли друг друга и, к обоюдному ужасу, не можем расстаться.

Это редкое счастье – иметь на все случаи своего виноватого, который виноват, что приехал, и виноват, что уехал, что стрелял в Ленина и что промахнулся...

И большое счастье иметь такого товарища, что вспомнит тебе все, о чем ты не знаешь.

– Вы убиваете своих.

– И вы убиваете своих.

– Вы обманываете.

– И вы обманываете.

– Вы нас презираете.

– И вы нас презираете.

– Вы слишком умные.

– И вы слишком умные.

– Вы оккупанты.

– И вы оккупанты...

Мы будем вечной несчастной семьей, ибо никакие другие люди не считают, что всеми их действиями кто-то руководит. Большая дружба скреплена почему-то только одной

кровью.

Пусть евреи придумали самое жуткое государственное устройство, но почему они смогли его применить именно здесь? Они разрушили соборы и синагоги... Ребята, а вы все где были? Как вы позволили этим гадам? Да вы же их уже не раз хватали за задницу, били, стреляли, увольняли, не принимали, не обучали, пятую графу ввели... Почему эти гады так изворачиваются, почему они меняют имена, отчества, фамилии, пишутся русскими? Для чего это им так нужно, если они вами командуют? И еще из хитрости, для отвода глаз, командуя Сталиным, убили своих лучших писателей и поэтов.

– Ну, это так им надо было...

Большой смысл в этом разговоре:

– Он противный – и все.

– И все?

– Да. Очень противный – и все, и все...

Так и тянет сказать:

– Тебе ж не повезло дико. Страна у тебя, к сожалению, многонациональная, тебе ж чистить и чистить. Это ж когда только ты всех вычистишь?! Это ж когда только ты заживешь по-человечески?!

Путевые заметки

Спокойно, не переживайте, жить негде, мы в ловушке. Весь земной шар – дерьмо. Поздравляю!

Чисто, стерильно, качественно, тщательно, протерто. Германия. Матерь всех наших побед. Скучно так, что можно повеситься на входе и на выходе. Свиная нога с капустой, пюре, пивом. На московский желудок обожрешься до оловянных глаз. Тут они начинают петь марши, одевать мундиры, бежать строем через Берлин. 200 тысяч бегут. А ты опять еврей. А они опять бегут. Молча. Девушки выносят пиво. В магазинах полно. Они здороваются и маршем куда-то бегут.

Большая свобода. «Ваш мальчик брал у нашего велосипед, там соскочила цепь. Вот счет». Да, влюблены. Да, держатся за руки. В кафе, да. Пьют левыми руками, правые руки оторвали только один раз, чтобы рассчитаться. Оба. Каждый за себя. Конечно, это их дело. Но нам-то что там?

Один наш в ихней бане, где все вместе мужчины и женщины (*первый обычай, что мне понравился*), сказал среди немцев на плохом английском языке:

– Да что ж вы в сухом пару? Хотите, я вам покажу настоящий пар?

Все молчали. Он плеснул, достал, принес, отбил, поколотил, перевернул. Все молчали. Хозяин по просьбе присутствующих попросил его больше не приходить.

В Германии стерильно, качественно, полезно. Постели себе в аптеке и ложись. Свобода полная. Только не принято. Это не принято, то не принято. Все не принято.

Красиво, сытно, богато и далеко. Америка, ед-рен-ть. Грандиозно! 90 ТВ-программ! Океаны, каньоны, шельфы! Пока не заболеешь. Они не виноваты, и ты не виноват. У тебя +40 °С, ты вызываешь «скорую». Emergency, которая 30 минут разговаривает с тобой по-английски по телефону, а ты плохо. И тебе плохо. Ну плохо тебе. Было хорошо, было очень хорошо, и вдруг стало плохо. Организм – сука, не вынес впечатлений, не вынес вопросов, «как вам нравится Америка», и выдал 125 по Фаренгейту с загадочным желудочным гриппом. То есть ты практически не знаешь, за что хвататься: за кровать или за туалет.

А ты застрахован, не застрахован? А тебе сколько лет? А ты как приехал? А ты у кого живешь?

Нехороший получается разговор – один в кресле, другой на унитазах. И ты ошибаешься все чаще. А у тебя ночь. Все знают, что организм дает дрозда именно ночью. Днем он занят впечатлениями. И ты после 40 минут сдержанной беседы желудком чувствуешь, что они не приедут. И они не приезжают. И правильно делают. Ты выживаешь сам. Потому что Америка тебе тихо шепчет: «Будь богатым, дурачок. Не останавливайся». Америка тебе шепчет: «Бедных во всем мире так лечат. Бедные они. И лечат их так, бедных».

А в Тель-Авиве наоборот. Тетка моя с гипертоническим кризом вызвала «скорую» по старой памяти. Приехали два амбала из армии спасения. Эмерженсы с большим крестом. Вынесли, повезли, привезли, положили в коридоре. Два «р»? Да, в кор-р-идоре. Шесть часов она лежала, никто к ней не подошел, ей стало легче, она встала и ушла сама. Незаметно... Но ошиблась. Счет пришел на 100 шекелей за перевоз тела. Сейчас чувствует себя как никогда.

Какое давление? Какие таблетки? Какие уколы? Мы работаем под аплодисменты, за нами мир следит. Несварение? Вырежем желудок, легкие, печень, вставим все от бабуина,

через три дня уйдешь под аплодисменты – и на дерево. Но ты должен быть богатым. Пойми, нам нет смысла.

Конечно, нет. Конечно, я понимаю. У нас в России медицина тоже хорошая, просто лекарств нет, инструментов нет, коек нет, еды нет и выхаживать некому. Резать есть кому. Желających полно. Число хирургов на улице растет не по дням... Зашивать некому и заживать негде.

Дальше! Сказочная страна, голубое море, белое солнце, вечная зелень, свежие соки, дикие фрукты. Тель-Авив – сказка. Красивей Израиля не бывает. В магазинах опять полно. Порции такие, что тебя раздувает, как дирижабль. А жрать надо, не брать же деньгами, да тебе деньгами и не дают. Шмоток полно. Базар такой, что от зелени, помидоров, слив, рыб, дынь, арбузов, картошки величиной с собаку, кукурузы вареной с солью, колбасы телячьей, поросычьей, индюшачьей, халвы тахинной, черешен, фасоли молодой, салата, селедки, водки, пива, соков, давленных тут же, и криков: «Я сегодня сошел с ума, берите все за 1 шекель», – ты становишься сумасшедшим.

А еще Иисус Христос, а еще вся Библия на самом деле, и Вифлеем, и Голгофа, и Гроб Господен, и царь Ирод. Все на самом деле!!! И желтая пустыня, и Мертвое море, где женщины плавают в таких позах, которые раньше видел я один. И Красное море с коралловыми рифами и рыбами таких наглых расцветок и нахальства, что хочется спросить их: «У вас что, врагов здесь нет? А акулы? А русские? Да у нас на Черном море, если б ты даже сидел под камнем и был бы цвета свежeproлитого мазута, тебя бы выковыряли, распотрошили и зажарили в твоём собственном машинном масле. А здесь ты нагло меня, Мишу Жванецкого, хвостом в пах. Жаль, я сыт. И жаль, ты не приезжаешь к нам на Черное море, ты б там поплавал».

И роци оливковые и апельсиновые, где фонарями сквозь зелень светят апельсины, и никто не жрет их.

И вот среди этой роскоши, природы и жизни шатаются люди, которые на неродной родине были евреями, а на родной наконец стали русскими и вокруг себя распространяют текст: «Это все поверхностный взгляд, Миша. Ты в восторге. Ты же не успеваешь глянуть вглубь».

Да, не успеваю... Или нет, не успеваю... Как это было по-русски?... Конечно, не успеваю. Конечно, поверхностный взгляд. То что мы в Москве умираем с голоду – тоже поверхностный взгляд. Но каких два разных поверхностных взгляда.

– У нас тяжело, Миша.

Да, у вас тяжело. А у нас плохо. «Опять разница небольшая, но опять очень существенная», – как любил говорить великий юморист и бывший президент.

Да, среди сказочной и самой красивой в мире библейской страны сидят 450 тысяч недовольных советских евреев. Их русские жены счастливы! Их русские дети от их русских жен от бывших русских мужей давно выучили язык и стали евреями, и только эти остаются русскими и говорят по-русски, и не могут спросить, как проехать, и не могут забыть, как они были главными механиками и гинекологами, и сидят на балконе, и смотрят в даль, которой на новой родине нет.

А, как я уже говорил, количество сволочей постоянно и неизменно. Уезжаешь от одних и радостно приезжаешь к другим. Там тебе говорили «жидовская морда», тут тебе объяснили, что ты «русская сволочь». И ты уже можешь понять, что чувствует русский патриот.

– Миша, здесь жить очень тяжело. Хотя там жить было невозможно.

Да. И в далекой Австралии животный мир интересней человеческого.

– Понимаешь, Миша, выехав, мы убедились – всюду плохо.

Просто есть места, где хуже, чем плохо. А есть, где опасней, чем плохо. Но никто ни разу не сказал, что хорошо там, где сытно. И когда ты с восторгом перелистываешь колбасу и включаешь автоматическую коробку передач, твой старый друг, твой друг детства, человек, с которым ты перепил и переговорил всю жизнь, смотрит на тебя как на идиота.

– Что машина? – говорит он, – Кусок железа! Что выпивка? Это здесь не проблема. Вот где бы заработать?

– Да, – говоришь ты, – а у нас как раз выпивка – проблема, а колбаса – роскошь, а заработать не проблема, но вылечиться нельзя. Ну, Шура, что будем делать?

– Давай опять договоримся. Мы опять дадим им срок. Два года.

– Кому?

– Твоим правителям и моим. И если за два года они ничего не исправят, мы уедем.

– Опять?

– Да. Ты отсюда, я оттуда.

– И куда?

– Куда-куда? В нейтральную страну. Поедем к черным и будем там белыми.

– Или поедем к белым и будем там...

– Ладно. Давай дадим им пять лет...

– Хорошо. Дадим им пять лет. Если они ничего не сделают...

– Мы умрем.

– Нет. Мы так напьемся, что им будет стыдно.

– И еще одно, главное. Главное, чтобы нас не выбрали правителями, потому что... кроме проклятий...

– Я хотел тебе сказать, Шура, чтоб ты не возвращался. У тебя такая национальность...

– А я хотел тебе сказать, Миша, чтоб ты не приезжал. У тебя такой жанр...

– Алло! Я хотел тебе сказать...

– Алло!

– Алло! Не возвращайся.

– Алло! Не приезжай!

– Алло! Ты меня слышишь? Мы в ловушке под названием земной шар. Если вырвешься, позвони.

Документальная история.

Соединенные Штаты Америки. Шеф телевидения. Переводчик. И я.

ШЕФ. Давайте читайте ваш юмор, что-нибудь без политики. Мы будем переводить.

Я. Женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры.

ПЕРЕВОДЧИК. Наш друг из Советского Союза... утверждает, что умных женщин не бывает вообще. Бывают не такие умные и очень неумные.

ШЕФ. Абсолютно что ли?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

ШЕФ. Это, конечно, кому как повезет. Что ж ему так не везло? Ну и что здесь смешного?

ПЕРЕВОДЧИК. Ну... в словосочетании, что умных женщин нет, есть неумные.

ШЕФ. М-да... И они там смеются?

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит – да.

ШЕФ. Ну пусть пошутит еще.

Я. Я вчера видел раков по пять рублей, но больших. А сегодня были по три рубля, но маленькие. Те были большие, но по пять. А эти маленькие, но по три. Те были вчера, но по пять, но очень большие, но вчера, но по пять, но очень большие. А эти маленькие, но по три, но сегодня. А те вчера, но оче...

ШЕФ. Так, все, хватит. Переводите.

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит, что вчера видел... там такие омары речные. Большие.

ШЕФ. А разве речные омары большие?

ПЕРЕВОДЧИК. Ну вот он говорит, что видел больших. И их цена была пять рублей. А сегодня он видел маленьких речных омаров. По три рубля. И вот он вспоминает. Что те были по пять рублей, потому что были большие, а...

ШЕФ. Это вчерашние что ли?

ПЕРЕВОДЧИК. Да. А сегодняшние были по три рубля, потому что были маленькие.

ШЕФ. Ну и что?

ПЕРЕВОДЧИК. Ну вот он и шутит, что те вчерашние продавались по пять, потому что были большие, шутит он, а сегодняшние продавались по три, потому что были маленькие.

ШЕФ. И что, он говорит, что он там популярен?

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит – да.

ШЕФ. Он один это говорит или еще хоть кто-нибудь говорит?

ПЕРЕВОДЧИК. Ну вот наш атташе по культуре – просто с пеной у рта... Он же его рекомендовал.

ШЕФ. Так. Ну-ка еще повторите мне про этих омаров. Я хочу разобраться.

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит... Что вчера видел омаров по пять рублей – больших. А сегодня видел по три рубля – маленьких. Вот он там повторяет, что те были по пять рублей, потому что были большие... А сегодняшние были по три рубля, потому что были маленькие...

ШЕФ. Так. А почему вчерашние не были сегодня по три?

ПЕРЕВОДЧИК. Ну, видимо, там вчерашних не бывает, они все съедают в тот же день.

ШЕФ. Значит, если я его правильно понял, вчера он видел больших омаров, поэтому они

были по пять. Сегодня он видел маленьких омаров, поэтому они были по три.

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

ШЕФ. И они там смеются?

ПЕРЕВОДЧИК. Он говорит – умирают.

ШЕФ. Так. Клинтон точно проиграет эти выборы. Я не вижу толку в помощи этой стране! Мы бросаем миллиарды, а они не знают, что такое рынок! Смеяться над тем, что большие омары по пять, а маленькие по три!... Они понятия не имеют о купле-продаже. Это сумасшедший дом! Спросите, им что, выдавали этих омаров на пайки?

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, вам что, выдавали омаров на пайки?

Я. Омаров на пайки?!... Это Эн-Би-Си или сумасшедший дом?

ШЕФ. Что он кричит?

ПЕРЕВОДЧИК. Он кричит, что у нас сумасшедший дом.

ШЕФ. Так. Все! Спросите, у него есть какие-нибудь шутки о сталинских репрессиях?

ПЕРЕВОДЧИК. Нет. Он говорит – нет.

ШЕФ. И что, он говорит, что публика смеется на его концертах?

ПЕРЕВОДЧИК. Да, он говорит – смеется.

ШЕФ. И наш атташе смеялся?

ПЕРЕВОДЧИК. Да, он сам это видел.

ШЕФ. У меня нет основания ему не верить. Он абсолютно без юмора, значит честный парень. Так. Скажите ему спасибо. Скажите, что он нам очень помог. Он, конечно, никакой не юморист, он политик. Мы его дадим под рубрикой: «Смотрите, кому помогает Америка!»

* * *

Когда чувствуется, что весь мир лжет? Когда тебе в самолете объявляют, что разница во времени между Москвой и Нью-Йорком всего 8 часов.

Приступ пессимизма

Нет больше Родины и Народа. Под этим именем никто не хочет выступать. Есть Я, осуществляемое с большим трудом.

Время кончилось. Жизнь началась сначала. Прекратились лауреаты, секретари, герои, массовые протесты и всенародные подъемы. Остался мат, лай собак, визг женщин, прибор грязных волн о грязный берег. Пыльной и дырявой стала надежда. Как горизонт отодвигается счастье. К рукам приближается оружие. Плохие и мертвые попадают все чаще. Электричество и канализация на последнем издыхании.

Интерес к окружающему уже не в состоянии преодолеть тревогу и болезнь. Хорошее настроение только у пуделей, а смех только у идиотов. На улицах, в квартирах, на кухнях смех не слышен. Телефонный разговор стал коротким.

– Запиши мой телефон, – говорят друг другу, и прощаются.

Напряженная тишина. Безмолвные очереди машин в ожидании бензина. В человеческой очереди попадает труп. Отъезды стали бытом. Возвращения потеряли ориентацию. У обещавшего вернуться нельзя понять – куда. И понимать некому.

Никто не загорает, не отдыхает, не живет. На пустынном берегу откуда-то взявшиеся сирийцы строят гостиницу. В тайге неизвестные турки строят гостиницу. Немцы восстанавливают барскую усадьбу. Примерно так, примерно так... Редакция, которую покинула надежда, выпускает журнал. Ищут анекдоты, заглядывают в постели, звонят за рубеж. Голоса все глуше. Смешное какое-то осталось, но уже не смешит и плохо доходит. И почта не находит себе места. Под разными названиями выходят одинаковые газеты.

Армия неожиданно стала жалобной, раздражительной. Опять оказалась неприспособленной к военному времени, нуждается в длительной войне, чтоб набрать опыт. А люди не хотят этого опыта, а без людей она не может. Много журналистов и мало солдат. В атаку идут операторы. Солдаты окапываются. Противник есть, погибшие есть, а фронта нет. Генералам столы сервируют на картах. Из танка спрашивают, как проехать к противнику... Мальчик показывает и бьет гранатой вслед. Победа не нужна никому, пока идет снабжение.

Обоим президентам внушают, что это очень сложная и жестокая война с коварным, умелым и жестоким противником. Эти бьются за свою родину и те бьются за свою родину. И все находятся на своей Родине, отсюда невнятность героизма и отсутствие подвигов.

Лекарства отняли у городов, передали солдатам, и возросли потери в тылу. Продолжительность жизни одна у мирных и у солдат. Врачи из каких-то остатков что-то делают. Больные в карманах приносят вату, марлю, инструмент. «Скорая» доехать не может, приехав, отъехать не может. В этих пробках и угнать невозможно. В больницах врачи как-то пытаются смерть отодвинуть, но жизнь дать не могут и так и выпускают в это месиво.

А тут страсти кипят: наваливаются, рвут, режут. Беззащитное готовится к уходу. Защититься невозможно. Воры и так уже в лучших машинах, в лучших квартирах, в лучших костюмах, в лучших часах и с лучшим оружием.

Молодое и кипящее ничто не считает чужим: чужую жизнь не считает чужой, и чужую жену не считает чужой, и милицию не считает чужой, а страну считает своей. Кто не хочет пропасть, к ним присоединяется и все равно пропадает. Потому что идет на войну... Примерно так, примерно так...

Увидя пятерку молодых в машине, все разбегаются. Куда они едут? Против кого? Где выйдут и кого убьют? Все головы в плечи и домой. А там, кроме двери, ничего. Дверью закрыты. За дверью не живем, готовимся... Если вдруг пропадут свет и вода, никто не выйдет. Боятся. Рассвет как спасение. Примерно так, примерно так...

Разница между полами перестала волновать. Приумножать население никто не хочет. Примерно так, примерно так...

Вот из-за поворота выходит человек... Все может быть, но ничего хорошего это не означает...

Оркестр, пожалуйста. Медленно и печально.

При таком состоянии ни ходить, ни сидеть, ни лежать нельзя. Можно только беспокоить людей. Либо водить чернилом, оставляя бессмысленные, путаные следы, называемые почерком. А ведь все ясно. Или: возможно, все ясно. Опять непобежденным не ушел. Снова не разглядел сквозь тучи. Машины, конечно, едут, но спроси их куда, и я уверен, кроме оскорблений... Один трамвай, как старый большевик, знает...

Это непонятное, пасмурное время без еды, воды, любви и солнца у нас называется зимой 1995 года. Люди по-прежнему движутся в разные стороны, но печально и без видимых причин. Среди них есть и уважаемые, а все равно, движутся без деловитости. Что-то произошло. Природа тебе шепчет, и ты шепчешь природе.

– Природа, – шепчешь ты.

– Что? – шепчет она.

– Природа, – шепчешь ты.

– Что? – шелестит она.

– Что-что? Неужели здесь такое место? И чтобы ты ни делал? И чтобы все ни делали?...

Природа?...

– Что?

– Что-что?... Я же спрашиваю.

– А я и отвечаю.

– Чушь ты отвечаешь. Послушай, у нас даже солнце стягивает к себе тучи.

– Разберетесь.

– Нет! Люди сами разобраться не могут. Чем их больше, тем хуже. Эта задача для одного, чтоб вывести их из этого гиблого места. А тут еще снег. А снег всегда внезапен. И даже снег, который всюду покрывает, у нас покрыть не может. И это называют зимой 95-го. Когда же будет хорошая погода?

– Когда жизнь наладится.

– Это когда же?

– По погоде и узнаешь.

Метро

(Музыкальный вагон. Три солиста, хор, торможение, разгон.)

ДЕВУШКА. Молодой человек, уступите место бабушке. Как вам не стыдно. Ей лет 70. Садитесь, бабушка.

БАБУШКА. Не хочу я садиться. Чего вы за меня выступаете. Семьдесят, семьдесят, вам какое дело.

ХОР. Чего действительно тут.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно, бабушка, вы лее меня ставите в неловкое положение. Садитесь – встань – садитесь!

БАБУШКА. Не хочу садиться. Пусть сидит, зачем ты затеваешь?

ХОР. Чего рвешься? Чего маешься? Пусть сидит.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно. Старушке семьдесят, больная, он молодой балбес. Ему стоять и стоять, а ей там что осталось. Садитесь – встань – садитесь.

БАБУШКА. Почему больная? Почему семьдесят? Сколько мне осталось? Вам какое дело? Я прекрасно себя чувствую. Больная ты. Сидите!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. И за балбеса могу приварить.

ДЕВУШКА. Как тебе не стыдно, почему ты сидишь. Садитесь – встань – садитесь!

БАБУШКА. Не сяду я и все. Не сяду!

ХОР. Ты откуда такая взялась? Ты где такая родилась?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не встану я. Не встану.

(Поезд тормозит.)

ДЕВУШКА. А вам, бабушка, должно быть стыдно. О вас заботятся, вам предлагают, а вы бессмысленно уперлись, как баран, дура, позор, подонки все!

ХОР. Что она хочет? Кто она такая?

(Поезд разгоняется.)

БАБУШКА. Не сяду, не сяду я.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно. Садитесь – встань – садитесь. Какой кошмар. Вы все ставите меня в неловкое положение.

ХОР. Я бы тебя поставил. Ох, я бы тебя поставил именно в неловкое... Да народ кругом. Сиди, пацан, сиди!

(Поезд тормозит.)

ДЕВУШКА. Мы же пишем, мы же боремся, мы призываем.

ХОР. Сиди, пацан, сиди.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не встану я. Не встану.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно. Мы пишем, пишем...

(Поезд разгоняется.)

ХОР. Сиди, пацан, сиди.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не встану я. Не встану.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно, мы пишем, пишем...

БАБУШКА. Не сяду я, не сяду.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не встану я, не встану.

ДЕВУШКА. Как вам не стыдно. Мы же пишем, пишем.

(Поезд разгоняется.)

ХОР. Сиди, пацан, сиди.

И представляешь, все проехали свою остановку.

Автопробегом

В стране, где все наоборот, сначала появляется автомобиль, а за ним ведут дорогу. Хотя дорога гораздо опаснее. Встречные автомобили, где вместо лобового стекла одеяло, с торчащим в дыре багровым, слезящимся лицом управляющего и скрюченной семьей в глубине, лучше знака предупреждают: осторожно, впереди ремонтные работы.

Ночующий на обочине лесовоз с нанизанными на бревна «Жигулями» предупреждает: не оставляйте транспортное средство без огней. А вертящиеся в вихре танца шесть автомобилей на кровавом шоссе, с обезумевшими управляющими внутри, гласят – тут тракторы везут помидоры на консервный завод.

А вот, обнявши столб мотором, дремлет силуэт «не слепите водителя», склонился над ним столб. А вот и спиленная половина, превращенная в мотоцикл. У бедняги одна фара горела. Но одна фара не горела. И встречные их поделили пополам. Конечно, наша дорога влияет на выбор автомобиля. Она выбирает сама: танки или БТР с экипажем из ядерных мужиков в спасательных скафандрах.

Отношение водитель – автомобиль складываются у нас проще. Как бы ни был туп наш водитель, – автомобиль еще тупее. Сколько случаев, когда он уже повернул, а она идет прямо. Он среагировал, а она прет. Он на тормоз. Она на газ.

Престижная «Волга», которая отняла у меня семь лет жизни, отечественная, плохоосвещаемая, плохопрогреваемая, плохоочищаемая, но труднозаводимая и от этого всего очень долговечная, для продления мучений. Машина, где водитель сидит справа от руля и в острые моменты не может нащупать рычаги управления и только выражением лица показывает встречным, куда он собирается ехать внутри машины. Эта машина еще известна тем, что управляющий поворачивает ее сам своим трудом без помощи каких-либо технических средств, понаблюдайте – это хорошо видно за лобовым стеклом.

«Запорожец», модификации которого вывели из строя огромное количество советских людей, известен тем, что его двигатель надо заводить после включения каждой из четырех прославленных передач коробки. Он также глохнет после включения фар, показателя поворота, стеклоочистителя. Зимой, с трудом заведя печь, работа которой очень похожа на работу двигателя, многие пытались начать на ней движение по дорогам.

Нам говорили об успехах в авиации и космосе – именно там, где нас нет. Там, где мы есть, виляя задом, стуча мостами и гремя коробками, носятся отечественные модели, неисправные все до одной. С одним достоинством – есть, где приложить мозги. Скульптурная композиция под названием «Вечность»: открытый гараж, поднятый автомобиль «ИЖ» и лежащий под ним владелец в жару, дождь, снег.

Отношения нашего с иномарками прошли несколько этапов. От недоверчивых ухмылок, пробования зубом: «чего-то уж очень блестит». Вместо серой, как взгляд алкоголика, окраски «Белая ночь» – какая-то ясность и блеск: «Ты смотри, и гвоздь не берет... Не-е, взял гвоздь, взял наш гвоздик, взял».

И много лет недоверия, как к красивой женщине. Нет, мы со своими, хоть косая, хоть хромая.

– Поверьте мне, Миша, я сорок лет за рулем, машина должна быть наша.

А с нашей нагнитесь ниже – это тосол под кроватью и колесо под подушкой, это плоскогубцы в вечернем костюме.

Зачем автомат? Кто его у нас отремонтирует? Зачем электроника? Кто ее у нас отрегулирует? А может, ее не надо ремонтировать, а может, ее не надо регулировать? Ходили, языком цокали. Не, не подойдет для нас... Ничего, подошло. И научились. И все Приморье на японских машинах. Все сидят справа. ГАИ яростно сопротивлялась. Они же не могли понять – где водитель? Идет машина без водителя. Пассажир есть – водителя нет. ГАИ сообразила, что водитель справа и сама села на Японию. Подошли нам и иномарка, и парламент, и свобода, и частная собственность. Как писали Ильф и Петров: лежали жулики у большой дороги, а настоящая жизнь, сверкая фарами, шла мимо. Времена изменились. Перебрались жулики на большую дорогу и вписались в Большую жизнь.

* * *

Я люблю все, что означает, движение: пароход, самолет, спичку, скрытый смысл, знакомство с умной женщиной, неоткрытую бутылку водки.

* * *

Простое одиночество – это мимика в темноте, пожимание плечами, негромкий стон в ответ на какие-то мысли. Явное одиночество – это уже разговор, тихий разговор с самим собой с упреками, угрозами, с отрицательным покачиванием головы и вздохом: «Нет, это невозможно».

Полное одиночество – это громкая беспардонная, болтовня с собой с ответным хохотом, пожиманием руки, рассматриванием удостоверения, хлопаньем самого себя по животу: «Ай да молодец, ну насмешил», с последующей задумчивостью и криком: «Нет, ты не пойдешь туда! А я сказал, нет!» – и слезами, прерываемыми: «Ну не рыдай же, как ребенок, ей-богу!»

* * *

Как кому, а мне нравится думать!

Автопортрет-96

Первое: похорошел.

Второе: зеркало радуется ежеминутно.

Третье: личная жизнь цветна и ярка невыносимо. Звук и цвет хочется приглушить, однако выключатель в других руках.

Четвертое: живот появляется первым, куда бы ни пришел. Ведет себя нагло. Мешает. Хотя кому-то служит полкой для рук.

Пятое: физическая стройность, о которой так много говорилось, продолжает вызывать много разговоров.

Шестое: нижний кругозор ограничен животом. Верхний очками.

Седьмое: ботинки на шнурках и пальто со змейкой вызывает желание поручить это все кому-то застегивать.

Восьмое: а публика требует смешное.

Девятое: почему никто не желает грустить? А «Мать» Горького? А «Анна Каренина»?

Десятое: хочет носить славу, но не имидж.

Одиннадцатое: мгновенно стал старше всех. Не по званию, к сожалению.

Двенадцатое: очень любит высокий заработок... Так дайте ему! В чем дело?!!

Тринадцатое: очень хочет быть мостом между Украиной и Россией, только чтоб не ходили.

Четырнадцатое:... очень хотелось бы, но не сможет.

Пятнадцатое: а даже, если сможет? Что делать потом – вот вопрос?

Шестнадцатое: в раздетом виде широк. В одетом скуповат.

Семнадцатое: напоминает попугая в клетке. Сидит накрытый одеялом. Вдруг поднимают одеяло. Яркий свет, тысяча глаз и он говорит, говорит. Опустили одеяло – тихо, темно, кто в клетке – неизвестно.

Восемнадцатое: дружбе и любви относится по-разному: ненавидит веревки, обожает нити.

Я его вызвал

Я его вызвал, и он пришел ко мне с тонометром.

– Вам 60 лет, – сказал он. – Что тут не ясно? Большой живот – вот результат.

Давление – результат.

Изжоги – результат.

Сердцебиение – результат.

Вам 60 и от чего-то надо отказаться.

Так от чего отказываться будем?

а) Бабы – вычеркиваем

б) Выпивка – вычеркиваем

в) Вкусная еда – вычеркиваем

г) Лежание с книгой – вычеркиваем

д) Ужин с друзьями

е) Утренний кофе

ж) Ночной коньяк

з) Жареное

и) Копченое

к) Газеты на ночь.

– Что там осталось? – просипел больной.

Остались: свежий воздух, утренний бассейн, вареная морковь, жена.

Неделю пролежал со списком.

Потом восстановил последний пункт.

Последний пункт, он легкий самый.

Одна газета на ночь...

Но там такие гадости, но там такие сволочи, но там такие выборы. Ну, не заснешь и все... Берешь хоть книгу.

А там такие гадости, а там такие мерзости, там все так мерзко красочно, и так умирают длительно от ран в паху.

Причем все в шестьдесят. Все в шестьдесят!

Ну, как тут не восстановить пункт «ж».

Чуть-чуть.

И тут оно как завертелось и выстрелило наблюдениями, итогами и меткими словами.

Ну как тут не поговорить чуть-чуть.

Ну не с мужчинами же, а?

Ведь надо ж «а» узнать, что есть...

Прощупать хоть по телефону... людей...

А дома спят. Из мужиков же по ночам почти никто не говорит.

Они все спят от вредности дневного...

Приходится слегка восстановить пункт первый.

Слегка... Чтоб жизнь почувствовать.

А там все оживились:

«Куда пропал? Что за манеры и когда?»

Зачем когда? Я просто так.

Ну просто так когда?

А о здоровье с дамой неприлично. Мы разные. Здоровье разное и разные врачи. За что и любим.

Понастыдили. Нарушил пункт второй по-крупному.

С ним третий. Как же без закуски.

И мужики не говорят так просто. Только с пунктом «д».

То есть оплачиваю я их выпивку, депрессию, рукопожатия.

А как там разглядишь копчености во всем масштабе нарушений.

От утреннего кофе отказался, хотя бы потому что наступает он в 16.00.

Ночной обед, дневная баба. Зарядка вечером, а утром мертвый сон. Живот, подагра, ревматизм, ангина, сердце, частый пульс, друзья, копчености, девицы с маринадом.

И он с тонометром.

– Так от чего откажемся? Давай попробуем от новостей.

– Нет, нет, – вновь просипел больной.

– От баб? – он поглядел на циферблат, – от выпивки, от чтенья на ночь, от ночных раздумий? Ты видишь, что нельзя от одного. Ото всего.

Ото всего. Ото чего? Ото всего!...

И что там остается?

Прогулки, свежий воздух, овощи, окно...

– И никаких ночных раздумий?

– Никаких.

– Когда ответ?... Пстой, а может, я здоров?

– Вполне возможно. Когда б не результаты измерений...

– Тогда поступим так. Мы список размножаем в двух экземплярах и ищем точки соприкосновения. А если не найдем – то снова соберемся. А если в третий раз не выйдет, тогда исход один.

– Какой?

– Какой! Со своим списком каждый. Но список наоборот. Перечисление органов: желудок, печень, сердце, голова, суставы, позвоночник... Кто от чего откажется?... И снова соберемся.

* * *

Птичка не усидит – дергается, дергается. Чего суетишься? Чего дергаешься? А кормиться надо. Кормиться и плодиться. Плодиться и кормиться.

Если бы их не поедали другие, которым тоже плодиться надо, страшно было бы подумать.

Все мы бегаем и тучнеем для кого-то. Подумай, прежде чем поправиться, хочется ли тебе, чтоб он так вкусно кормился и плодился.

Странно: мы все понимаем, как глубока и вечна классическая музыка. Но властвует легкая. Как политика над учеными. Коли легкое властвует, надо его выбирать, как выбирают политику, надо его предлагать, как предлагают политику.

Легкая музыка делает эпоху.

Музыка не нуждается в переводе.

Могли бы и буквы придумать общие для всех народов – не захотели. Они думали, что буквы главное. Буквы сохраняют нацию. Ноты главнее. Общие для всех наций ноты сделали свое дело – можно стучать в кастрюли, обижаться на засилие, а побеждает та музыка, которая побеждает. Американская, итальянская. И обижаться нечего, тем более, что американская – наполовину наша.

И Гершвин, и Берлин, и Покрасс. Не обижается Америка и выигрывает. А мы всю музыку, всю физику, все тексты подсчитываем, подсчитываем и проигрываем, проигрываем от огромного комплекса неполноценности.

Предмет нашей национальной гордости, корифей науки, обставивший весь мир, будет мучиться, болеть, голодать и умереть, лишенный внимания, потому что неправильно сконструирована система. Ему кроме слов нужен заработок, вот эта всеобщая известность и гордость ему – этому предмету, должна давать заработок. Чтоб жить и не зависеть ни от кого, тогда он может сочинить то, за что его любят. Он может сочинять и в тюрьме. Но это будут сочинения в тюрьме. И, выйдя на свободу, он четко скажет, что тюремный опыт человеку вреден.

Только буквы. Ноты, цифры и опыты в тюрьме не поставишь. И музыка из тюрьмы будет музыкой из тюрьмы, где солнце в клетку и туча в клетку и женщина за решеткой с той стороны.

Женщина. Женщина. Женщина.

Потому что свобода – это женщина.

Тюрьма без женщины.

Болезнь без женщины.

Старость без женщины.

Война без женщины.

Все плохое без нее.

Свобода – это женщина.

Или, говоря сложнее, любовь.

Или, говоря еще сложнее, возможность любви.

Или, говоря проще, найти свой минус или свой плюс для возникновения электричества. Для появления людей на белом свете.

Из тюрьмы с детьми не выйдешь.

Литература без детей, Варлам Шаламов.

Как ужасно, когда болеет ребенок.

Легкая музыка – порождение жизни. Сейчас она склеенная, заимствованная, продающаяся и фонограммная.

В ней нуждаются. Ее покупают. В нашей стране в ней нуждались всегда. Музыка, как снег, покрывает разруху, ямы и могилы.

Музыка Дунаевского, Соловьева-Седого покрывала аресты и Беломорканалы. Но какая музыка!

Любовь Орлова – звезда, но ее все время покрывает музыка Дунаевского.

Война под голос Утесова. И яростная борьба власти с музыкой за власть.

И джаз все равно владел ногами и сердцами. Музыка, как вода, касается всех берегов. И фигурное катание в немыслимых дозах, шло под хорошую музыку, под запретную.

Музыка как воздух. И как вода.

Скорее, как воздух. Окружает нас всюду.

Ее не нужно читать, покупать. Она всюду.

Двигая рукой или телом, мы рассекаем музыку.

Какую бы ты кнопку ни нажал, включается музыка.

Реклама, радио, соседи сверху, снизу, со двора.

Парад, войска, оркестры, марши. Она звучит все время, независимо от нас.

Включай, не включай. Тебе остается только присоединиться.

Сел в машину – музыка. Вошел в дом – музыка. В эфире из разных стран.

И хороший писатель тоже пишет музыку. Рассказы Чехова. Пушкин.

Гениальных песен в мире так же мало, как симфоний. Редкостные певцы рожают музыку. Еще более редкие понимают слова, которые поют. Совсем редкие рожают музыку и понимают слова. Кто владеет музыкой, владеет молодежью.

Но музыка выбирается молодыми.

Стихи, положенные на музыку, сразу становятся доступными.

Период тоталитаризма, как любая тюрьма, был периодом хороших стихов. Смысл которых был всегда один – долой тюрьму. Теперь тюрьмы нет и смысл распался. Исчезли стихи как оружие. И появилась масса бессмысленных слов на музыку, вызывающую движение и напоминающую секс.

Это можно танцевать под бой часов, под дизель, под забивку свай, под стук колес, под барабаны в джунглях.

Сидеть под музыку нельзя. Надо танцевать внизу-вверху. Сидя и лежа на боку.

А в общем, услышав несколько нот к фильму, мы угадываем эпоху. Как в игре «Угадай мелодию» – мы угадываем слова. Это литературная передача. Так что надо бы назвать «Угадай стихи».

А эпоха волшебных мелодий, видимо, у всех прошла. Последние фильмы из музыки: «Кабаре», «Весь этот джаз» Фосса.

Голливуд собирает весь мир. И наука США собирает весь мир. Кто же мешает нам собирать?

Денег нет. А денег нет, потому что продавать нечего. А продавать нечего, потому что авторы уехали. А авторы уехали, потому что денег нет.

Вот и снова замкнутый круг, из которого состоит наша замкнутая жизнь.

Когда свобода, когда можно ехать, а можно и остаться, проверяется просто: любовью к стране.

Но и эту любовь, как и всякую любовь, проверять и испытывать не стоит.

Надо жить: 1) безопасно; 2) лечебно; 3) образованно; 4) тепло; 5) удобно; 6) с кем хочешь.

И что-то получится. Как в музыке, которая приходит к нам оттуда, где получилось все остальное.

И все-таки. Просто жить одним ритмом – это джунгли. Это развлечение. Это свободное время. Но остальное – это придумывание музыки, слов, цифр, аппаратов, чтоб эту музыку транслировать. Чтоб певцы пели под фонограмму, кто-то должен придумать усилитель и магнитофон. Нужны головы. Сейчас у нас время ног.

Головы не нужны. Руки не нужны. Время ног.

Что предмет нашего советского творчества? Из того, чем можно было заинтересовать? Это тюрьма. Архипелаг ГУЛАГ.

Диссиденты – это и была наша продукция.

Продавать и завоевывать мир можно и тем, что получается лучше всего.

* * *

В Одессе быстроподнятое не считается упавшим.

Об импотенции

У нас импотенция возникает от других причин. Мы, в основном, с теми, кто нам не нравится. Мы, как правило, – тех, кто нам не нравится, но нужен для решения жилищных вопросов, прописки, обмена, уборки квартиры, мытья окон.

Брак по расчету сейчас не выгоден ввиду частой смены режимов. А секс по расчету – всемирный. Кого мы только не имеем!... Ради выпивки, ради бутерброда... Что, конечно, сказывается на нашем здоровье.

Дома мы, конечно, валимся, как подкошенные. Дома уже все понимают: иди, мол, но уж без справки не возвращайся.

А как себя настроить? Какие такие упражнения делать? Отсюда массовые обращения к экстрасенсам, настырные просьбы усилить по мужской части. Хотя что такое сильный – никто не знает. Женщины правильно молчат, как она скажет: «Ты знаешь, он покрепче тебя».

Правда, в последнее время плотская любовь перестала делать успехи. Ты ее любишь, любишь – а она справку не дает. Но, с другой стороны, может, и мы их недостаточно бойко любим? Хотя и они, как правило, одутловатые. Поэтому некоторые наши вообще опустили любить мужчин. Никаких расходов, подарков, в гостиницу проход свободный, старушки у подъездов не подозревают, красота! Хотя и противно до отвращения. Ужас! Представляю – целовать усатую рожу, будто я член правительства... Но ведь и мою кто-то вынужден целовать... Правда, и я чью-то отказываюсь... Ты смотри, как все переплелось!

Встречи стали пустыми: ни интеллектуального начала, ни физического завершения – сплошное пьянство на основе сексуальной неопределенности. Многие, очнувшись от беспробудности, с удивлением видят, что лучшая для них женщина – это жена. Так что не надо бегать к врачам. Никаким лекарством нелюбимую женщину не заслонить. Надо ночевать с кем живешь, и жить с тем, к кому привык.

Приказываю:

Брачную ночь считать первой, первую ночь считать брачной, а семейную жизнь – счастливой.

Другой не будет.

* * *

Возьми за правило прерывать беременность еще в период знакомства.

* * *

Не можешь любить – сиди дружи!

Последнее 8 марта

В межнациональной борьбе женщины забыты окончательно. 8 Марта вызывает какие-то воспоминания. Цветы, духи кому-то. Но кому – ни черта. Память отшибло начисто. В воспаленном мозгу плавают какие-то чеки, газовые баллоны.

В 9 утра я должен быть на углу Боснии и Герцеговины, там соберутся чужие. С какой стороны – не помню, я за кого – тоже не помню. Надо будет выстрелить, кто откликнется, – с тем и будем воевать.

Разве сейчас можно к мужику подойти, он весь зарос бородой от пяток до шеи. В этой бороде не то что рот, автомат не нащупаешь. Грудь в опилках, зад в навозе, в глазах желтый огонь: «Крым наш и никогда не будет вашим», – и куда-то помчался. Вернулся в шашке, в шпорах с лампасами и нагайкой. Заорал на всю однокомнатную: «Бабы, на стол накрывай, туды-ть твою, атамана сегодня принимаем! Я кому гутарю, бабье поганое!!!» Опять, значит, подол подтыкай, пол мой, в реке белье полощи. С их конями опять надо знакомиться. Ой, бабоньки, как бы при атаманах коммунистов не вспоминать. Как дадут по десять плетей к 8 Марта, чтоб любила. Впредь. А за борщ недосоленный может шашкой пощекотать.

Съчас к мужику не подходи, съчас он в стрессе. Он съчас сам к тебе не подойдет и сама к нему не подходи. Они нонче в стаи сбиваются, розги мочать, костры жгут, бегают пригнувшись, прищуриваются и куда-то стреляют из бердани, некоторые, нехорошо улыбаясь, на съезде говорят и пытливо в штаны смотрят: свой али чужой. Про любовь даже поэты не пишут, а если с женщиной что и творят, то только в лифтах и электричках, и то, если она говорит «нет». Если скажет «да», его и след простыл.

Трудно, бабоньки, трудно, казачки наши неустроенные. Свято место пусто не бывает. Как мужики на фронт ушли, так из другого лагеря эти перебежали, молодцы в серьгах, кольцах, завивках и красных юбках. Такие ребята славные. Экран ноне весь голубой, такая одна-вторая-третья!... И передачу ведет нежная он, и поет, смущенная, и танцует, тряся слабенькой бороденкой сквозь серьги и монисты, и ляжечками худосочными сквозь юбочку снует, и глазки с поволокой в угол, на нос, на предмет.

Ой, бабоньки, напасть какая. За что ж на нас такое. Вам самим одеть нечего, а тут еще с ними делись. Духами, кремами. В волосатую грудь втирают. Ноги бреют, страдальцы божьи. Мужчин воруют, отовсюду норовят. И ты ж смотри, билетов на голубой этот огонек, билетов не достать. Во всех театрах бывшей столицы слабым мужским телом крепкое женское потеснили, и спрос есть. Потому что правильно, зачем мужикам эти хлопоты? Дети, подарки, колготки, роддомы? Оно ж никогда не беременеет. Само себе зарабатывает... На улице само отобьется, да на него никто и не полезет. А оно, кстати, на холоде в мужском, оно в тепле в женском. То есть выгодно со всех сторон. В гостиницу входи свободно.

– Куда вы с дамой?

– Какой дамой? – оба обернулись. И все. И нет вопросов. Два матроса.

И равноправие. Сегодня ты жена, завтра – я. И самое главное, люди от них не размножаются. А сегодня людей размножать – это вопросы размножать. К себе, семье и правительству. На хрена нам эти проблемы? Где этот волосатый? Иди сюда. Дай я тебя поцелую в эту... Во что ж я тебя поцелую? Ой, Господи, куда ж я его поцелую? Неужели в эту шею волосатую? Иди пока, купи себе что-нибудь к 8 Марта.

Девочки, женщины, дамочки, девушки, птицы милые, через этих голубых кто-то хочет

стереть разницу промеж мужчиной и женщиной. Да только в той разнице такая сила, такой конфликт, такой пожар, такое сладкое несчастье, что никогда не поймешь, почему от одной ты на стенку лезешь, а другую на расстоянии вытянутой руки держишь.

И что в той разнице? И почему так меркнут и государство, и родина, и работа, и сидящий спикер? И что ты так рвешься к ней, и почему у тебя зуб на зуб не попадает, и руки дрожат, и ты пьешь, пьешь, чтоб успокоиться, и такую чушь несешь – не дай Бог, чтоб она тебе ее повторила. А она становится все умнее, умнее, потому что никогда тебе не скажет: «Где же то, что ты мне в первый день обещал?»

Красивая женщина

Красивая женщина лучше своей внешности.

Глубже своего содержания. И выше всей этой компании.

Ее появление мужчины не видят, а чувствуют.

Некоторые впадают в молчание.

Кто-то вдруг становится остроумным.

Большинство, вынув авторучки, предлагают помощь в работе и учебе.

Даже врачи декламируют что-то забытое.

У некоторых освежается память. Кто-то садится к роялю.

Неожиданно – «Брызги шампанского» с полным текстом.

Сосед волокет диапроектор, жена с присвистом сзади: «С ума сошел!...».

И наконец, самый главный посылает своего помощника: «Тут должна быть распродажа...».

Если есть проблемы... по этому телефону лучше не звонить, а по этому всегда...

Мы спонсоры конкурсов красоты.

Если есть проблемы, у нас влияние. Я член жюри.

Тем более, если вас это интересует...

– Мы, извините, снимаем фильм... Мне сдается, вы не без способностей. Не хотите ли на фотопробы... в любое время... я как раз режиссер... Нет... не самый он, но я его самый непосредственный помощник.

Говоря откровенно, он уже... Так что милости просим – 233-28-22. Грех скрывать такую красоту 233-28-22...

Я еще хотел... Извините... Может, вам чего-то налить?...

Молодой человек, я же разговариваю...

Дама попросила меня... Нет, позвольте... 233-28-22...

Вы так не запомните... 28... Нет... 28 предыдущая...

Молодой человек, позвольте подойти, дама сама просила...

Нет-нет, 413-й не мой... А 28, предыдущая... там 22...

Ну, хорошо...

У нее один недостаток – ею нельзя наслаждаться одному.

У нее одно достоинство – она не бывает счастливой.

Красивая женщина – достояние нации.

Их списки и телефоны хранятся в специальных отделах ЦРУ, КГБ, интеллигентсервис.

Красивая женщина разъединяет мужчин и сплачивает женщин.

Она творит историю и меняет ход войны.

Она, она, она...

Она, оказывается, еще и поет на некотором расстоянии при ближайшем рассмотрении.

И неожиданно что-то вкусно взболтает в кастрюльке в фартучке, который так обнимает ее своими ленточками, что каждый мужчина на его бы месте висел бы, свесив голову, обжигая спину горячими брызгами и молчал, принимая на себя все пятна и упреки...

Красивая женщина пройдет по столам, не опрокинув бокалы, и опустит взгляд, под который ты ляжешь.

У нее нет хозяина, но есть поклонники...

– А что делать некрасивым? Повеситься? – спросила меня какая-то студентка и посмотрела с такой ненавистью, что мы не расстаемся до сих пор.

* * *

Трудно расстаться только с первым мужем, а потом они мелькают, как верстовые столбы.

* * *

Насколько все упростилось: измену я прощаю, но если во время измены она плохо обо мне говорила – нет ей прощения.

* * *

У нас с женой договор: поймаешь – стреляй!

Что с тобой, друг мой?

Просыпаюсь, он стоит.

– Где она?

– Мы же с тобой ее прогнали. О ком ты?

– Где она?

– Мы вчера ей объяснили, что она нам не нравится, причем ты меня поддержал.

– Где она?

– Я убежден, что она нам не нужна. Мы должны действовать согласованно. Я приглашал к тебе девушек умных, образованных, умеющих вести себя. Почему ты меня не поддерживал? До каких пор я буду краснеть, оправдываться, говорить о каких-то болезнях? Вспомни, сколько раз ты подводил меня. Она пришла, а тебя нет. Ты не хочешь появляться? У тебя характер! Если б я мог обойтись без тебя...

– Где она?

– Ты никогда таким не был. Ты раньше вообще на меня не обращал внимания. Ты помнишь, что с нами творилось при приближении дамы, при простом приближении... Мы оба вставали, приглашали ее на танец. Ты не выбирал тогда, и в городе у нас был авторитет. Вспомни, как они уходили от нас. Господи, разве это можно назвать словом уходили. Мы их отклеивали, мы отрывали их руками. Ты разболтался первым. Раньше я тебя мог уговорить один. Потом мы могли уговорить тебя вдвоем. А сейчас ты не подчиняешься никому. Хочешь жить один?

– Где она?

– Я спрашиваю, хочешь жить один?

– Где она?

– Болван. Вкус рыночного спекулянта. Обожаешь свидания в лавках и на помойках. Если б я тебе поддался, нас бы давно обворовали. Если нам симпатизирует врач, ты вцепляешься в санитарку. Все, хватит. Моим компасом ты больше не будешь.

– Она говорит со мной.

– Да, говорит, но что она говорит. Ты думаешь, ты у нее первый?

– Где она?

– Мне стыдно ее искать. Мне стыдно появляться в этой трущобе. Я сделаю это только для тебя. Принимай ее сам. Нам нужна помощница. Нам нужен советчик. Пошли в Дом ученых. Да постой ты!...

– Не хочу.

В Доме ученых я был без него.

* * *

А вы когда-нибудь лежали с красивой балериной параллельно, совершенно не пересекаясь?

Как я бегу

Для Р. Карцева

И вот я бегу! Как я бегу! Господи!

Прохожие оглядываются на меня.

Собаки останавливаются, обнюхивают и помечают.

На часы нельзя смотреть: падает тонус.

Еще, еще, еще – не выдерживаю, смотрю на часы: две минуты.

Обещал всем 30 минут бега.

Они хотят, чтоб я был здоров.

А я хочу жить.

Еще, еще, еще, что-то надломилось в стопе.

Снова потерял темп.

Правая стопа отошла, надломилось левое колено.

Еще раз потерял темп...

Главное – психика.

Если она сдаст, я эту собаку, что приняла меня за дерево, убью.

Еще упал темп...

Сползаю к обочине.

Нет сил рулить.

Направление держать не могу.

Сила тяжести, будь она проклята.

Кто там? Ньютон и это 9,8; 1,3 и 2; и 7; 40,1; 39,6; 16,50; 28,90... остальное себе.

Глаза залиты, рот сухой, как дупло.

Они просили носом.

Нос железнодорожно свистит.

Сердце стучит в носовом платке, зажатом в руке и в этой сволочи – в правом колене.

Они на бегу думают о чем-то.

Они готовятся к докладу.

Я их ненавижу...

Врут!

Жить. Надо жить.

Не смотреть на часы. Не смотреть на часы.

А вдруг уже час бега...

Нет, нет, бабуля возле которой я бегу, даже не успела набрать ведро воды.

Бегу долго, но на час не похоже.

Для здоровья.

Сволочи! «Добеги, будешь здоров».

От чего только его не теряешь.

Оздоровился – и под машину.

А закаленные отчего помирают?

От чего... от чего... от бега! от бега! от бега!

От... от, от, от, от...

Чем они просили дышать – не помню.

Чем они рекомендовали бежать?...

Неужели это внизу мое...

Нельзя смотреть.

Мелькает. Дробится. Вверх.

Где они меня ждут?... А, да.

Я бегу не на... не на... ненавижу, нет на... не на расстояние, а на... а на... сволочи, а на время!

Какой ужас! Боже...

Лучше на расстояние из пункта «скорой помощи» в пункт...

Зачем я побежал на время?...

Господа, позвольте.

Товарищи... Господа... Эй, кто-нибудь.

На часы, на часы...

Нельзя... Нет, можно.

Нельзя... нельзя...

Вот они слева... Сволочи...

Первый часовой завод, что ж вы делаете, что ж вы не можете для бегунов на длинные расстояния специальные часы, сволочи, это не «Полет» – это конец.

Что-то загремело.

А!., а!., а!., а!... Гремит...

Может, неплотно застегнут.

Черт! Гремит... и подзвани... и подзванивает...

Ребра что ли?...

Я им обещал полчаса.

Сколько раз обе... обе... обещал же... жени... жениться и ничего...

А сейчас зачем?...

Лучше бы тогда... я б... я б... я б... лежал и жил не так долго, но счастливо...

И время бы летело, не то что... «Полет»...

Ох! 18 минут...

Душу... душу оставьте... Душа без воздуха...

Что там мелькает вдалеке?...

Боже, мои ноги...

Одна! И это все?!

Вот вторая... Есть...

А где первая?... Вот... Тогда ничего.

Тогда ничего...

Если б без ног, черта с два б на время пошел.

Только на расстояние.

Не для своего. Для вашего здоровья бегу.

Этот Гена – большое дерьмо... Карьерист...

Ромка, сволочь... Тупой...

Не тупой, но дуррак, дуррак...

Куда это я вырвался...

Местность какая-то... под ноги смотреть легче... раз, раз... нет...

Вдоль легче... раз, раз, нет...

Под ноги легче... раз, раз, нет вдаль...
Куда ж смотреть?
Пока не думал, само получалось.
А этот гад... Толюня. «Полтора часа бегу».
Всю жизнь врал, всю жизнь брехал и мускулов у него нет, и часов нет...
Я вам без часов три часа пробегу...
А-а-а-а... камень, камень как обогнуть?...
Не обогну... Прошел над ним...
Видимо, он все-таки неболь... неболь...
И все их жены...
И дети... и тети.
Ребята, я вспомнил – тут, где-то, ребята, тут, где-то должно быть второе дыхание...
Вы ж обещали...
Вот тут я буду неумолим...
Жду несколько секунд...
Если не появится – снимаю себя с дистанции...
Они все разговаривают на бегу...
Они сказали, если можешь говорить, значит мчишь... мчишь... ся... правильно.
Эй... эй... Куда вы?... Обогнали... Двое... В рюкзаках...
Всех там ждет смерть...
Все на расстоя... а я один среди всех на время...
25... Нет... Чуть больше... это... же почти 26...
А это... же почти двадцать... восемь... Неужели я еще бегу...
Нечем подтянуть штаны...
Нечем сплюнуть...
Все, ребята, нечем мыслить...
Табулеграмма пуста...
Энцефало... дерево... асфаль – асфальт – асфальт – трещина крупная...
Только не вдоль... асфальт – асфальт – трава – асфальт.
Я понял. Бегут от семьи... от детей...
После такого бега любая жизнь покажется раем.
Теперь я понял, почему они бегут... Теперь я понял...
Асфальт – асфальт – асфальт – асфальт.
Ничего, в следующий раз перед бегом наемся – ваши дела будут совсем швах.
Все... все... уже полчаса... без каких-то десяти минут... Ой... Ой... Жив...
На обратный путь пешком ушло тоже полчаса...
Что-то связанное с Эйнштейном.

Из чего состоит писатель

Из чего состоит писатель?

Из мыслей, ходьбы, еды, прочитанных и написанных книг, болезней, выпивки, писем, таланта.

Из чего состоит актер?

Из текстов, репетиций, застолий, таланта, бессонницы, комплиментов.

Из чего состоит солдат?

Из желания спать, из желания есть, из бега, стрельбы, вскакивания, маршей, тревог, ненависти к офицерам чужим и своим.

Из чего состоит девушка?

Из часов, телефонов, помады, глубокого знания своего лица, из походки, любопытных глаз...

Из чего состоит мужчина?

Из выпивки, бань, друзей, вариантов политики, рассказов о себе, подхалимажа и утренней, едрен вошь, зарядки!

Из чего состоит руководство?

Из жратвы, выпивки, подхалимажа, ломания подчиненных, смены настроений, улавливания ветра, ориентации в темноте, ухода от проблем, умения отдохнуть, невзирая на все и вопреки всему...

Из чего состоит старушка?

Из лекарств, внуков, тревоги, желудка и жевания, жевания:

– Слушай меня, дочка, слушай...

Из чего состоит старичок?

Из ордена, выпивки, заслуг, строгачей, удостоверения и одного зуба.

Из чего состоит ребенок?

Из мамы, папы, солнца, моря, бабочек, голубого озноба, бега, и царапин...

Из чего состоит американец?

Из улыбки, фигуры, зубов и путешествий...

Из чего состоит немец?

Из работы, спорта, расписания, показания приборов.

Из чего состоит наш?

Из галстука, выпивки и оправданий.

Из чего состоит кот?

Из одиночества, умывания, наблюдения, поисков солнышка, рыбы и блох.

Из чего состоит мышь?

Из коллектива, страха, поисков тьмы.

Из чего состоят убеждения?

Из характера, момента, места жительства и коалиции.

Из чего состоим мы все?

Из разговоров и проклятий.

Из чего состоит любовь?

Из разницы.

* * *

Сейчас наступило время, когда акомпанемент вступает с сольными концертами.

* * *

Концов счастливых не бывает. Если счастливый, значит не конец.

На переходе

Господа, жуть берет. Ни одного свободного дня. В пятницу пьешь, в субботу больной, в воскресенье отходишь от пятницы. Отошедши к вечеру воскресенья, добавляешь, потому что отошел. От этого и первый кусок понедельника не проступает.

Глаза смотрят, но не видят. Палец пишет крупно по одеялу. Дикая тревога: то ли подорвал железную дорогу, то ли неудачно выступил в нижней палате, то ли обещал жениться... Полдня в тревоге. Двадцать минут просмотра газет по диагонали, потом три часа ужаса и паники, пока кто-то не предложит выпить сразу после новостей. Паника сменяется злостью, злость раздражением, раздражение переходит в скорбь, скорбь в слезы. «Плачь, – говорит незнакомец, – плачь, старый».

Плачу, плачу. Полночи на чужом костлявом плече. Нету у меня ничего. А было! Была страна, была публика. От такой потери не скоро придешь в себя. Так что понедельник псу под хвост. Еще хорошо, что газет не было.

Газеты во вторник. Пробежал глазами. Пока обзвонил, пока узнал, кто пьет сегодня. Бил чечетку в котельной, стучал лбом в такт Пугачевой. Ручонки стакан не держат, сосем из заварного чайника. В глазах упорно кружится земной шар.

Парализовано движение в Маниле. Карасон Акино? Тревога! Что я ей сказал? Это сон? Нет... Сон, сон. Да нет же, вот ее рука, больше того, вот ее нога... Ну прямо вот... Почему же она не просыпается? Неужели мертва? Нет... А на чем я бегаю вокруг нее?... Сон?... Нет же. Вот, щипаю. Больно. Хотя я ущипнул не себя. Но ущипнул я... Но не себя... Ты что, Карасон? Спи себе... Где же мы познакомились? За границей?... Или у нас где-то?... Точно, где-то здесь. И эта тоже ничего... Беназир Бхутто... пусть спят. Главное их не трогать. Меру пресечения применить – сон. Такие цифры всплывают. И дикие слова: Тиара, эксудативный... Сон... Но вкус питья чувствуется и, конечно, это не Карасон, а Беназир... Пакистан... Она сбежала от военных... Пусть спит. Где же мы с ней? Неважно... Это сон... Пусть спит. Если проснется, очень будет удивлена... Россия, снега, туманы... Почему снега? Вокруг пески... Пакистан, точно. Пакистан. Значит не она, а я буду удивлен, когда проснусь. Надо упрямо спать. Все дрожит... Беназир исчезла. И не поговорили. Я безутешен. Не надо было просыпаться, не надо было газет. Не хочу быть с вами. И не хочу уезжать. Просто отъеду здесь же при вас. Поплыву... Плыви, плыви!... Плыву, плыву... Вторник забыт. Не читать, не слушать, не поддаваться. Неконструктивно сижу... Один... Выгнал себя отовсюду, перегнал сюда... Методом угасающего алкоголизма довел субботу до командирских 100 грамм. Но в пятницу дал по полной программе. Чтоб в воскресенье что-то изменилось. Пил, пью и буду пить, пока всем, буквально всем не станет хорошо. Как всегда ваш и очень подробно твой М.

* * *

Нормальный человек, в нашей анкете откликается на окружающее только одним – он пьет. По-этому непьющий все-таки сволочь.

Страна талантов

Россия – страна талантов. Талантов масса, работать некому. Идеи у нас воруют все. Больше воровать нечего. Они у нас – идеи, мы у них – изделия.

Иногда всей страной произведем в одном экземпляре. Оно, конечно, летает, но без удобств. Шесть врачей кладут военного летчика в теплую воду, чтоб мог справиться нужду после полета. По 16 часов летает. 40 тонн возит, а писать некуда. Всюду ракеты. Есть у меня, конечно, идея, как по крупному сделать, а потом по мелкому смыть. Не высказываю, чтоб не сперли. По нашим идеям ракету на луну запустили. Глухой, слепой, но ученый, в Калуге просто – просто в Калуге, это все придумал, но не осуществил. Потому что Калуга вокруг.

Более простое у нас – более эффективное. Топор. Молоток. Кувалда. С рукоятки слетают и попадают точно в лоб рубящему, либо наблюдающему.

Не было случая, чтоб, слетев с рукоятки, топор или молоток промахнулись. Это очень эффективно. А то, что чуть сложнее, не работает: чайник, утюг, «Москвич».

Игрушку детскую над младенцем у нас вешают на резинке через коляску: чтоб играл счастливый. Как только он ее оттянет, так она тут же обратным ходом ему в лобик и дает. Тоже остроумная штучка.

Товаропроизводители бастуют, обращая на себя внимание не товаром, а забастовкой. Конечно, из гуманных соображений надо бы у них что-то купить. Трактор или самолет. Но даже сами авиастроители просят по возможности над ними на их самолетах... по возможности, конечно, не летать. Это ж геноцид – летать на нашем, ездить. Носить наше.

Уничтожение нации.

Все игры по телевидению американские и все призы. Можно представить азартную игру за наш приз: пылесос или ведро.

Ну, что получилось за 70 лет власти товаропроизводителя?

Может, чемодан или портфель, или пара туфель, или унитаз, куда не надо бы лезть рукой в самый неподходящий момент. Может, какая-нибудь деталь в моторе нашу фамилию носит, как кардан или дизель. Мол, потапов барахлит, карпенко искру не дает...

С нашей стороны Распутин, Смирнов, Горбачев, но это водка. Беф-Строганов – закуска.

В общем, наша страна – родина талантов, но наша Родина их кладбище.

* * *

Как же надо ненавидеть эту страну, чтобы бросить квартиру после такого ремонта.

Автопортрет в цифрах

Как только растрезвонился, что пишу, так и перестал.

Характер подскочил и взорвался.

Обиды не пролезают в дверь.

Новости оседают крупно.

Дальнозоркость не переходит в дальновидность.

Организм отменил рабочие дни.

Паника выросла и распустилась.

Обувь, одежда не употребляется и не изнашивается.

Кольцо покойников сужается, температура падает и давление растет.

В цифрах происходит следующее:

интерес к дамам ниже обычного на несколько пунктов.

Сила в руках на сжатие 15 ангстрем, на растяжение – 62,8 джоуля!

Удар в стену с размаху 12 атмосфер, задом в дверь с разбегу 15,6 кг/см².

Удар кулаком с плачем и слезами 3,6 атмосферы. На замечание огонь в глазах ответный – 11 свечей.

Подъемное усилие на чемоданной ручке 38 кг.

Спиной подъем с разгибом 9,6 кг/см².

Тяговое усилие на тележку всем телом до 70 кг на колесо.

Сила звука при скандале 98 децибел, выброс слюны при этом 6,3 метра.

Уход в себя за 1 час 15 минут.

Выход из себя 0,3 секунды.

Приемистость от нуля до точки кипения 16 секунд.

Давление на стул в покое 13 атмосфер, в волнении – 3 атмосферы, давление на перо при описании жизни – 234,6 атмосферы.

Дружеские объятия 12,6 атмосферы, с поцелуем токсичностью 4-й степени.

Ходовые характеристики:

продолжительность бега по равнине на скорости 2 км/час – 30 секунд.

По пересеченной местности 20 секунд на скорости 1 км/час.

Скорость при подманивании – 2 метра в минуту.

Добывание пищи – 3 часа.

Пережевывание – 1 час.

Переваривание – 4 часа.

Переживания – 3 часа.

Лечение – 6 дней.

Умственные характеристики:

Принятие правильных решений 5,6 секунды, неправильных 24 часа.

Принятие неприятностей на свою голову

0,2 секунды, избавление от неприятностей 1,5 – 2 года.

Итого: вошел в медленную часть быстротекущей жизни по желанию родителей, вышел в середине бурного потока по велению сердца.

Я остановился на показаниях врача, утверждающего, что я здоров.

* * *

Мне не идет всё, поэтому покупки не вызывают затруднений.

Софья Генриховна

Я говорю теще:

– Софья Генриховна, скажите, пожалуйста, не найдется ли у вас свободной минутки достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Ноль внимания.

Я говорю теще:

– Софья Генриховна! Я до сих пор в неподшитых брюках. Люди смеются. Я наступаю на собственные штаны. Не найдется ли у вас свободная минутка достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Опять ноль внимания.

Тогда я говорю:

– Софья Генриховна! Что вы носитесь по квартире, увеличивая беспорядок? Я вас второй день прошу найти для меня свободную минутку, достать швейную машинку и подшить мне брюки.

– Да-да-да.

Тогда я говорю теще:

– Что «да-да»? Сегодня ровно третий день, как я прошу вас достать швейную машинку. Я, конечно, могу подшить брюки за 5 шекелей, но если вы, старая паскуда, волокли на мне эту машинку 5000 километров, а я теперь должен платить посторонним людям за то, они что подошьют мне брюки, то я не понимаю, зачем я вез вас через три страны, чтобы потом мыкаться по чужим дворам?

– Ой, да-да-да...

– Что «ой, да-да-да»? И тогда я сказал жене:

– Лора! Ты моя жена. Я к тебе ничего не имею. Это твоя мать. Ты ей можешь сказать, чтоб она нашла для меня свободную минутку, достала швейную машинку и подшила мне брюки?! Ты хоть смотрела, как я хожу, в чем я мучаюсь?!

– Да-да.

– Что «да-да»? Твоя мать отбилась от всех.

– Да-да.

– Что «да-да»?

Я тогда сказал теще:

– Софья Генриховна! Сегодня пятый день, как я мучаюсь в подкатанных штанах. Софья Генриховна, я не говорю, что вы старая проститутка. Я не говорю, что единственное, о чем я жалею, что не оставил вас там гнить, а взял сюда, в культурную страну. Я не говорю, что вы испортили всю радость от эмиграции, что вы отравили каждый день и что я вам перевожу все, что вы видите и слышите, потому что такой тупой и беспамятной коровы я не встречал даже в Великую Отечественную войну.

Я вам всего этого не говорю просто потому, что не хочу вас оскорблять. Но если вы сейчас не найдете свободную минутку, не возьмете швейную машинку и не подошьете мне брюки, я вас убью без оскорблений, без нервов, на глазах моей жены Лоры, вашей бывшей дочери.

– Да-да-да. Пусть Лора возьмет...

– Что Лора возьмет? У вашей Лоры все руки растут из задницы. Она пришьет себя к

кровати – это ваше воспитание.

Софья Генриховна! Я не хочу вас пугать. Вы как-то говорили, что хотели бы жить отдельно. Так вот, если вы сию секунду не найдете свободной минутки, не достанете швейную машинку и не подошьете мне брюки, вы будете жить настолько отдельно, что вы не найдете вокруг живой души, не то что мужчину. Что вы носитесь по моей квартире, как лошадь без повозки, что вы хватаете телефон? Это же не вам звонят. Вы что, не видите, как я лежу без брюк? Вы что, не можете достать швейную машинку и подшить мне брюки?

– Да-да-да...

– Все!!! Я ухожу, я беру развод, я на эти пять шекелей выпью, я удавлюсь. Вы меня не увидите столько дней, сколько я просил вас подшить мне брюки.

– Да-да-да...

Я пошел к Арону:

– Слушай, Арон, ты можешь за пять шекелей подшить мне брюки?

– Что такое? – сказал Арон. – Что случилось? Что, твоя теща Софья Генриховна не может найти свободную минуту, достать швейную машину и подшить тебе брюки?

– Может, – сказал я. – Но я хочу дать заработать тебе. Ты меня понял?

– Нет, – сказал Арон, и за 20 минут подшил мне брюки.

В супружеской жизни

В супружеской жизни самое неприятное – нестыковка во времени. Допустим, вы хотите ругаться, а она пошла спать. А вам надо. А вам просто надо: и время есть, и повод прекрасный. И не в кого все это. Все слова выстроились – не в кого запустить. На ваш крик: «Ты что, спишь? – нет ответа. – Ты чего это вдруг ночью спишь?»

Нет. Такая жена нам не нужна.

Для скандала надо брать темпераментную, плохоспящую, легко переходящую на визг, плач и тряску особь. Тогда вы всегда в хорошей форме: быстрый, чуткий, ускользающий, как молодая рысь. Ночами не спите, а лежите в углу на тряпке, с высокоподнятой головой и прислушиваетесь.

Из-за вашей манеры уворачиваться практически кончились все чашки и тарелки. Это скандал музыкальный, все соседи подтвердят. Это скандал музыкальный, скандал-концерт, очень интересный со стороны. Вначале ваш низкий голос, там что-то типа: бу-бу-бу-бу-бу, затем вой, визг, плач, а-а, ба-бах, вступил сервис – и тишина. Во второй части опять ваш живучий низкий голос – бу-бу-бу, нарастание, вой, визг, писк, трах – тишина.

В общем, такая жена бодрит и будоражит, но класса не дает. Для завершения жизни нужно брать звезду скандала, мастера слова, холодную, злобную, умную, припечатывающую с двух слов и навсегда. Тогда визгом и плачем заходите вы, хватаетесь за стены, за таблетки, капаете мимо стакана и долгими отдельными ночами зализываете все, что можете достать.

Это высокий класс. Она действует не по поверхности, а калечит внутренние органы. И кликуху дает точную, на всю оставшуюся жизнь: «Эй ты, придурковатое ничтожество, иди сюда». Когда вы с ней под руку идете по улице, она с вами так и обращается, как раз перед встречей с друзьями. У вас через лицо проступает череп и уже на черепе проступает улыбка. «Решили подышать?» – спрашивают друзья. Как раз дышать вы не можете. Убить – да! Умереть – да! Все спрашивают: что с вами? И она спрашивает: что с вами? Отвечать некому – у вас звука нет.

Это настоящий, убыстряющий жизнь скандал. Между такими скандалами хороша любовь. Яростная, последняя, с потерей сознания, с перерывом на реанимацию. После чего она же подает на развод.

Ибо! Ах ибо, ибо... Женщину скандал не портит, а освежает. Она скандалит и живет. А вам крикнешь: «Что б ты подох!» – вы тут же исполняете.

* * *

Кто женился, на молодой, расплатился сполна: она его никогда не увидит молодым, он ее никогда не увидит старой.

* * *

В мужчине заложено чувство ритма, нужно только ему разрешить.

Телевизионщикам

Вот за что мы вас так любим, понять не могу. На что уходят деньги ваших двух налогоплательщиков? Все-таки, глядя в экран, кое-как думаешь: или вообще человечество туповато, или только мы, или только вы.

Вот что хочется выяснить. Если рейтинг высокий, это не значит – нравится, это значит – куда-то смотрят. Если в моей квартире одно окно, у него будет самый высокий рейтинг по сравнению с плитой, дверью и туалетом. Я только в окно и буду смотреть. Правда, что я там вижу?

Конечно, давайте премию друг другу. Для этого вам и время, и деньги, и «Вести» и «Поле чудес», как старый советский склад, откуда советские люди, чудом попавшие на этот склад, уходят урча и прижимая к груди кофемолки и пылесосы. И придумать лучшего не могут. Для склада это лучшая игра, если не платить учителям.

Мы не смеемся над вами, мы смеемся над собой. Ведущий ликвидированной передачи заявляет, что он получает мешки писем, мол, «продолжайте, вы меня вылечили в больнице...» Да, представляю как ее там лечили. Не хватает денег, говорит ликвидированный ведущий. Не хватает денег, чтобы нанять еще более талантливых авторов. Не дай Бог сценарий кончится и на вопрос: «Как вы поживаете?» – гость ответит: «А вы?» И будет тупик до следующего «Доброго вечера». Если учителям не платить зарплату.

О! Если б учителям платили, шли бы мешки не с письмами, а с мукой. Ну что делать? Пишут о том, что видят.

Еще чуть-чуть и слабым девочкам без штанов будут писать: «Я два года не получаю пенсию. Такое настроение. Спасибо вам!...»

А вокруг повальные выборы и юбилеи, гуляют губернаторы и артисты. Между выборами и юбилеями – полная тишина. Работают, видимо, в регионах, добывая действительность. Раз в пятьдесят лет мэры поют с артистами и раз в четыре года артисты копают с мэрами.

Хорошо хоть артисты перестали баллотироваться... Попадая в Думу – как в милицию, исчезают окончательно. Кто не в Думе, тот в тюрьме. А на экране все поют и стреляют. А нам уже не то, чтоб все равно, но и не то, чтобы хоть как-то... Хотя конечно... Но уж больно много. Такое количество звезд и смертей отупляет.

Количество ведущих, беседующих друг с другом, переварить невозможно. «Что такое интеллигентность?» – спрашивает один другого. «А что такое грамотность?» – спрашивает второй у третьего. «А что такое умный человек?» – спрашивает третий. Как им помочь? Кого им показать? Они же только друг друга видят.

Когда говорят о взятках в ГАИ – «а к нам приличные люди не идут». А куда они идут? В общем, хотелось бы как-то попасть в то место, где они собираются.

НТВ раз в неделю сообщает нам, что мы думаем о том, что с нами будет. Это сообщают нам, готовым спросить у любого, что с нами будет. И того, кто обещает сказать, тут же выбирают в губернаторы. Но он за этот секрет держится, как за больной живот. Пусть выберут на второй срок.

Девочки, играя внешностью, пытаются ею заслонить последние известия. Глядят в камеры, как в зеркало, прихорашиваясь и выпячивая, и мы все слушаем сквозь губки и зубки: кого убило, где упало, кого разорвало. И заканчивается все это сексуальнейшей борьбой

циклона с антициклоном, со всеми ручками и ножками в районах стихийных бедствий.

... С большим интересом следим мы за рассуждениями и чертежами президента, бесконечно веруя, что его интуиция подскажет ему, когда у нас появятся деньги, когда начнется нормальная жизнь. Надо отдать должное нашему президенту, он хорошо и просто может объяснить то, что понимает сам. Ему подскажет интуиция, а он подскажет нам.

Ни литература, ни телевидение сегодняшнюю жизнь не поймали. А просто обман большой и общий стал мелким и распространился. Наша главная задача – вынести то, что наши беды кому-то приносят деньги. Мы покупаем растерянно то, что не хотим, удивляясь богатству тех, у кого мы это покупаем. Этот простой механизм остается по ту сторону экрана.

А на экране только «купи-купи». И чтоб втюрить жвачку, надо снять штаны и без штанов угадывать и петь бывшие мелодии, иначе кто ж узнает, что в этой жвачке все, что ему по вкусу, с жуткой улыбкой этой жвачной девицы, которая снится миллионам в их кошмарных снах о свободе. Да и женщин у нас не хватит под такое количество прокладок, и мужиков под перхоть... На сколько еще времени нам хватит голых женщин, чтоб заменить хлеб, учебу и зарплату учителям?

– Так что такое одетая женщина? – спрашивает один ведущий у другого. – Не знаю.

В общем, я думаю, если на экране начали петь наши любимые артисты – все! Нам хотят что-то продать. Закончили петь – продали!

А мы на этом рынке, как черная ворона среди белых чаек: подпрыгиваем, озираемся, и к воде рванем и от воды побежим. А вокруг галдят, рвут, хватают, едят. А мы и нырнуть не решаемся, и на песке не сидим, и еще другого цвета, и не умеем ничего. И совсем, совсем дети. Нас так долго воспитывали себе на пользу разные вожди...

– В общем, успехов вам, – как сказал телеведущий фальшивомонетчику на шестом канале. Будем рады вас видеть. Все равно, кроме вас, видеть нечего.

* * *

– *Женя! Я посмотрел твой концерт.*

– *Ну?*

– *Ты не обидишься?*

– *Нет.*

– *Честное слово?*

– *Честное слово.*

– *Вот я все и сказал.*

Лечиться надо

Да нет, лечиться надо, кто же возражает. На здоровье это, конечно, не влияет, но умственно, или сказать хлестче – интеллектуально. Диапазон бесед. Например, не надо пить! Почему надо пить, я могу доказать аргументировано и бесконечно. А почему не надо, они мне на двух жалких анализах. Господи, да почему надо пить. Да потому, что как пересечешь границу туда, так вроде и солнце, и туфли чистить не надо. Пересекаешь обратно из цветного в черно-белый и желание выпить начинается еще над облаками.

Пограничник долго всматривается в мое изображение.

– Это вы?

Что ему ответить? Кто в этом уверен?

Сам пограничник цвета хаки. В моем состоянии это слово говорить нельзя – оно потянет за собой все, что съел в самолете.

Весь остальной цвет в стране – цвет асфальта. Люди в этом цвете не видны. Только по крику: «Караул! Убивают!» – узнаешь, где веселится наш человек. Также и авто. Любые модели становятся цвета испуганной мыши с добавлением царапин от зубов и костей прохожих. Надписи на бортах делают их похожими на лифт.

Конечно, пить вредно. И сидеть вредно. И стоять вредно. И смотреть вредно. Наблюдать просто опасно. Нашу жизнь. Шаг влево, шаг вправо, либо диктатура – либо бунт.

Либо бунт – либо диктатура.

Живем мы в этом тире. Живем, конечно, только пьем вредно.

Ибо политически не разобраться, кто за кого. Кто за народ, кто за себя. Те, кто больше всех кричали «мы за народ», оказались за себя. А я оказался в больнице на голубой баланде и сером пюре. Диета №7.

В ней масса достоинств. Перестал мыть ложку. Перестал ковыряться в зубах. Желудок исчез вместе с болями, несварениями. Женщины по рейтингу откатились на двадцать первое место и лежат сразу после новости о возобновлении балета «Корсар».

На собак смотрю глазами вьетнамца. Пульс и давление определяем без приборов. Печень и почки видны невооруженным глазом. Когда проступят легкие, обойдемся без рентгена и его вредных последствий.

Хотя есть и свои трудности. Невозможно собрать анализы, больничный флот на приколе. Суда возвращаются порожняком. Ларинголог и проктолог если заглянут в больного одновременно, видят друг друга целиком.

Много времени занимает поиск ягодиц для укола. Крик сестрицы: «Что вы мне подставляете?!» – и сиплый голос: «Не-не-не, присмотритесь...»

Чтоб лечь на операцию, больной должен принести с собой все! Что забыл, то забыл. Значит без наркоза. Также надо привести того, кто ночью будет передавать крик больного дальше в коридор.

Оперируют по-прежнему хорошо, а потом не знают. Кто как выживет. Зависит от организма, который ты привел на операцию. Многие этим пользуются, с предпраздничным волнением заскакивают в морг, шушукаются с санитарями, выбирают макияж. Санитары, зная всех, кому назначена операция или укол, готовят ритуальный зал в зависимости от финансирования.

Страх перед смертью на последнем месте. На первом – страх перед жизнью. Больные из

окон смотрят на прохожих с сочувствием. Местами меняться никто не хочет. Ухода, конечно, в больнице нет, хотя вход массовый.

Из ординаторской вдруг хохот, пение, запах сирени. Это в декабре получена майская зарплата.

Больные с просроченным действием лекарств держатся вместе, им уже ничего не грозит. Хотя вдруг кто-то оживляется, спрашивает где туалет. Значит, на кого-то подействовало, то есть просроченное лекарство встретило такой же организм.

Врачи имеют вид святых. Борются за жизнь параллельно с больными. Лечат без материалов, без приборов, без средств. Это называется финансирование. Больница просто место встречи. Кто не видит врача в театре или магазине, идет в больницу и там видит его.

Добыча крови из больных практически невозможна. Пробуют исследовать слезы, которых в изобилии. Но это скорее дает представление о жизни, чем о болезни.

А в общем, жаловаться некому. Никто нас не обязан лечить, как и мы никому не обязаны жить.

Но если кто-то хвастается достижениями отечественной медицины, то мы все и есть достижение нашей отечественной медицины вместе с нашим президентом. Чтоб он был наконец здоров.

Одесский телефон

Это заблуждение, что у вас в трубке один человек. В одесском телефоне – толпы людей в одной трубке. Вы только снимаете, там уже начинают суетиться:

– Это кто к нам присоединился?

– Ты разве не слышишь?

– Да слышу я, слышу. Но он молчит. Вы что, подслушиваете?

– Я не подслушиваю. Я из больницы говорю. Мне нужна Мила. Мила, мне нужно мыло.

Мыло, мыло мне нужно.

– Вы только что присоединились?

– Да он уже давно говорит.

– Нет, этот, с мылом, давно.

– А вот этот прислушивается. Что вы прислушиваетесь?

– Я не прислушиваюсь. Я жду когда вы закончите. Вы не могли бы положить трубки?

– Почему мы должны положить трубки? Мы начали раньше вас.

– Но я все время попадаю...

– И я все время попадаю.

– Простите, мне неинтересны ваши разговоры.

– А мне неинтересны ваши.

– Алло, товарищи, дамы, господа, я извиняюсь, я из больницы. У нас один телефон на сорок больных. Я умоляю. У меня украли мыло, вы представляете! Алло, Мила?

– Да.

– Это не ты.

– Я, я.

– Мила!

– Я.

– Это разве Мила?

– Я, я.

– Мила!

– Уез!

– Чего?

– Уез.

– Алло, это Мила?

– Я, я.

– Господа, граждане, товарищи, я из больницы, перестаньте! Я снова наберу. Алло.

– Я.

– Это Мила?

– Я, я.

– Кто это?

– Я.

– Это ты?

– Уез!

– Ты что, сука, на английский перешла? Извините, я сейчас снова наберу. Алло, это Мила?

– Какая Мила? Мужики, я что, голубой? Брось трубку, дай поговорить.

– Алло, граждане, товарищи. Я прошу тишины. У нас очень важный деловой разговор.

Буквально три минуты полная тишина. Очень-очень важно.

– Алло.

– Ну.

– Так ты ему дал?

– Дал.

– И он взял?

– Взял.

– Почему же он ничего не сделал? Или ты не давал?

– Дал.

– И он взял?

– Взял.

– Почему же он ничего не сделал? Ты все дал?

– Все.

– И он все взял?

– Все взял.

– И ты сказал что нам надо?

– Сказал.

– И дал?

– И дал.

– И он взял?

– И он взял.

– Почему же он ничего не сделал?

– Может, ты не то дал?

– А что я мог дать?

– И он взял?

– Взял.

– Может, он не успел?

– Успел, успел. Он очено быстро взял.

– И ты ему сказал сколько?

– Сказал.

– И он взял?

– Взял.

– И ты сказал, что надо подписать?

– Сказал.

– И что он сказал?

– Оставьте.

– И ты оставил?

– И я оставил.

– И дал ему все?

– И дал ему все.

– И он взял?

– И он взял.

– Все?

– Все.

(Молчание.)

– Ну, будем ждать.

– Слушай, может, еще дадим?

– А он возьмет?

– Возьмет.

– Тут главное, чтоб он взял.

– Возьмет.

– Тогда надо дать.

– Я думаю, дадим.

– Алло, дама, наберите мне, пожалуйста, 32-48-75, у меня не соединяется.

– Что, вам мало людей в трубке?

– Ну, мне просто очень срочно нужно. Алло, Толя...

– Подождите, я еще не набрала.

– Алло, Толя. Это Толя?

– Да.

– Толя...

– Какой Толя? Отсоединяйтесь.

– Нет. Толя, Толя, не отсоединяйся.

– Отсоединяйтесь. Я из больницы говорю. Мне мыло нужно. У меня тяжелобольные украли мыло.

– Толя, ты что, в больнице?

– Да нет.

– Как же «нет».

– Я из больницы говорю.

– Это не я.

– Мила, не слушай, я в больнице. Он врет все.

– Я с Толей разговариваю. Толя, нужно сдать анкеты.

– Так куда идти?

– Иди в ОВИР.

– Иди в больницу.

– Так в ОВИР или в больницу?

– В ОВИР. Толя, нужно сдать... Алло, кто там присоединился?

– Евдокия Ивановна, алло...

ПЕРВЫЙ. Да.

ВТОРОЙ. Да.

ТРЕТИЙ. Да.

– Кто там присоединился?

– Это ты ко всем присоединилась, дура нахальная.

– Алло, Евдокия Ивановна, включите телевизор и скажите, звук есть или нет? Алло.

ПЕРВЫЙ. Да.

ВТОРОЙ. Да.

ТРЕТИЙ. Да.

– Вы меня слышите, Евдокия Ивановна?...

ПЕРВЫЙ. Да.

ВТОРОЙ. Да.

ТРЕТИЙ. Да.

– Они тут требуют, чтобы вы сказали. Они не хотят приезжать. Они требуют, чтобы вы сказали: звук есть или нет?

– Я не знаю. Шум есть. Шум это звук?

– Нет, шум – это не звук. Они говорят, чтоб вы сказали. Я от них говорю. Есть звук или нет?

– Я не знаю. Шум, большой шум.

– Так, тетка, клади трубку. Шум – это звук. Все!

– Лена, алло!

ПЕРВЫЙ. Да.

ВТОРОЙ. Да.

ТРЕТИЙ. Да.

– Лена, скажи им, что звука нет. Шум такой, что звука нет.

– А изображение?

– Что?

– Толя, отдай анкеты, не держи их.

– А изображение?

– Что?

– Алло, Игорек, я не пойду туда. Для меня без телок – не отдых.

– Что?

– Б-е-з т-е-л-о-к н-е-т о-т-д-ы-х-а!

– А изображение есть?

– Телки нужны!

– Алло, тетя...

– Не тети, а телки. Это разные женщины.

– Алло, тетя...

– Алло, простите, куда я попал? Я набирал восьмерку. Извините, я сейчас перенаберу.

– Он думает попасть в другое место.

– Алло, это опять вы?

– Да, это мы все опять. А это опять ты?

– Да.

– Какая радость.

– Скажите, может, мне вместо восьмерки набрать...

– Воды в рот набери! Со своей восьмеркой. Тут люди двойку набрать не могут.

– Простите, но я поднимаю трубку, там уже кто-то говорит. Вы мне не подскажите, что набрать, чтоб от вас отсоединиться?

– Набери ведро воды и засунь туда...

– Тихо.

– А что ж он, сука, такой тупой?

– Алло, вы мне просто скажите, куда я попал?

– Не скажем.

– Ну вот вы, женщина.

– Нет.

– Как же нет, у вас женский голос.

- Ну и что?
- Вот я набрал 63-25-10.
- Ну?
- Так я попал правильно?
- Куда?
- Ну, куда я попал? Ой, это Клава?
- Нет.
- Вы же сказали, что я попал правильно.
- Вы попали правильно, но вы не туда попали.
- Подождите, подождите – это квартира?
- Да.
- Это Клава?
- Чтоб ты подох.
- Женщина, что вы уперлись, вы же Клава.
- А он кто такой?
- Игорь.
- Какой Игорь? Не знаю никакого Игоря. Вообще не твое дело: я не с тобой разговариваю.
- А я что, с тобой разговариваю?
- Слушай, Клавка, я уже знаю твой телефон. Я вычислю твой адрес, я тебе, Клавка, такое...
- А я не Клавка.
- А мне все равно.
- Алло, простите, пожалуйста, с кем я сейчас разговариваю? Вот кто в данный момент со мной говорит?
- Бригадир рыболовецкой бригады главврач судоремонтного завода.
- Молодой человек отсоединяйтесь.
- Не хочу. Я вам всем все поперебиваю. Я возьму за свой счет и буду у каждого с утра в телефоне.
- Алло, Толя.
- Ой, Толя, Толя!
- Мила.
- Ой, Мила, Мила!
- Я не могу до тебя дозвониться.
- Ой не надо, ой не надо.
- Как, ты моя жена!
- Все! Я развелась.
- Извините. Может, вы все положите трубки, а я наберу восьмерку.
- От сволочь.
- Hello-y!
- ПЕРВЫЙ. Да.
- ВТОРОЙ. Да.
- ТРЕТИЙ. Да.
- Hello-y! It is Los Angeles?! Do you speak English?
- Да нет, я из больницы говорю.

– Excuse me, I need Maikl Zhvanetskiy.

– А, ну это ей надо ночью звонить.

– Да не, он отключается ночью.

– Алло, надо его в Аркадии искать.

– Да нет, он сейчас в Москве.

Все хором: 233-80-88.

– Да он в Одессе – хором: 26-38-10.

– Thank you. П repeat.

– Что она говорит?

– Она говорит, что сейчас перезвонит.

– Все. Тихо... Тихо!...

– Hello-y.

Все. Hello-y.

– This is Maikl Zhvanetskiy?

Все. Yes.

– My dear Maikl...

– Пацаны, я чувствую, такая телка потрясная. Я уже от голоса возбуждился. Слушай, а вдруг он где-то здесь? Алло, Миша, ты здесь? Михал Михалыч...

– Да нет, он сейчас в Москве.

– Да где в Москве, я его видел вчера на пляже. С такими классными телками валялся. Слушай, как они с такой рухлядью?... Он же развалина, он же еле дышит.

– Ну вот он на них и еле дышит. А им хватает. Им главное имя.

– Какое такое имя... Ну, Миша. Тоже мне имя... Что она хочет?

– Она хочет справочную.

– Скажи ей – 09.

– Что 09, она все равно сюда попадет. А ты, Клавка, положи трубку.

– Я положила.

– А вот, кстати, если мы все говорим, на кого счет придет?

ГОЛОС. А на всех.

– Это кто говорит?

– АТС.

И все положили трубки.

Не стоит

Ребята! Я считаю, что не стоит брать по сто грамм водочки, селедочку с картошечкой, редисочку, масла сливочного.

Не стоит. Не стоит.

И день такой прекрасный и море голубое.

Спортом надо, спортом...

Значит, так.

Я предлагаю не брать по сто граммов водочки, селедочки, картошечки с укропчиком, огурчиков солёных, брынзочки, салатика помидорного, редисочки со сметанкой...

Ни к чему.

Солнце жарит, народ на пляже.

А здесь хоть и видно море, но в стороне...

Да? Договорились?...

Я рад.

Значит, я повторяю: не берем по 150 грамм водочки, огурчиков, яблочек моченых, селедочки с картошечкой – разваристой, политой маслицем...

Дальше не берём: редисочки со сметаной, сока томатного со льдом и отбивную.

Кто записывает?... Не надо записывать.

Мы же как раз не берём не берем по 200 водочки остроохлаждённой, селёдочки, салатика из огурчиков, икры из синеньких с чесночком кусочками, картошечки горячей с укропчиком и борща... Да, и борща украинского наваристого обязательно с пампушечкой... Он у вас с пампушечкой?... Да?... Не берем!

А мы просто так зашли... Узнать... Узнаем и уйдём.

Ну поймите, такой день хороший, все плавают, загорают... Вон турник, все подтягиваются, разминаются...

А мы, как идиоты, по 250 грамм водочки очень холодной и томатный сок со льдом в такой день...

А зачем селедочка с картошечкой, масло сливочное, редисочка и борщ на главное, в горшочке, горячий, с пампушечкой и чесночком?...

А какое-то такое отбивное на второе...

Тогда уже и мороженое с вареньем!...

Видите, что у вас получается?!...

Нет, нет, не пойдёт. Вычёркиваем всё...

Значит так, из холодного вычёркиваем следующее: по 300 грамм водочки очень холодной... уж постарайтесь... вычеркнуть как следует... потом вычёркиваем селёдочку... у вас какая?., баночная, толстенькая, с лучком колечками, уксусом и подсолнечным маслом... и картошечкой горячей с укропом... картошечка какая?., молодая... ну да, вычёркиваем...

Вычёркиваем салатик – помидорчики, огурчики, редисочку... Мы идём плавать, купаться и загорать...

Что значит принесли?!...

Унесите!... По 350 грамм водочки и лёд отдельно к ней, и томатный сок к нему, и вот эту селёдочку и картошечку и вот этот борщ, я вижу, не парит, значит жирком залит хорошо, хотя горячий, а не парит... да... да... унесите... Это пампушечки такие румяные?...

Немедленно заберите!...

Унесите также хлеб свежий белый горячий с хрустящей корочкой, масло сливочное со льдом, икру из синеньких, капусточку квашеную с сахаром...

Мы всё это есть не будем...

Мы пойдём на пляж и отдохнем, захлебнувшись слюной, вися на их проклятом турнике!

* * *

– Вы не каком расстоянии от Одессы?

– Тысяча километров.

– И не надо менять.

Два яблока

В Одессе отец зажал сына в углу.

– У тебя два яблока. Я одно выбросил. Сколько у тебя осталось?

Тихое скуление.

– У тебя было два яблока. Я одно порезал на куски. Сколько у тебя осталось?

Скулеж, тычки, прижатие к стене.

– У тебя было два яблока. Я одно сожрал. Я! Я сожрал. Сколько у тебя осталось?!

Плач, рев, удары.

– Ты держал в своих грязных руках два немытых яблока. Я вырвал у тебя одно и сожрал.

Сколько у тебя осталось?

Крик, плач.

– Папа! Не надо!

– Нет надо! У тебя было два яблока. Я у тебя вырвал и растоптал одно. Одно из двух я растоптал ногами. Сколько у тебя осталось?!!

Дрожание, вой, крики, визг мамы.

– Оставь ребенка.

– Он идиот. Я меняю условие. У тебя было два яблока. Одно сожрал ты! Ты сам сожрал одно! Сколько яблок, идиот, у тебя осталось, болван?

– А-а-а!! Не бей, папа!!

– Никакого зоопарка. Никаких гостей. У тебя никогда не будет дня рождения. Весь праздник я проведу с этим идиотом... У тебя было два яблока. Зина, у нас есть яблоки? А что? Давай морковки... У тебя было две морковки, сукин ты сын. Я отнял... Дай! Дай! Идиот. Это арифметика. Я отнял у тебя одну и сожрал... Вот... Хря-хря... На, смотри...

– Гриша, она немытая.

– Ничего. Пусть он видит. Я сожрал с землей одну морковку. Сколько у тебя осталось?

– Яблок?

– Морковок!!!

Всхлипывание.

– Посмотри. Сколько грязных морковок осталось в твоих грязных руках?

– Одна-а-а-а-а...

– Правильно, сынок... А теперь возвращаемся к яблокам.

– А-а-а-а! Папа, не надо!

– Гриша, не надо.

– Не ревь! Отвечать! У тебя было два яблока.

– Гриша, умоляю!

– Надо! Этот идиот с морковками ответил правильно, значит, есть надежда. Я развиваю у него абстрактное мышление. У тебя было два яблока.

Дикий рев. А-а-а! Не надо!

– Гриша, не надо.

– Или он не будет идиотом, или он не вырастет вообще. У тебя было два яблока.

А-а-а! Ревут все.

– Тишина! Весь дом молчит. Не подсказывать. Я, твой папа, отнял у тебя...

А-а-а! Все ревут.

– ... одно яблоко из двух (*перекрикивая рев*). Я, твой отец, подкрался и из твоих двух яблок отнял у тебя одно... (*Рев стал таким, что в стены застучали, «Что там у вас?»*) Ну, хорошо... Ты мне сам дал одно... Сколько у тебя осталось?

– (*Тихий шепот*): Одно.

– Значит, теперь у меня сколько яблок?

– Одно.

– У тебя сколько яблок?

– Одно.

– Давай их съедим?

– Давай...

– Но яблок нет! Жрать нечего! Это и есть абстрактное мышление!

Наблюдатель

Кто рыбок любит наблюдать в аквариуме, кто – зверушек в зоопарке, я баб люблю наблюдать. Как ходят, как передвигаются... Очень успокаивает.

Задумчивые есть какие-то, тоже лежат себе. А есть, что бегут, не стоят никогда, все время крутятся. Между собой стрекочат. Сидят некоторые. С книжкой даже. Но это редко. Больше – вдвоем, втроем. В прическах такие есть.

Мех вдруг здесь или здесь. В общем там, где у нее его не ждешь. Или вдруг пуговка или булавка. Ну это, конечно, мужики им воткнули, они носят. В чулках бывают. Даже летом. Мужики надели, они и не снимают.

И перебегают, знаешь, так озабоченно. Так и кажется, что знает, куда. Так деловито бежит, бежит, там наткнется на что-нибудь – обратно бежит тоже деловито-деловито. Пока не наткнется. Тогда поворачивает и в третью сторону бежит. Ну полное впечатление, что знает куда. Но если пунктиры составить сверху – беспорядочное движение.

В магазин забегает, вроде знает, зачем. Ну ткнется туда-сюда – выбегает и дальше бежит.

А в капюшонах которые, – не слышат и не видят, только впереди себя. Два капюшона если встретились посреди дороги – вообще ничего не видят, хоть дави их мусоровозом. А чего: им тепло, окружающих нет.

Мужики тоже, когда чулки носили в шестнадцатом веке, бегали все время. А брюки одели – как-то успокоились. Теперь эти все у них переняли.

А есть некоторые хохочут и хохочут, а подойдешь – убегают. И погладить себя не дают. Она, конечно, страдает, если ее гладят или там щипают, но если поймал, держишь крепко, то уже гладишь, гладишь... Пока не вырвется. А зачем вырываться, зачем? Ну понимает же, что гладить будут, далеко не убежишь. Так нет, вот этот пусть гладит, а вот именно этот – нет.

Хотя сами мужики говорят, что разница между ними небольшая. Но эти, видимо, чувствуют. И страшно кричат, если не тот гладит, страшно кричат.

Так что все, кто тишину любит, одни живут.

Меня подозвал певец

Меня подозвал к себе народный певец и композитор:

– Тебе нравится?

– Нравится. Мне вообще нравится то, что ты делаешь, – сказал я. – Ты так пишешь песни, что они кажутся народными. Вот мне бы такую фамилию и национальность, как у тебя, я бы страну перевернул.

– А я еврей, – сказал он.

– Да ты что? Вот бы не подумал.

– А никто и не подумает, – сказал он, – никто не знает.

– Ты что, честное слово, еврей?

– Конечно.

На следующий день я подошел к нему:

– Так ты что, еврей?

– Да так, серединка наполовинку.

– Что, мама?

– Нет.

– Что, папа?

– Тоже нет.

– А кто ж тогда?

– Ну, там путаница...

В общем, мы выпили, он сказал, что он ошибся, попросил забыть, оплатил ужин. Я согласился.

Потом я его спросил на следующем концерте:

– Так ты все-таки еврей?

Он резко отказался, сказал, что был пьян в тот вечер.

– Неужели настолько?

– Да. Без сознания.

На следующем концерте я подошел к нему:

– А я все-таки верю, что ты еврей.

Он сказал, что мне никто не поверит, все поверят ему. Тогда я заявил, что у меня есть свидетель.

Он сказал: «Ну и что?» – и предложил мне четыреста баксов, чтоб я забыл. Я попросил две тысячи, ну, чтоб как-то сгладить неприятное впечатление... Тогда он сказал, что лучше быть евреем и предложил мне восемьсот. Чтоб я за восемьсот дал ему такое счастье?!

– Нет, – сказал я, – мы записали свои показания на пленку и положили в сейф Русского православного банка.

Он отменил концерт и подослал хулиганов. Я откупился от них за четыреста и попросил их попросить у него пять тысяч за моральный ущерб, половина – им.

В общем, мы с ним сошлись на полутора, и я сжег пленку.

Теперь, когда я слышу его песню «Гей, Москва православная, гей», я ему подмигиваю, и он долгое время не попадает ртом в фонограмму.

Наш человек

Наш человек всем телом ест.

Всей фигурой соображает.

В желудок мало что попадает.

В дырах, в щелях застревает.

Кое-что из того, что жует, в зубах остается.

Потом второй раз ест, уже из зубов.

Так же и тексты.

Что услышит, в извилинах застревает.

В душу попадает на второй-третий день.

Через неделю подойдет: «Как вы хорошо сказали!»

Автор так же – услышит, вздрогнет, носит в извилинах. Через месяц выступит, а ему через неделю: «Как вы хорошо сказали!»

Успех в терпении.

Чайка

Сижу и вычисляю: над чем парит чайка?

Пароход далеко. А ее я вижу.

Не надо мной.

Не над рыбаками.

Не над котельной.

Не над пирсом.

Не над пляжем.

Не над кафе.

Не над деревьями.

Над чем эта сволочь парит, загружая мою голову и душу этими вычислениями?

Теперь она парит в другом месте.

Не над пароходом.

Не над берегом.

Не над кафе.

Не над пирсом.

Как можно думать о таких пустяках?

А как можно парить ни над чем уже три часа?

Линия фронта

Господи! Почему так хорошо!

И в жару, когда сунешь руку в раскаленный воздух, а потом голову, а потом самоё.

И крики с пляжа, будто со сковороды.

С воплями погружают – кто красное тело, кто белую ногу.

А кто-то под водой взглядом субмарины все это ощупывает.

Из песка вырастают женщины.

Мужчины, как стихи, из мусора и водки.

И поплыли. Вид на человечество снизу.

Зажгли лампы. Почему так хорошо?

И в жару...

И когда налетает ветер и все кричат.

– Мама! Смотри... Нет, не туда. Наверх...

Огромное черное одеяло натягивают с берега.

Море встречает его темно-зеленым.

Светлая полоса всё уже.

Туда-сюда прокатывается гром.

Крики: это фронт. Фронт идет!...

Отдельные внутри клубятся облака и ходят по своим орбитам... Советчики!

Острые вспышки. Сполохи.

Всё вертится в разные стороны.

А вместе движется на нас.

С теми же воплями выскакивают охлажденные люди.

Уже черная Аркадия, еще белая Лузановка.

Но она уже сломлена и ждет.

Фронт неумолим. С нами уже не говорят – мы в тылу.

Мы неинтересны.

Туда, туда, где люди резвятся, ныряют и женщины вырастают из песка и колеблются в воде.

Всё! Мы в плену.

В домах зажглись огни.

Мы арестованы в квартирах.

И лишь по телефону:

– Ты понял, Гриша?

– Понял! Понял!

Но где же дождь? Ведь вы же обещали?

Но фронт идет вперед. Не до дождя.

Вот так. Любая власть надует. Ей главное – отнять у нас веселье.

Ума не приложу

Не о себе говорю! Просто с ужасом вдруг подумал: довольно большая часть нашего населения полностью исключена из общественной жизни. Я бы даже сказал – часть народа. Может быть, худшая, но – наша.

Эти люди не смотрят телевидение, не читают газет. Не понимают разницы между центристами, не разбираются в нашей политике, в нашей экономике, не понимают ничего. Такие это люди.

Я говорю об умных людях. Они не могут это слушать, не могут это видеть, не могут это читать. Все! Все! Все! Эта категория вычеркнута из жизни. С ними надо что-то делать. Кто-то должен с ними поговорить. Может, даже президент. Я думаю, он соскучился.

Как можно слушать, говорят они, идиота, единственным достоинством которого является юный возраст?

Как можно разобраться в программах, где всюду укрепление государства и гибкая налоговая система. И что под этим и за этим стоит? Как можно бывшего премьера судить по его делам, если он всю жизнь занимался тайным шпионажем, а Пушкина только по словам?

Мы, говорят они, не понимаем, что творится с президентом. Мы за него голосовали, говорят они, и, кстати, не жалеем, потому что до сих пор все равно кроме него никого нет, хотя и на его месте его тоже часто не бывает.

Он единственный, кого можно понять, невзирая на дикцию. Но как можно так лечить все руководство страны, чтоб они становились такими одинаковыми к своим годам? Нет ли там в Кремле других лекарств?

Нынешняя жизнь, говорят они, не дает нам повода для размышлений. Никто не разбогател благодаря уму.

Дурость, хитрость, жестокость, быстрота, вероломство и презентации переходят в баллотирование. Комментаторы омерзели до невозможности. Даже если у него дома библиотека или конюшня, или то и другое в одном помещении. Как они будут жить после выборов? Кто будет пожимать эти грязные руки?

Все остальное искусство и даже литература с ее провайдерами, криэйтерами, пиарщиками и прочим отсутствием живых и здоровых напоминает больницу и вызывает сострадание, а не размышления.

То есть, говорят они, сегодня умных заменили сообразительные. Мы сегодня опять переживаем период, когда умные и начитанные пытаются это от всех скрывать, чтоб взяли на работу, наняли в гувернеры. Любовь перешла в короткий, слабооплачиваемый секс при встрече и просто не нуждается в поэтическом описании. Конечно, они сегодня не нужны. Они это и сами знают, потому что умны. Сегодня, говорят они, для нас ничего нет, ну просто не над чем подумать. Обогреватели под зад или охладители под затылок. Соревнование только по сбору горизонтальных благ.

Я сам пишу малограмотно, чтоб было понятно. Вот я и обращаюсь ко всем! Обратите внимание на умных жителей нашей страны, борющейся за пропитание среди сверхдержав. Они тоже люди. Ну нельзя так с ними все-таки, это они нам придумали оружие, которое, хоть и старое, но убивает и годится для национальной гордости. Это они нам придумали образование и литературу.

Всю старую жизнь их сажали и ссылали. Всю новую жизнь они не могут найти себе

употребление. Лишние люди. Все, что поется и танцуется, не для них. Они, к сожалению, не могут смотреть даже разговоры со звездами, не говоря об их пении. Это пение они не могут видеть уже давно. А в этой беседе уже ведущий выглядит умнее, хотя это невозможно.

Они давно поняли, что борьба коммунистов и демократов – это борьба старых и молодых. Но есть же еще третьи. Это такая группа, что понимает все чуть раньше и не надеется на вопрос, как не надеется на ответ.

Когда говорят, что законы экономики у нас не работают, потому что такая ментальность... Почему же они работают в Японии, где уж такая ментальность? И есть ли ментальная арифметика, или русская тригонометрия? И если законы экономики для разных народов разные, почему все-таки для большой группы народов они одинаковые?

А пока мы придумаем свои, останется ли кто-нибудь, для кого это все... и т. д.

Под загадочным словом ментальность скрыто все, что хотят скрыть. Ни один самолет не взлетит, если у него будет специальный ментальный мотор. В авиации разных стран есть что-то общее. На русском ментальном керосине летают все. Но держаться за ментальность, чтоб оставаться всю жизнь голодными и босыми, нам бы не хотелось, и там должны быть еще какие-то законы, чтоб не голодать на черноземе. Потому что есть еще Израиль с совершенно жуткой еврейской ментальностью. Однако там на камне и песке все растет и настолько, что они своей безвкусной клубникой всю Америку запрудили. И сами жрут. И если есть у нас сегодня национальная идея – так это как раз пообедать, для начала, – перед разработкой особых наших законов.

А что касается растений, то у нас люди живут по их законам: вырос, пошумел, скосили.

То, что умные сегодня не нужны нам, это факт. Хуже, если мы им не понадобится.

Сколько мы тогда сумеем одалживать? Сколько пользоваться тем, что ими создано?!

Молодые, агрессивные, с проблеском и спецсигналом для прохода толпы насквозь, задохнутся среди себе подобных.

Не будем позориться, оценим сегодняшнее телевизионное быдло и газетную бурду и кроме стариков, которым уже никто не поможет, кроме их детей, вспомним и еще об одних, нуждающихся в сострадании и государственной поддержке.

В конце концов это меньшинство и образовывает большинство и заслуживает того, чтобы знать, кто чего хочет от этой страны. Погоня только за голосами или за головами тоже?!

Целую и жму. Ваш Жванецкий.

* * *

Не смог предотвратить – возглавь!

Обиженные Родиной

Мы думали, что это игра. Это и есть игра, если б не было сборных стран. Это разновидность войны. Если бы это была игра, на ней бы не присутствовал президент и не падала экономика проигравших. И зарплата игроков здесь не при чем, поэтому наши и проиграли.

Есть два братских народа – русские и евреи, объединенные одним горем: у них футбол не идет. Причем, как показала практика, сколько ни плати – не идет.

Вот чувствуется, что экономика, спорт, наука, искусство поднимаются вместе. И не нужно на них кричать. Они тоже хотят, чтобы Родина их любила. Не только они Родину, но и Родина их. А что же вы хотите? Чтобы он сражался до последнего, а вернувшись на Родину, был ограблен и избит? Вы хотите, чтобы он за эту Родину костями лег?

Нет! Пока так не будет. Кто для него Родина? Вот этот милиционер на нищенской зарплате, с огромным милицейским животом? Или вот этот департамент в золотых очках на раздаче пособий? Или вот этот бандит, который ждет тебя всюду, если ты что-то своими руками, ногами, головой заработал?

Он ждет тебя, чтобы отнять – и все время быть вместе. Быть всегда вместе с тобой. Ты ион – обнявшись. Он – крыша, он – пиявка, он – капельница. Он нуждается в твоей свежей крови. Кто из них ворует, кто их ищет – не узнаешь никогда. Они все и всегда на свободе и на углу. Так кто же Родина?

Олигарх, переходящий из тени в тень? Что он тебе дает? Защиту, лечение, воспитание? Заборы и собаки! Он не высовывает носа. Он тоже боится Родины. Он сам одет в мишень из сурового полотна.

Кто же остался? Кто же Родина? Солдаты, бегущие в партизаны? Армия – эта последняя Советская власть, без элиты, без интеллекта, с лицом цвета лампасов, где вечные 40 градусов в тени козырька?

Они не Родина.

Остались лица разных национальностей, сидящие на рельсах, бродящие в коридорах больниц, торгующие на базарах и площадях. Остались переставшие стесняться женщины. И начинающие стесняться мужчины. И наши странные вопрошающие лица на экране. Вот такая Родина ждет своих сыновей. Возвращайтесь! И они обиделись на Родину правильно.

И Родина на них обиделась – правильно.

И не похоже, чтобы вдруг, если вы ему добавите 100 тысяч, он дал высокую начальную скорость и глубокое стратегическое мышление.

Вы чувствуете, что нет. И он чувствует, что нет. Хотя истерики добавить может.

Мы отняли у него праздник возвращения домой. Футбол – это больше чем игра. Футбол – это там и тут. И страна с футболом, экономикой и культурой поднимется вместе.

И это будет, потому что это стало необходимым. Как бензин, который будет всегда, потому что он необходим.

А футбол все-таки сплачивает. Это еще не дружба, но уже сплочение. Люди обиделись за Родину и унижение уже переживают.

Теперь все ждут – и публика, и игроки, – когда Родина на них посмотрит и приспособит. И научит чему-то полезному для себя, а значит, для всех.

И когда милиция перестанет работать с бандитами, а будет их ловить, и когда суды

перестанут быть предсказуемыми и продажными, и врачи будут вылечивать, а учителя хорошо одеваться, тогда и футбол заиграет в полную силу, потому что будет куда возвращаться после игры.

По спирали вниз

Наконец-то! Все вздохнули с облегчением.

Пройдя путь эволюционного развития по спирали вниз, мы вернулись туда, откуда вышли. Правда, уже без денег, без лучших мозгов и мускулов. Как проигравший в казино возвращается домой.

Мы вернулись, мама! Домой! Домой!

Ну, слава богу, дети! С Новым счастьем!

Я и так никогда не терял оптимизма, а последние события меня просто окрылили. Я же говорил: или я буду жить хорошо, или мои произведения станут бессмертными.

И жизнь опять повернулась в сторону произведений.

А они мне кричали:

– Все, у вас кризис, вы в метро три года не были! О чем вы писать теперь будете? Все теперь об этом. Теперь вообще права человека, теперь свобода личности выше государств. А вы зажрались, вы три года в метро не были.

Критика сверкала: вечно пьяный, жрущий, толстомордый, все время с бокалом... А я всегда с бокалом, потому что понимал – ненадолго.

Все по словам. А я по лицам. Я слов не знаю, я лица понимаю.

Подошел ко мне авторемонтник и говорит:

– Я вам радиатор заменил.

А я на лицо его глянул.

– Нет, – говорю, – не заменил.

– То есть, – говорит, – запаял.

– Нет, – говорю, – не запаял.

– Сейчас посмотрю. – И пошел смотреть. Когда все стали кричать «свобода!», и я вместе со всеми пошел смотреть по лицам.

Нормально всё. Наши люди. Они на свободу не потянут. Они нарушать любят. Ты ему запрети, чтоб он нарушал. Это он понимает.

– Это кто сделал?

– Где?

– Вот.

– Что сделал?

– Что сделал, я вижу. А кто это сделал?

– А что, здесь запрещено?

– Запрещено.

– Не я.

Наша свобода – это то, что мы делаем, когда никто не видит. Стены лифтов, туалеты вокзалов, капоты чужих машин. Это и есть наша свобода. Нам руки впереди мешают. Руки сзади – другое дело. И команды не спереди, а сзади. То есть не зовут, а посылают. Это совсем другое дело. Можно глаза закрыть и подчиниться: «Левое плечо вперед! Марш! Стоп! Отдыхать! Подъем! Становись!...»

Так что народ сейчас правильно требует порядка. Это у нас в крови – обязательность, пунктуальность и эта... честность, эта... порядочность и чистота.

Мы жили среди порядка все 70 лет и не можем отвыкнуть.

В общем, наша свобода – бардак. Наша мечта – порядок в бардаке.

Разница небольшая, но некоторые ее чувствуют.

Они нам и сообщают: вот сейчас демократия, а вот сейчас диктатура.

То, что при демократии печатается, при диктатуре говорится.

При диктатуре все боятся вопроса, при демократии – ответа.

При диктатуре больше балета и анекдотов, при демократии – поездок и ограблений.

Крупного животного страха – одинаково.

При диктатуре могут прибить сверху, при демократии – снизу.

При полном порядке – со всех сторон.

Сказать, что милиция при диктатуре защищает, будет некоторым преувеличением. Она нас охраняет. Особенно в местах заключения. Это было и есть. А на улице, в воздушной и водной среде – это дело самих покойников, поэтому количество погибших в войнах у нас равно количеству погибших в мирное время.

В общем, наша свобода хотя и отличается от диктатуры, но не так резко, чтоб в этом мог разобраться необразованный человек, допустим, прокурор.

Многих волнует судьба сатирика, который процветает в оранжерейных условиях диктатуры пролетариата и гибнет в невыносимых условиях расцвета свободы. Но это все якобы. Просто в тепличных условиях подполья он ярче виден и четче слышен. И у него самого ясные ориентиры.

Он сидит на цепи и лает на проходящий поезд, то есть предмет, лай, цепь и коэффициент полезного действия ясны каждому.

В условия свободы сатирик без цепи, хотя в ошейнике. Где он в данный момент – неизвестно. Его лай слышен то в войсках, то под забором самого Кремля, а чаще он сосредоточенно ищет блох с огромной тоской по ужину.

И дурак понимает, что в сидении на цепи больше духовности и проникновения в свой внутренний мир. Ибо бег за цепь можно проделать только в своем воображении, что всегда интересно читателям.

Конечно, писателю не мешало бы отсидеть в тюрьме для высокого качества литературы, покидающей его организм. Но, честно говоря, не хочется. И так идешь на многое: путаница с семьями, свидания с детьми... Так что тюрьма – это будет чересчур.

Но что сегодня радует – предчувствие нового подполья. Кончились волнения, беготня, митинги, выборы, дебаты, снова на кухне, снова намеки, снова главное управление культуры и повышенные обязательства. Снова тебе кричат: «Вы своими произведениями унижаете советского человека», а ты кричишь: «А вы своей „Газелью“ его просто калечите». Красота!...

Но тот, кто нас снова загоняет в подполье, не подозревает, с какими профессионалами имеет дело. Сказанное оттуда, по всем законам акустики, в десять раз сильнее и громче и, главное, запоминается наизусть.

А вечный лозунг руководства «Работать завтра лучше, чем сегодня» – в подполье толкуют однозначно: сегодня работать смысла не имеет.

* * *

«Господа! Давайте переживать неприятности по мере их поступления».

Пуля

А не удивительно ли, что такая маленькая пуля убивает человека?
Как изобретательны люди. На таком расстоянии. Неизвестно откуда.
Шальная.
Летают пули вместо пчел. Предупредительный свист.
Он даже не предупреждает, он уведомляет.
И...
Полная тишина наступает в двух случаях.
Если нет всех.
И если нет тебя.
Что по-настоящему совершенствуется?
Спички – не меняются.
Лампы – не меняются.
Велосипед – не меняется.
Оружие – каждую секунду.
И вы хотите, чтобы оно не применялось?

Непрактичные достижения

Мы дожили, это главное. Мы на перепутье, мы не может стать такими, как другие, нас многое отличает. Мы лежим, сидим, валяемся, но на правильном пути.

На пути, которым прошли все. Здесь нет ошибки. Бандитизм, проституция, воровство и продажность – расплата за мир. Войной можно всё это уничтожить, мир всё это допускает.

Свобода поначалу имеет такое выражение лица. Нам продают то, что мы покупаем. Значит – мы такие. Продавцы лживы и лукавы. Но у них есть свои продавцы. Нам открылся другой мир, где мы – спрос. Мы и формируем то, что нам показывают и продают.

Но нормальная жизнь в нестоптаных туфлях с сытым желудком – уже здесь. Мы открыли дверь и вошли в неё. Каждому есть, что делать. Один снимает кино, второй смотрит. Таков расклад.

Расплата за богатство: изоляция, охрана, стресс и риск не вернуться домой.

Расплата за бедность – масса свободного времени, любовь, дружба, легкое перемещение в пространстве и мечта разбогатеть, чтобы отведать сказанное выше.

Есть еще артисты, мотающиеся по клубам всю новогоднюю ночь, выходящие с двумя шутками и одной песней тридцать два раза за ночь. Кто им завидует – тоже плохо знает жизнь.

Исчезла дружба, появилась конкуренция и скрытность, потому что один стал резко отличаться от другого. Однако, есть возможности у всех: при наличии мозгов или мышц можно жить, где хочешь.

При отсутствии этого – можно жить только здесь, выбивая зарплату хитростью или голодовкой.

Можно осесть на своей земле, понять и возделывать её, чтобы не созерцать чужие моллюски в кляре и чужое вино, от которого не одна истина рождается в споре, а две. Поэтому пить, есть и целовать нужно только своё.

Наш человек задачу любит, а непосильную задачу просто обожает, что показал опыт строительства социализма в отдельно взятой стране. Ну ничего особенного не построили, но имидж в мире себе здорово подняли. Хотя и отстали в обеспечении друг друга продовольствием, обувью и одеждой. Поэтому на БАМ ездили не только по велению сердца, но также и жены, пославшей мя.

БАМ стоит, Братск стоит, Колыма зовет, всё ждет практического применения.

Разбогатевшие люди нас раздражать не должны, только на их фоне мы чувствуем себя честными и порядочными, если это еще кому-то нужно.

Кроме совести, литературы, балета и прочих непрактичных достижений, у нас есть главное, что должно нас накормить и одеть – у нас есть наша страна, к штуцерам и шлангам которой припала масса цивилизованных народов. У нас есть земля, которая была ничьей и так же выглядела. Настоящая семья – это муж, жена, дети и их земля. Они хозяева не «на этой земле», как писали раньше, а «этой земли». Чтобы было, что передать детям. Когда нет своей земли, мы как мухи на куске мяса – «кыш!» – и взлетели. «Пошли вон отсюда» – и пошли вон отсюда далеко-далеко, где что-то можно купить за свой ум или тело. Выпьем за привязанность к стране, за превращение страны в Родину, за минимум контактов с властью, с медициной, с милицией, с прессой, с телевидением, со всем, где можно узнать то, чего мы не хотим. Август вычеркнем из календаря, пусть будет июль-2, лишний летний месяц нам не

помешает.

Мы видим, что происходит, если кому-то мешать жить на этой земле: у нас всё время идет бессмысленная и показательная война.

Ценности остаются прежними: ум, порядочность, ребенок, мысль и счастье – когда ты из дома спешишь на работу, с работы спешишь домой.

А неприятности будем переживать по мере их поступления, а еще лучше не переживать, а идти дальше.

Ибо сегодняшняя цель ясна: там уже живут.

Петухову!

Я должен рассказать, как с твоей помощью, Владислав Сергеевич, я впервые в жизни увидел капитализм. Я побывал в нем. Я чуть ли не пил в нем пиво. Посредине Одессы. В получасе от дома.

– Вам какое? – спросили меня. – У нас восемь сортов, – и я обиделся.

Они не имели права ставить меня в неловкое положение. Я и так в нем находился всю жизнь. Разве есть пиво, кроме пива? Есть, Владик, есть. А эти магазины. Эти меха. Эти бриллианты. Эти шубы, раскинутые по паркету где-то посредине Одессы. Где-то в 79-ом или 80-ом году.

Я хотел крикнуть: «Да здравствует Советский Союз! Смерть провокаторам!» Но ты шепнул: «Без эмоций». И я, шатаюсь, побрел среди всех этих людей, жрущих тропические фрукты глубокой осенью в Одессе, где заканчивался сезон болгарского перца и начинался сезон мороженой картошки.

Они жрали свои фрукты. Они смотрели свое кино. От них пахло Фицджеральдом и Хемингуэем. И только я, талантливый и неумолимый, в носках и босоножках среди шортов и золотых часов, шмаркал носом, стесняясь достать носовой платок. Потом достал его в виде комка и вытер-таки, расцарапав, лицо.

Я застегнул плотнее сорочку имени Воровского, чтоб скрыть майку трикотажного объединения «Большевик», и побрел дальше по всем восьми шикарным этажам лайнера «Максим Горький», зашедшего в Одессу на 12 часов с немцами ФРГ, куда я, невыездной с детства, через закрытую границу, с помощью моего тайного друга, бывшего секретаря ВЛКСМ ОИИМФ, а ныне начальника пассажирского флота, проник. Проник и умер.

И ты мне сказал: «Иди по барам, ешь и пей, что хочешь, только говори: „Я гость капитана!“ И ушел.

А я остался.

Я пил и раньше. Я много пил. Но что я пил? Портвейн с конфетой. Пиво-пышарс с вяленным бычком. И синюю водяру цвета синих баб в голубых трико ниже колен, трясущихся со мной в одной очереди.

Я, гость капитана с легким несварением от котлет столовой № 6 по улице Чижикова, состав которых еще долго будет предметом пристального изучения ученых, а сама котлета на аукционе «Сотбис» уйдет за большие деньги.

Что я знал, кроме этих котлет и вечнозамороженных пельменей Слуцкого завода кожзаменителей? Колбасу, употреблявшуюся с той туалетной бумагой, из которой она состояла?

Что шло в запивку? Лимонад-дюшес, который тоже улетит сегодня в «Сотбис».

Что я носил? Пальто, перелицованное из шинели. Нам всем хватало на обмундирование, а на одежду не хватало.

Высшим достижением кулинарии для меня были оладьи со сметаной в столовой второго участка порта и бульон из крылышка курочки моей мамы.

Да, Владислав Сергеевич, как гость капитана, сдерживая эмоции, чтобы не выдать Вас, я ничего не мог заказать.

Я только шептал: «Вы знаете, я гость капитана».

– Ну, – спрашивали меня, – что будете пить?

– Ничего, – шептал я. – Я гость капитана.

– И чего вам налить?

– Ничего, – говорил я. – Я гость капитана.

– Может, хотите что-то заказать? – и меню на английском, который я не понимал с детства. Что заказать? Вокруг чужие люди. Мы-то всегда ели только среди своих.

– Что будете кушать?

– Что? – от голода сводило живот, – вот эти орешки, я гость капитана.

И я стал жевать какие-то лопнувшие орешки, не ощущая вкуса из-за скорлупы.

– Может, с пивом? – спросили меня.

– Нет, – и жевал орехи. Откуда я знаю, каким пивом у них это запивают.

Икая от соли, зашел в ювелирный.

– Я гость капитана.

– Что вас интересует?

– Ничего.

– Может быть, вот эти часы?

– Что вы, – сказал я, – я гость капитана.

Впервые ко мне приставали, чтобы я что-то купил. Это был высший стыд. Тут всем выкатили какие-то колючие фрукты. Я схватил одну. Или одно. Или один. И почувствовал себя вором, как чувствовал всегда, когда ел.

– Вы гость капитана, садитесь за стол, вам подадут.

– Нет, я здесь.

Я дожевал в углу. Корки сунул в карман. И пошел искать Петухова.

Ввиду полной невозможности дальнейшего пребывания в капитализме, ввиду униженности, незнания сортов пива и колбас, я попросил вывести меня обратно за борт, где и остался с наслаждением в общественном туалете Морвокзала среди посетителей ресторана, многие из которых мочились, уже не расстегиваясь. Я был среди своих.

Среди своих я был недолго. Я стал сатириком.

Спасибо Вам, Владислав Сергеевич, за первую экскурсию во враждебный мир, борьбу с которым мы с Вашей помощью, слава Богу, проиграли.

* * *

Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него стали собираться собаки.

Трос сорвало

Трос сорвало на переправе. Это грозило сама знаешь чем. И твой отец первым заметил это. Прыгнул в ледяную воду – понтоны крепить. Остальные за ним. Спасли переправу. Оглянулись, стали кричать, а его уже нет. Три дня его искали, улицу его именем назвали...
Сейчас он официантом в Лондоне. Жалеет страшно.

Одесскому русскому

75 лет русскому Одесскому или Одесскому русскому. Еще пятнадцать лет назад это словосочетание выглядело чудовищным. Страшнее не было, чем Одесский русский.

Сегодня оно полно смысла.

Да, вот... русский одесский. На нем говорят, на нем играют. Он был вначале выстроен, потом разрушен и вот опять воссоздан. Как, будем надеяться, и город.

Как же можно было так жить, чтобы отсюда сбежала целая треть? И именно те, кого учили и воспитывали. Взяла Одесса и перебралась, остались те, кого этот город, эта нервная почва держит мертвой хваткой.

Чего же они сбежали, если такие театры были и такие артисты были, и песни были, и пляжи были, и танцы были... И какие спектакли были! И какие актеры играли! И какое пароходство! И какие лайнеры ходили! И какие капитаны, и какие жены!... А отворили дверь – и все рванули.

Вот и весь вопрос, и весь ответ, – что человеку надо.

Я знаю. Чтоб закрыто не было.

Это по-русски и по-одесски – ненавижу запертость дверей. Как кошка. И миска полная, и хозяйка есть, а лягу под дверь, и буду ждать. Вот я такая. Вначале отсюда туда хочу, а потом оттуда сюда.

Уже два театра в Одессе построили. Еще три театра в Одессе построят. Может, и захотят оттуда сюда.

Пожар

Лето. Одесса. Аркадия. Жара. И, конечно, горит пирожковая, ибо количество пирожков, жареных в одном и том же масле, перекрыло все рекорды. Канцерогенные вещества не выдержали своего скопления и взорвались. Пирожки летали, как шрапнель. В белых халатах чёрного цвета суетились пирожковницы и верещали давно забытыми девичьими голосами.

Зрители заполняли первые ряды. Через каких-то сорок минут под овации подъехали пожарные, каждое их движение сопровождалось аплодисментами. Большое удовольствие вызвало сообщение старшего, что у них нет воды, и они под аплодисменты и крики «браво!» потащили куда-то шланг. Зрители советовали туда же тащить пирожковую. Наблюдать такую сцену одному было крайне неловко, и народ побежал за женой с криком «подождите секундочку».

Особенно живописен был старший огнетушитель, ввиду жары находящийся в верхней брезентовой робе и чёрных сатиновых трусах «верность». Зрителям импонировали его невысокая скорость и попытки отвернуть вентиль.

Действия пожарных в стороне от огня, наконец, закончились, и они стали приближаться. На пожаре наступил момент, который так ценят шашлычники, то есть пламени уже нет, угли чуть подёрнуты пеплом. В общем, те, кто жарили на шампурах помидоры и колбасу, облизывались. Когда в стволах появилась вода, уже и угли остыли, и все побежали смотреть как двое пьяных под ударами волн взбираются на вертикальную скользкую стену.

В Одессе очень благодарный зритель. Что делать, если в городе такая скука, а театр Сатиры себя не оправдал.

Семь лет назад я желал Одессе стать центром Юга, чтоб была масса мест индивидуального отдыха вместо одного места массового отдыха, ибо массового отдыха не бывает, писал я. Как ни странно, многое сбылось.

Чтоб рыба заходила, писал я. Вошла. Никто не предполагал, что это будет связано с падением производства. То есть раньше одесситы, которые работали, не могли купить рыбу, потому что ее не было. Теперь они не могут купить рыбу, потому что не работают. Но рыба есть.

Чтоб было много кафе, ресторанов, магазинов. Они есть. Товар, конечно, иностранный. Конечно, жалко отечественного производителя, но нельзя из жалости к нему ничего не жрать в едином порыве или ходить голыми в его поддержку.

Пусть повсюду звучит музыка и мы, красивым летним вечером, все в белом будем гулять от музыки к музыке. И это есть! И мы ходим. Я раньше бегал вдоль Аркадии, отмечая расстояние по туалетам: две вони, три вони, четыре, четыре с половиной вони. С возрастом счет пошел назад: пять воней, четыре вони, три... Эх бы музыка... Сбылось! Новая жизнь наложилась на старую: сквозь вонь звучит музыка или воняет сквозь мелодию. В общем, жить стало веселей.

Теперь вода! Я мечтал, чтоб вода текла не по статистическим данным, а по трубам... Не течет. Не сбылось. То есть через крышу, через стены, через потолок, но не через трубу... Не сбылось. Если б с таким же напором, с каким велась предвыборная борьба... Нет-нет. Сейчас пошучу... Если б из трубы хлынуло то, что хлынуло из телевизора. Нет... Мы бы подошли... Нет... Если б такой же напор, какой был, нет – бил, нет – был, нет – бил в водопроводе, нет-нет. Сейчас пошучу... То есть поменять напорами, то есть источник один, но поменять отверстия. Вот... Короче... не наберешься там, где хочется, а наберешься там, где не надо.

И помыться бы. Причем горячей водой. Это древнее изобретение человечества: мыться горячей водой. Не стоит его отбрасывать как устаревшее. Можно, конечно, поливать отдельные места из чайника. Одесситы всегда славились отдельно помытыми местами. Я сам принял первую ванну в 33 года, в возрасте Христа, в Ленинграде, и с тех пор очень хочется помыться. Это частным образом не устроить, вода, как при социализме, течет централизованно. То есть все, что зависит от людей, сделано, осталось то, что зависит от руководства.

Что мне еще нравится – количество кафе. Теперь в борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина. В общем, в борьбе с преступностью, спрятаться уже есть где. И перекусить можно вполне прилично такой штучкой – хам-бургер или, по-одесски, хербурхам, где очень приличная котлетка «как у мамы» с очень приличной булочкой.

И выборы свободные. Сбылось. Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно, а вот того или не того... Но правильно. В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг на друге все язвы, все равно надо выбрать, и второй сразу затихает и уже тише наполовину, то есть на одного.

Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и

тяжелый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья – это еще не водопроводчики.

Но мы жаждем исключений и первые шаги новых людей обнадеживают. Они уже хорошо знают разницу между богатыми и бедными, но еще не чувствуют разницу между бездарными и талантливыми. Эту разницу должны показать им мы. Работать надо. Надо работать. На плитах недаром появились первые люди с трудовым загаром, т. е. кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры. Наконец-то. Спрашиваю: «В поле?» – «Нет, – говорят, – на базаре».

Хотя турецкий базар сдает. Не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путанши им надоели. Зато мы все в турецком. Объевшись турецким шоколадом, опившись турецким лимонадом, хрустя турецкой кожей, одесская красавица уже и смотрит турецким взглядом. Но одесская красавица есть красавица, ибо состоит из смеси разных кровей.

И кто вопит: Россия для русских, Украина для украинцев, Молдавия для молдаван, пусть приедут и посмотрят на одесскую женщину.

Красавица – есть красавица.

Молодая – мучение. Пожилая – наказание.

И все это в рамке, которая называется любовь.

И не говорите мне, что жизнь стала хуже.

Если вдруг прекратится это время...

Если вдруг победят они, кто стонет и плачет и не может забыть диких очередей за водкой. Если вдруг победят они, кто не помнит, что каждый вызов в ЖЭК, в ректорат, в гороно, в партбюро был вызовом в суд. И судили всех и за все: за мысли, за разговоры, за танцы, за молитвы, за одежду. Они ходят среди нас, те, кто судил. Если вдруг победят они, мы будем сегодняшней день вспоминать как самый светлый день в жизни. Ибо мы были свободны!

А Одесса есть движимая и недвижимая.

Одесса недвижимая – где каждое поколение кладет свой камень. Талантливый или бездарный – зависит от того, как развивается данный момент. И она стоит – эта Одесса – подмазанная, подкрашенная, где-то со своими, где-то со вставными домами, неся на себе отпечатки всех, кто овладевал ею.

А есть Одесса движимая. Движимая – та, которую увозят в душе, покидая.

Она – память. Она – музыка. Она – воображение.

Эта Одесса струится из глаз.

Эта Одесса звучит в интонациях.

Это компания, что сплотилась в городе и рассыпалась на выходе из него... И море... И пляжи. И рассветы. И Пересыпь. И трамваи.

И все, кто умер и кто жив, – вместе.

Здравствуй, здравствуй.

Не пропадай. Не пропадай. Не пропадай...

Каждому возрасту – свой оптимизм

Тому – выпивки, танцы, походы, свидания.

Этому – кремы, мази, таблетки, втирания.

Тому – пот, мозоли, мышцы, синяки.

Этому – старое виски, приятный запах, черные носки.

Тому – крики, хохот: «А ну, давай!...»

Этому – улыбка, шепот: «А ну, возьми...»

Тому – бег по лужам, поцелуй, танец.

Этому – кресло, книга, телефон, насмешка.

Тому – водка, табак, штанга, девушка.

Этому – костюм, колено, юмор, ресторан.

Вот так «step by step» от венеролога к урологу.

От запаха до аромата.

От любви до дружбы.

От именин до юбилея.

От рассказа до предисловия.

От рюкзака до «Мерседеса».

От наслажденья до покоя.

От ощущения счастья до великолепного описания его.

Переход детей в родители

Господи, постепенно дети переходят в родителей, родители в детей.

Мать вдруг стала дочерью.

– Ну вот, ты хотела в гости, ну вот, мы пришли. Ну, разговаривайте. Ну, говори...

Вы ей сладкое не давайте. Она ела сегодня. Ну, ей нельзя. Она сейчас съест. Она не понимает. В каждом доме ей дают сладкое. Она ест. Она же не понимает. А люди такие ужасные, особенно подруги её: «На еще тортик, съешь коржик». О себе думают. Главное, чтоб выглядеть хорошо самим. А что я по ночам имею? Если бы они знали. И давление я имею у неё. И приступы удушья я имею у неё. Нет. Я говорю – хватит. Она ела сегодня бублик. Хватит, нельзя мучное. Ну, она не понимает, а вы подкладываете. Уберите бублик. Ей шестьдесят четыре. Этого что, мало? Мне этого хватает. Я говорю – она чай уже пила. Она сама не понимает. Мама, не смей. Я весь февраль бегала к ней в больницу. Не надо ей жареного. Выплюнь! Выплюнь сейчас же. Какая ты противная. Фу! Не буду с тобой в гости ходить. Фу! Фу! Я сказала! Фу! Я сказала. Кому я сказала! Положь на тарелку. Всё! Не для тебя! Пусть все жрут вокруг. А ты – фу! Фу! Я сказала! Брось вилку! Отойди от стола! Брось сейчас же. Конечно, она будет есть всё, что вы ей положили. Дома же ей этого не дают. Там она знает свое место! Фу! Я сказала! Я кому сказала?! Заберите у нее эту рыбу. Рыбу ей вообще нельзя. Она так подавилась у своей подруги. Жаль, я не видела. Без меня пошла. Из дому выскочила. Вскочила в трамвай, а когда мы бросились – ищи-свищи. Ну и они там наобедались. Завалилась чуть ли не в час ночи. Перегар изо рта. Пояс на туфлях.

Истории вкратце

I

Господи! А мы все-то, оказывается, из воды...

И даже наш Президент.

И даже олигархи.

И даже железнодорожники.

И даже генералы.

И даже депутаты.

И, когда одно ведро воды кричит на другое:

– А ты не та вода! Ты живи среди своих!

– У нас вода другая.

– Понаехало чужое H₂O...

А если вода из нас выйдет, останется 20 кг сухих костей, которым все равно, где валяться и кто на них будет валяться после нас.

II

На пляже был такой случай.

Среди загорающих появилось голая женщина.

Она загорала и бегала в воду.

Постепенно собирались мужчины.

Среди женщин поднялся ропот. Они не любят, когда кто-то открывает их секреты.

Именно женщины позвали милиционера.

Милиционер подошел.

Она долго упиралась.

Потом надела только лифчик.

Милиционер попросил десять рублей штрафа. Она заплатила.

Он постоял и ушел.

Толпа собралась колоссальная. Мужчины лезли друг на друга. Она оделась и убежала, провожаемая криками и свистом.

Когда мужчины разошлись, их штанов не было.

До вечера милиция развозила полуголых мужчин по домам.

III

Случай с моим другом А. М. Л.

Они лежали.

Вдруг звякнул звонок.

– Муж!

Они вскочили, стали лихорадочно одеваться.

Он полуодетый выглянул на лестничную площадку с носком в руке.

Никого.

Он облегченно обернулся.

В комнате стоял такой же полуодетый мужчина с носком в руке.

Двое с носками в руках.

Тот приехал ночью домой. Хотел незаметно войти.

Этот хотел незаметно выйти.

20 лет прошло.

Ужас в его сердце до сих пор.

IV

Он ей очень нравился.

Она позвонила ему и сказала, что у нее есть два билета в театр.

Билеты сейчас дорогие.

Он пошел с ней.

У театра она сказала, что пошутила, что нет у нее никаких билетов.

Он честно сказал:

– Вас сейчас оставить или проводить куда?

Она сказала – оставьте сейчас.

И он ушел.

А билеты у нее, конечно, были...

V

Мой друг Аркадий очень умен.

Золотая голова и руки.

Взял шесть комаров и штангенциркуль, Измерил штангелем размах крыльев – 5мм.

И стал делать сетку.

Горизонтальную сетку не натягивал.

Только вертикально. Через 5 мм.

Комар брассом не летит, только баттерфляем.

Комар от рождения вираж не закладывает.

Комар не может сложить крылья, пролезть, а потом расправить.

Чего проще...

Но комар, как всякий кровососущий, туп, а мой друг Аркадий умен и добр.

Поэтому дома они теперь не встречаются.

Только на улице.

Это же смешно. Лежим и смотрим, как на экране носятся, прыгают, плавают, поют. И жалуемся. И пишем фельетоны.

А если и они захотят лежать, кто будет носиться на экране?

Скажи спасибо, что есть чего включать. Что кто-то не лежит в этот момент, а электричество тебе дает сзади в штепсель, чтоб он впереди на экране завелся и заголосил.

Что кто-то тебе бесконечный сок показывает, бесконечное пиво. Пей, мол, Вася. Прокладку, Дуся, вставляй.

Воду кто-то тебе все-таки качает. Газ для кухни, чтоб еду сварить.

А как сварить, тебе Макаревич покажет.

И куда пойти сытому. И что одеть. И как одеть...

И как сидеть за столом. И где отметить праздник.

И смотри, смотри, смотри – у кого-то наводнение, смотри, как люди мучаются – а у тебя ничего.

Смотри, смотри, как стреляют, пленных берут, по горам карабкаются – а ты дома с семьей у государства лежишь, всё это тепло наблюдаешь.

Смотри, смотри – голодают, страдают, болеют, а ты пива выпил и пультом перебираешь: голодного не хочу, смешного хочу. На!

Раньше лежал – показывали демонстрации, парады, съезды.

Сейчас лежишь – наводнения, аварии, грабежи.

Что интереснее?

Лежи, не вставай, я сам скажу: авария в сто раз лучше съезда.

Съезд – жалеешь, что не попал. Авария – радуешься, что не попал.

И в наводнении не участвовал. И в самолете не разбился.

Столько радости, сколько сейчас, никогда не было.

И тихо собой гордишься – нет, я умней, душу радость вынь на стол. Я ловчее, я изворотливее. Нигде меня не было.

Всё взрывается, падает, горит – а я целый.

Со всеми извращенцами познакомился, всё повидал, ФСБ нагрнуло, пленку развратную предъявило – а тебя там нет.

Баня, бабы, прокуроры, журналисты – а тебя нет. Наслаждения не испытал, так и разоблачения не перенес, трясся большим белым животом над своей сотрудницей.

И в атаку как бы ходил и стрельбу как бы слышал, а в плен не попал. В списках нет, в яме нет, в кровати есть!

Огромное счастье – видеть настоящую кровавую героическую жизнь и в ней не участвовать.

* * *

А я говорю, если раздуть свои радости до размеров неприятностей, то можно и от них получать наслаждение.

Он сидел, смотрел телевизор...

Он сидел, смотрел телевизор и кричал:

– Тьфу! Ерунда! Ну, чушь!

И смотрел.

– Ну, гадость!

И снова смотрел.

– Какой кошмар. Это издевательство.

Он выключал и включал.

– Ну, нельзя же так. Как просто. После криков «я счастлива» – она попадает в аварию.

После «мы счастливы» – война. Война возникает, когда нужно. «Ты только будь жива, мама», – умоляет сын. Она, естественно, умирает. Ну, нельзя же так. Это же гадость, – кричал он и выключал, и включал.

Это действительно была гадость, но именно поэтому он и включал.

Дома было еще страшнее.

Что еще требовать от таланта

Ну что еще требовать от этого таланта?

Он сделал для своего хозяина всё, что мог.

Еда, жилье, автомобиль, поклонники.

Что еще требовать от этого таланта?

Чтобы он тянул страну?...

Не тянет.

Есть такие таланты.

Они делают фамилию своего хозяина известной. И затихают, с удовольствием глядя на дело свое.

А хозяин еще долго носится...

Но это уже жизнь физическая.

Пишу детектив

- Почему бы вам не написать что-то серьезное?
- Пишу... Вы меня как раз оторвали...
- Что пишете?
- Детектив, где участковый инспектор раскрывает убийство и не может никак раскрыть.
- И что же? Он раскрывает в конце?
- Нет. Не может.
- Так... Простите... А где происходит действие?
- У нас.
- А в чем детектив?
- Вот в этом.
- А у него улики есть?
- Все. И отпечатки пальцев. И пистолет и гильзы. И труп.
- А убийца?
- А он и не прячется.
- Так в чем же дело?
- Вот в этом.
- А в чем интрига?
- В родственниках убитого. Они борются за наследство. А все наследство украдено.
- Так в чем интрига?
- Ну, ходят они в милицию, пристают, обрыдли всем. Их в конце посадят.
- А убийца?
- А что убийца?
- Он прячется?
- А зачем? Он же убил с согласия участкового и по его наводке.
- Так где же интрига?
- Как где? Здесь, у нас, в Москве.
- И чем вы хотите заинтересовать читателя?
- А чем я могу его заинтересовать? Денег у меня нет.
- А правда восторжествует?
- А я откуда знаю? Сам жду.
- Но вы же автор?
- Ну и что?
- Значит, у вас так... Милиция преступление раскрыть не может. Убийца на свободе. Семья убитого в тюрьме... Участковый – соучастник... В чем же детектив?
- Вот в этом.
- И все это ничем не кончается?
- Назначают нового министра МВД.
- Вот. И что он?
- У его жены угоняют машину.
- По его наводке?
- Да...
- Он находит преступников?

- Нет.
- А кто наказан?
- Прохожие.
- И для чего это все нужно писать?
- Чтоб их всех избрали в Государственную Думу.
- И изберут?
- Обязательно.
- Почему?
- Ну, у меня в романе население ошибочно считает, что лучше избрать преступника, чем милиционера.
- И вы думаете, вашу книгу будут раскупать?
- Уже раскупили.
- Кто?
- Избирком.
- Так вы ж еще не закончили?
- Они сами закончат.
- Ну, поздравляю. Это серьезная работа.
- Спасибо. Они тоже так сказали.
- А что вы потом будете писать?
- Комедию.
- Тоже детектив?
- Обязательно.
- Что происходит?
- Все пьют.
- Где?
- Здесь.
- Я надеюсь, следить будет интересно?
- Нет.
- Смешно?
- Нет.
- А чего же писать?
- А чего же не писать?

* * *

На фоне ужаса с заложниками, взрывов в метро и поездах, можно читать самые кровавые детективы – очень успокаивает.

Пилот пробежал по самолету и скрылся в хвосте. Потом выскочил:

– Граждане, отвертка есть? Нет? Пассажиры называется.

Бросился обратно. Из кабины выскочили двое с ведрами:

– Без паники, без паники!

Побежали за ним.

Стюардесса с криком: «Нет, ты этого не сделаешь!» – заперлась в туалете.

За ней вышел солидный мужчина:

– Граждане пассажиры, я командир корабля, не волнуйтесь, все в порядке. Я командир.

У меня простой вопрос: кто-нибудь может посадить самолет? Не стесняйтесь... А попробовать – нет желающих? Может, кто-нибудь видел, как это делают, нет?... А стюардессой кто-нибудь работал?... А санитаром?... Странные у нас сегодня пассажиры. Ну ладно, извините, не волнуйтесь. А вот это, простите... Может у кого-нибудь компас есть?... Нет, девочка, плакать не надо, а поискать стоит... Тоже нет? Что это с вами сегодня? Что я ни попрошу... А карта вот этого маршрута? Ну, которым мы летим?... Хотя бы автомобильных дорог?... И дорогу наизусть никто не знает, да? Что ж вы приперлись? Извините...

Его сзади затягивают в кабину.

– Да нет, я просто выразил удивление, как они такие неподготовленные. Ну, всё, всё, всё. Извините, в душу... Извините, мать так...

Скрылся в кабине. Оттуда:

– А как ты взлетел?... А удостоверение твое? Высунулся командир:

– А простая веревка бельевая у кого-нибудь есть?... Нет-нет, галстук не подойдет, нет, веревка нужна. Что за пассажиры?! Как можно быть такими безалаберными?... Ну всё-всё, ищите веревку. Зоя, иди, поговори с ними.

Вышла расстроенная стюардесса, заметила пассажиров:

– А вы все куда летите?

– В Новосибирск.

– Ну, если туда, это часа три лететь. Кто-то хочет чаю?... Только один, один кто-то.

Их хвоста вылетел второй пилот:

– Клейкую ленту, быстро, быстро! Клейкая лента есть? Нет?

Из хвоста донеслись удары.

– На меня давай! Еще! Еще! Бей сюда!

В салоне потух свет.

Снова выскочил пилот:

– Пассажиры, свечи нет? Лампада? Фонарь? Ну хотя бы керосиновый? А спички?... Зубочистка? Давай зубочистку. Что у тебя руки дрожат? Пассажир называется. Ты вообще к полету не готов. Иди на место, сосредоточься. Всё, сейчас будем садиться. Только без паники – в кабине всё слышно. Полная тишина!

– Хоть бы один прибор!... Черт...

Дайте мне обыкновенную сапожную щетку!... Ну заколку для волос!... Вот, скрепка – давай!...

О, чудо – подошла! Как раз! Всё, тишина, будем садиться!... Будем использовать третий

закон Ньютона. Первые два, суки, не сработали, представляешь?!

Только не кричать мне, пойте что-нибудь... Сейчас, сейчас... Так, руку, руку отпусти! Держи меня, поддерживай... Так... вот эту педаль... давай-давай, вместе ждем... Так, левую... Хорошо... Есть... Есть!... О!... Есть!... Душу... Мать... Есть! Всё! Земля! Сели! Всё! Поздравляю! Сейчас глянем, что за город...

Пассажиры:

– Воронеж.

– Ну хотя бы... Полет... бога мать... окончен. Экипаж... бла... бя... бла... благодарит вас за то, что вы... выб... выбрали нашу компанию...

Степь лучше моря

Степь лучше моря.

Море лучше пустыни.

Горы лучше моря.

Здоровье лучше гор.

Дети важнее здоровья.

Талант важнее детей.

Радость важнее таланта.

Радость и талант – счастье.

Такое бывает три, четыре раза.

После семидесяти пяти живешь не для себя, а для зрителей.

Одиночество не делится даже пополам.

Бумага терпит – женщина отказывает.

Она даже не желает молчать.

Комары растаскивают кровь.

Женщины – здоровье.

Люди – слова.

Школьные правила: живи для других, помогай – тебе помогут, – не сбылись.

Жизнь, как на женском теле простыня.

Что с раем?

Я обнаружил в наши дни весьма печальное явление: люди перестали стремиться в рай.

То ли потому, что он недостаточно красочно обрисован.

То ли потому, что описание его недостаточно конкретно.

Ад понятнее.

А рай: птицы, аромат, равенство, житие по потребности, всеобщее благоденствие и братство...

Что-то нам напоминает. Именно нам.

Как бы не то, что мы там будем, а как бы даже уже были.

Отсюда отсутствие стремления, недоверие к высшей власти.

Как-то, что-то надо переработать в исходных данных.

Настолько мы уверены, что это невозможно осуществить, что многие, если не все, начинают работать в одиночку, пытаюсь достигнуть райского состояния дома, невзирая на скандалы, порочное распределение средств и появление врача в неурочное время.

Рай, – учат нас, – блаженство коллективное, а вот ад – наказание индивидуальное.

Но наши люди, прошедшие уже через это все, утверждают, что именно ад – решетки, зоны и так далее, – дело коллективное.

А рай – как странно! – занятие частное, индивидуальное, внутри забора, внутри дома, путем отсекаания ненужных глаз, сообщений и последних известий, которые не становятся последними, невзирая на собственные обещания.

Подумайте, что вы можете предложить человеку на лыжах,
в самолете,

с самолета на вертолет,

с вертолета на снежный склон,

со склона во французский ресторан на жарком берегу,

с любовницей вместо жены...

Что вы в раю ему придумали?

О, Боже!

Там вообще нет женщин в том виде, как мы к ним привыкли.

Они там собеседницы, библиотекари, сотрудницы собеса.

Они там, наконец, на равных. А это, извините, для кого?

Не надо никому принадлежать. Мы и сейчас не верим:

«Я твой!», «Твоя, навеки!»...

У любви часы совсем другие. Но – у любви!!!

Сейчас твоя – сейчас и наслаждайся!

Любить бы надо.

Боюсь, там нет любви, чтоб избежать скандалов, дуэлей.

Прогулки коллективные, беседы.

О чем? Когда все ясно.

Все истины добыты в спорах на земле.

Там же споров нет.

Там для спокойствия в библиотеке

три тонких тома.

Первый – «Истины».

Второй – «Законы».

Третий – «Сути».

Денег нет.

Сел к стойке. Выпил.

Не опьянел.

Добавил – тот же результат.

А чем снять скуку?

Свалился тут же на диван, уснул, приснился сон, проснулся:

– Да!

Заснул. Проснулся:

– Да! Я там же. Я во сне.

Проснулся, не проснулся...

Застрелиться невозможно.

С Достоевским переговорил.

Хотели что-то умное, но истины уже известны, сути названы, конфликтов нет.

Федор Михайлович сидит в углу, угрюмый.

На ваше: «Здрасьте, я в восторге от...» – не ответил.

Шагал рисует и практически выбрасывает в урну.

Нечего сказать, хорош рассвет в конце тоннеля!

Единственное – тишина!

Ну, молодежь покойная там что-то подобрала, включила и трясется под стук мельничного колеса.

Такая вот теоретическая жизнь. Кому ее навяжешь?!

И люди, особенно прошедшие борьбу за благосостояние, равенство и братство в СССР, сказали:

– Стоп! И помолчи! Дай разберусь! Дай заработаю! Другим дам заработать.

Куплю, чего там движется, баюкает, стрижет, купает, гладит, полощет, массирует, целует, улетает,

перелетает из зимы в жару, готовит вкусные
красивый стол на пляже, где море, пальмы, баобабы...

Дай поупотребляю, почувствую и подготовлюсь.

А ты пока там поработай над раем:

придумай что-то нам такого, что мы не знаем.

Какую-то такую фишку, штучку, обстановку, чтоб мы туда стремились и стали, начиная с сентября, порядочными, чистыми, красивыми душевно.

И, душу честную в руках неся, сказали:

«Отвори, Всевышний! Это я – придурок со своей душой.

Ты знаешь, то ли был прибой, то ли волна,

а я на серфинге в Гавайях

и, представляешь, смешная штука – утонул.

В общем – здравствуй! Как бы типа – добрый день!»

Я у себя нашел

Когда мне сказали, что у меня плохой характер – я у себя нашел.

Когда сказали, что я талант – я у себя нашел.

Сказали, что бездарен – я у себя нашел.

Сказали, что хороший человек – я нашел.

Болтлив – нашел.

Молчалив – нашел.

Жаден – нашел.

Нуден – нашел.

Весел – нашел.

Пью – нашел.

Не пью – нашел.

Писатель – нашел.

Не писатель – нашел.

Видимо, я что-то среднее.

Вот кем быть не хочется.

Ко дню юмора

Весна. Одеваются деревья, раздеваются женщины.

Всё наступает. Всё отступает.

В общем – 1 апреля. Профессиональный праздник тех, кто смеется и тех, кто смешит. В этот день мы бросим всеобщее увлечение – искать смысл в происходящем. И повеселимся.

Пусть ищут те, кого мы туда выбрали. Они и так выглядят лучше нас. Как только мы их выбираем, в них пропадает страдание и появляется радость. Значит, мы не ошиблись.

Мы настолько точно выбираем не тех, что уже не стоит беспокоиться.

Между философом и политиком разница проста. Политик не сообщает вам свои мысли – он угадывает ваши.

Угадать может. Осуществить не может.

Поэтому мы живем хорошо: немножко бедно, немножко плохо, немножко хочется повеситься. Но всё это чуть-чуть.

1 апреля – день смеха.

Смешно уже давно, теперь наша задача, чтоб стало весело.

Мало нам было чиновников, к ним добавились олигархи.

Все мчатся мимо, горя синим огнем. А мы радостно шуруем по обочине в поисках денег, оброненных ими.

В экономике разбираемся слабо. Вот, говорят, наш шпион нанес ущерб США на несколько миллиардов долларов в пользу России. Где же деньги? – спрашиваем мы.

В стране появился гениальный человек – наш чиновник. Сам пишет правила игры. Сам выходит на поле. Сам играет. Сам меняет правила во время игры до тех пор, пока не выиграет. Затем идет в отставку президентом банка и уже встречается на банкетах в бабочке и темных очках.

У вас к нему вопросы есть? У меня нет.

Весна – одеваются деревья, раздеваются женщины.

Наши олигархи за неимением воображения пошли по старческим стопам политбюро. Так же живут в бункерах. Так же мчатся параллельно с извозчичьим криком: «Посторонись! Большая жизнь летит, блин, мимо!»

Их с чиновниками объединяет стремительная потеря юмора, курлыканье типа «порешаем вопрос», «обналичим откат» и второе поколение жен!

Да, пока второе.

В среде олигархов самый бестактный вопрос: «Это Ваша дочь?»

В школу приводят двоих: в десятый класс – сына, в восьмой класс – жену.

Ходят в охране. Шутят в охране. Едят в охране. Плачут в охране...

Хотим ли мы такой жизни, друзья?

Да! Хотим!

С Днем смеха вас!

Мы знаем, что низкое качество жизни рождает высокое качество юмора. Сегодня юмор стал хуже... Значительно, отвратительно хуже. Значит... Ну?... Возможно, возможно...

Сегодня нас смешат женщины грубыми шутками про половые органы. Мужчины нежно поют о чем-то своем девичьем в мехах и ожерельях.

Но всё равно в юморе мы, как всегда, впереди всех.

Как говорят в правительстве Грузии: «Из всех наших ущелий это – самое стабильное!»

В общем, весна – одеваются деревья, раздеваются женщины.

К реформам у нас отношение сложное.

В реформах мы пока не участвуем. Ждем, когда они закончатся, чтоб разыскать и обналичить.

Рынка пока нет, но базарные отношения уже сложились.

– За такие деньги одиннадцатиметровый не берут, – твердо заявляет тренер, – и в правый верхний за такие деньги никто бросаться не будет.

В общем, ценности окружающего мира уже начали поступать.

Когда ведущий концерта заявил, что для него в человеке не главное образованность, воспитанность и ум – в зале грянула овация. Это приятно.

Президент наш тоже с юмором, хотя в последнее время к нему стало примешиваться легкое раздражение. Видимо, мы чем-то его раздражаем. Обидно. Так хотелось долгой совместной жизни...

Ему повезло больше, чем нам. Его шутки встречаются хохотом еще до произнесения. Но шутит он хорошо. Отдадим должное, мы ж не дундуки безмозглые. Встретим его шутку сверху хорошим анекдотом снизу. Про него же, чтоб не отвыкал. Проверять – смешно или нет, будем сначала на животных.

Весна – расцветают деревья, распускаются женщины.

Но все-таки, когда РАО ЕЭС вырубает свет, сразу наступает Советская власть – без видео, без дискотек, без рекламы.

Благодаря низкому качеству строительства, если стена в квартире стала теплой, значит, кто-то лег с той стороны.

Весна – поют птицы и женщины.

Новая жизнь здесь. Мы уже давно живем по-новому и мы бы давно это почувствовали, если б не зарплата.

Эта сволочь нас тянет назад.

Для увеличения зарплаты населению будут розданы специальные увеличительные стекла и специальные лупы для разглядывания продуктовых корзин.

Средняя жизнь мужчины в нашей стране – 58 лет.

Чудесный возраст.

Это расцвет.

Это интеллект.

Это даже сексуальный расцвет. Мужчина в 58 только начинает жить.

Жаль, что приходится тут же заканчивать.

Но надо. Статистика неумолима!

Весна, тают льды, твердеют женщины.

Сегодня над нашей жизнью можно смеяться сколько хочешь. Это главное завоевание и есть. Пока оно с нами, жизнь может быть тяжелой, плохой, но не такой противной и не оскорбительно рабской, как вчера.

Вот за это выпьем. Как говорил начальник одесской канализации – выпьем за дерьмо, которое нас кормит!

А я тут мимоходом. Дожил до 60, а ни книг, ни имени, ни фамилии.

Одно-, двух- или трехместная популярность.

Я тут мимоходом в библиотеку зашел.

Обычная Library в одном американском городке.

Все наши, кроме автора этих строк.

Автор этих строк не числится в каталогах мировой славы...

А претензий. А претензий было...

Усталости, а грусти.

А с бабами скучал, как настоящий.

А был каким среди своих?

Столичная печаль. Здравовался вторым.

Запоминал свои слова:

– Как я сказал... Не знаю, как мне удалое.

(Без мягкого. Как удалое, не знаю.)

Из всех друзей оставил тех, кто был в восторге и баб своих довел слезами до восторга.

Слезами и обидами:

– Ах, вы меня не поняли!

(Как в восторг попали, так стали понимать.)

Ведь сам сказал когда-то:

– А что там понимать?! А что же там читать?! А там во что вникать?!

Хорошо, хоть обувь с каблуками не надел. Бог миловал.

А уж над появлением трудился.

Неслышность хода с легким стуком двери.

А с попаданием в какой-то стиль, как юмор возникал на сочетании немногих слов и редких наблюдений.

И бабы, бабы!

Да, бабы-бабы. Без детей.
Свое лишь детство признавал. Другого не дано.
Неясное какое-то еврейство. Молитва разномастная.
И сплевывает, крестится. И свечи ставит.
Запутал Господа.
Ну, и понес очередное наказание.
«Все, как у разных» – вот его девиз.
Я преданный, но многим людям.
А слов-то выбор жалкий. Живописать-то нечем.
Да и не помнит он заката или морской волны.
Звук выстрела сравнил надясь с падением доски на стройке.
И долго с этим бегал.
Сейчас, когда почти нет строек, сравнением этим не сразишь.
Долго помнил и распространял:
«Хочу окно, заполненное морем хоть наполовину».
Сочли не мастерством, а жалобой.
Не получилось. Нет читателей.
И мастерство уходит в ночь.
Ах, бабы, бабы...
Да, так нет в энциклопедии.
Что же делать? Путь один.
Облить помоями британский Кэмбридж.
Их, кстати, что-то долго не ругали.
Или попробовать пролезть с другой строки.
На букву «М». И по другой профессии.
«Мыслитель».
Да. Мыслитель.
Без наследства.
Мыслитель без трудов.
Мыслитель. Мыслящий. Как там будет по-латыни?
Когда от средней школы остался только Друккер...
Как по-латыни мыслитель мыслящий?
Ното odinokiy.
На колене одна рука и подбородок на второй...
Но это же все не его.
Ни подбородок. Ни колено.
Ах, бабы, бабы...
А может быть, не раскусили?
Да, пожалуй... Не поняли... Пожалуй, да.
Не расшифровали...
Высок, глубок, разнообразен.
Сплетен в клубок – не расплести.

Оставим все потомкам.
Они внесут в тот том.
В том тот!
Но только чтоб не исказили.
Пожалуй, надо будет еще раз: год рожденья, имя.
Крупно вырезать на камне.
Не фотографию. Она сотрется.
А имя глубоко в гранит. При жизни.
Намиоту заказать. Пусть врежет.
И за деньги читателями обрамит.
Раскрыта книга с неким изреченьем о низком качестве сапог в период тоталитаризма.
С исчезновеньем строя, кстати, исчезло и правописание.
Тота... Тато... Лито... Лита...
Некому следить. Филологи ушли в торговлю.
А ветер дует. Море светит.
Вода, как синька. И белье на мне.
Казалось бы, пиши и размышляй. И получай от одного другое.
Так нет. В энциклопедию ушел.
На букву «Ж» перебирает немногих мыслящих...
Там тоже путаница.
Вот это «Ж», из палки со скобками,
оказывается, не применяется.
Там «J» (*джи*) и «г» как наше «д» и «эйч» как наше «н».
То есть, совсем другие люди.
У них же нету, просто нету «ж».
Так в чем вопрос? Так где же Кэмбридж?
Ах, бабы, бабы!
Что же вы меня родили на букву «Ж»?
Хотя там было и «М» и «Д» и «Zet».
Из вас я вышел. В вас исчезну.
И понесет меня от нас в себе какая-то из вас.
Я знаю, знаю где. Вот тут я.
Вот это знаю я.
И как ни в чем уверен.
Неси, неси, Отродье Божье.
И все-таки руками, руками вам не надо было трогать меня лично.
А вы под видом санитарок, продавщиц, преподавателей английского, физичек...
Зачем? Зачем вы трогали меня руками?!
Истерли всю профессию под корень.
И неужель профессия так отличает женщину от женщины.
Да нет же. Я там был. Нет, нет.
Все одинаково.
И даже врач, которая все знает и говорит о нервных окончаниях.
Все так же – замуж. Замуж.
«Ты не понимаешь. Семья...»

Семья.

Да. Я по-прежнему, *(уже по-старому)*, не понимаю.

В энциклопедии себя ищу, теряю время.

Мне только жаль и поисков, и этих описаний.

Так что же я писал? Так нет меня нигде.

Так что там слушали, запоминали?

Так что ж я делал эти тридцать лет?

Я помню, где-то выступал.

Какие-то такие крики «Браво!», «Еще давай!»

Чего давать? Что было? Вот кошмар.

Ни дома. Ни семьи.

Ни творческого, в душу вошь, наследия.

Одни рецепты в книжках записных.

И правила приема внутрь.

...Внутри чего?! Я был?! Я спрашиваю вас!

Кого вы узнаете?

Очнулся в шестьдесят. Вот вам и здрасьте.

И жил – хотел. И пил – страдал.

Любил и целовал. Прошел обратно – нет следов.

Исчез бесследно. Не нашел себя.

Но сам себя запомнил.

Так кто же там вставляет в том?

Бабы, бабы.

Так я не жду от них, как и от мужиков, как и от всех людей.

Не вставили – черт с вами!

А что? Такая толстая?

Могла бы толще быть на одного.

Одна страничка.

Чуть увеличить «Ж», уменьшить «М», и отказать «ИКСу» – «Х» по-нашему.

А мы все есть!

А ну, давай энциклопедию полегче!

Для легких жанров. Для своих.

Для литераторов, мыслителей бессмертных.

Для авторов одной-двух шуток.

Для куплетистов.

Для красивых женщин, исчезнувших всего лишь в тридцать лет.

Для мужиков, блистающих в компаниях бесплатно.

Для выпивох, обнявшихся.

Для добрых, милых, не подозревающих врачей в компании: «Ну, это излечимо!»

Для узеньких альбомных живописцев.

Поэтов разных годовщин.

Для ярких нищих, сумасшедших.

Для пляжных сторожил.

Для дам крикливых.

Для всех, кто нам запомнился.

Свой том. Свой дом. Своя доска.
Для легких жанров, коротко живущих.
Энциклопедия Одессы для всей Земли.
И всей Земли в Одессе.
И всех евреев.
Пере... недо... и не кочевавших.
Чтоб не забыть случайно про живых.
А мертвые себя напомнят сами...

Этот дар тебе от Бога...

Ты себя им можешь поддерживать и защищать.

Он освежает тебя.

Он вылечивает тебя.

Он делает тебя независимым.

Я не знаю, заслужил ли ты его.

Все, что ты приобрел и достиг, не стоит того, что имеешь с детства.

Через тебя говорят с людьми.

Тебе повезло. Ты сам радуешься тому, что говоришь.

Ты понятен почти каждому.

А кто не понимает, тот чувствует, и чувствует, что не понимает.

Перестань переживать и сравнивать себя.

Или переживай и сравнивай.

Ты и сравниваешь, потому что не понимаешь дара.

И не понимай.

Господи! Как ты проклинаешь свою мнительность, впечатлительность, обидчивость, ранимость.

Как ты проклинаешь себя за вечно пылающее нутро. Эту топку, где мгновенно сгорают все хвалы и долго горят плохие слова.

Как ты проклинаешь память, что оставляет плохое.

Как ты проклинаешь свое злопамятство, свой ужас от лжи.

Ты не можешь простить малую фальшь и неправду, а как людям обойтись без нее...

Ты же сам без нее не обходишься.

Как неприятен ты в своих нотациях и поучениях.

И как сражен наповал ответным поучением.

Как ты труслив в процессе и неожиданно спокоен у результата.

Как ненавистно тебе то, что ты видишь в зеркале.

Ты все время занят собой.

Ты копаешь внутри и не можешь перекопать.

Существует то, что волнует тебя.

И те, что волнуют тебя.

Ты так занят этим, что потерял весь мир.

Ты видишь себя со стороны.

Ты слышишь себя со стороны.

Ты неприятен окружающим, которым достается результат этой борьбы.

Ты внимателен только к тому, что нужно тебе.

Ты вылавливаешь чужую фразу или мысль и не можешь объяснить себе, почему именно ее. Как гончая, как наркоман, как алкаш ты чуешь запах чьей-то мысли.

И ничего не можешь объяснить.

Ты молчалив и ничтожен за столом.

Все охотятся за тобой, а ты охотишься за каждым.

Но ты профессионал.

Они не подозревают, что твои одежды сшиты из их лоскутов.

К тебе невозможно приспособиться – ты одновременно приспособливаешься сам.

Перевитое вращение червей.

И этого требуешь.

И это ненавидишь.

Ты издеваешься над глупостью, над жадностью.

А кто сказал тебе, что это они?

И кто может существовать без них?

Ты их распознаешь по своему подобию.

Ты передразниваешь манеру собеседника вслух, делая его врагом.

Ты уверен, что разгадываешь обман, от этого обманут и бит сто раз на дню.

Тебе забили рот простым комплиментом и всучили, что хотели.

Не зная, что из всех этих несчастий выгоду извлекаешь ты.

Весь этот ужас дает тебе возможность писать и волновать других.

И весь этот ужас люди называют талантом.

Весь этот ужас переходит в буквы, представляешь!

Просто переходит в буквы, которые передают только то, что могут.

И вызывают ответы.

Хорошие сгорают мгновенно.

Плохие горят долго, сохраняя жар в топке, называемой душой.

Наклонись над бумагой – позволь мне уйти в тебя.

Пусть останется замкнутость.

Р. С. Автор – единственный, кто может стать лучше, прочитав это!

Жизнь коротка

Жизнь коротка и надо уметь уходить с плохого фильма.

Бросать плохую книгу.

Уходить от плохого человека.

Их много.

Дело не идущее бросать.

Даже от посредственности уходить.

Их много. Время дороже.

Лучше поспать.

Лучше поесть.

Лучше посмотреть на огонь, на ребенка, на женщину, на воду.

Музыка стала врагом человека.

Музыка навязывается, лезет в уши.

Через стены.

Через потолок.

Через пол.

Вдыхаешь музыку и удары синтезаторов.

Низкие бьют в грудь, высокие зудят под пломбами.

Спектакль менее наглый, но с него тоже не уйдешь.

Шикают. Одергивают.

Ставят подножку...

Компьютер прилипчив, светиться, как привидение, зазывает, как восточный базар.

Копаешься, ищешь, ищешь.

Ну, находишь что-то, пытаешься это приспособить, выбрасываешь, снова копаешься, нашел что-то, повертел в голове, выбросил.

Мысли общие.

Слова общие.

Нет! Жизнь коротка.

И только книга деликатна.

Снял с полки.

Полистал.

Поставил.

В ней нет наглости.

Она не проникает в тебя без спросу.

Стоит на полке, молчит, ждет, когда возьмут в теплые руки.

И она раскроется.

Если бы с людьми так.

Нас много. Всех не полистаешь.

Даже одного.

Даже своего.

Даже себя.

Жизнь коротка.

Что-то откроется само.

Для чего-то установишь правила.

На остальное нет времени.

Закон один: уходить, бросать, бежать,
захлопывать или не открывать!

Чтобы не отдать этому миг, назначенный для другого.

Ничего просто так не бывает. В каждом значительном явлении есть свой особый смысл. А в появлении такого писателя, как Жванецкий, в это время и в этом месте, очевидно, участвовало провидение. На него существовал социальный заказ в обществе. С наступлением времени безвольного отчаяния, фальшивый героизм мог уравновесить только смех. Вот мы его сами, видимо, и надумали, выудив из недр коллективного бессознательного в районе Черного моря. Произошло это довольно неожиданно для самого «виновника торжества». В молодые годы мечты будущего властителя умов не касались поприща сочинителя и артиста. На нашего героя призвание обрушилось, как пишут в приключенческих романах – вдруг. Судьба включилась после тридцати лет, и из Одесского порта отчалил в долгое странствие современный Одиссей, которому предстояло пройти всю страну от южных морей до Северного полюса. В 70-е он шел «в записи», в 80-е на закрытых концертах, с начала 90-ых – в престижнейших концертных залах.

Самые ценные и необходимые слова о Жванецком уже сказаны, красноречивейшие определения придуманы и напечатаны. Что можно добавить к присвоенным ему титулам «короля юмора», «живого классика», «великого сатирика»? Нет таких слов, чтоб их превозмочь. Остается только написать «Жванецкий» и поставить точку. Или многоточие, после которого каждый сформулирует его себе таким, каким захочет. Литературные критики – первым писателем по «гамбургскому счету» в своем жанре. Продюсеры – артистом, собирающим полные концертные залы. Маркетологи – лицом со стопроцентной узнаваемостью и почти таким же количеством симпатий. Философы – мыслителем, который истолковал важнейшие явления жизни и оказал значительное влияние на умы современников. Историки – летописцем, запечатлевшим хронику века. Психологи – сердцеведом, точно и исчерпывающе отразившим суть человеческой природы.

Но – Жванецкий выше всех почетных званий и глубже любых определений. Это уже не просто имя, а особое понятие, которое за последние тридцать лет закрепились в сознании нескольких поколений. Проникновение его творчества в массы феноменально, он стал действительно народным писателем. Его цитируют чаще, чем философов и сатириков от древних греков до новых русских. Изречения писателя выносят в эпитафии, произносят с трибун, повторяют с экрана и в компаниях. Даже в некрологе я встретила его фразу.

Чтение называют особым видом искусства. В свое время всю многомерность Жванецкого мне открыла именно книга. Она напрочь снесла трафаретные представления о нем как исключительно о юмористе и предъявила остроумнейшего, ироничного и вместе с тем удивительно тонкого и глубокого писателя – трепетного лирика, мудрого философа, пристального исследователя души. Такой Жванецкий большинству, наверное, меньше известен. Со сцены он в основном читает то, что легко воспринимается на слух и может рассмешить даже истукана. На него идут смеяться, а не плакать: ведь он не Сара Бер-нар. Конечно, Жванецкого всегда интересно послушать, но еще лучше – прочесть. Потому что на концерте мы видим лишь вершину айсберга, за компанию отсмеиваемся по верхам, а печатный лист открывает иную глубину знакомых текстов. Разглядеть ее до дна можно, только вчитавшись в смысл, требующий вдумчивого постижения в тишине и одиночестве.

Популярность Жванецкого действительно невероятна. Его заводная интонация и стремительная манера разговора живет внутри каждого нашего соотечественника. Она

звучит в нас, даже когда мы читаем его произведения про себя. Эти яркие, как цветки и юркие, как ящерицы тексты удивительно легко запоминаются наизусть. Они присваиваются целыми кусками и отдельными фразами, чтоб потом в нужный момент, артистично откинувшись на спинку стула, победно произнести: «Как сказал Жванецкий...» Почему именно он? Что в нем такого, чтоб так любить и помнить? Ответ, боюсь, будет нешуточным.

Один из самых веселых поэтов и мистиков XIV века Хафиз говорил, что «смех – это восхитительный звук, просыпающей души». Как точно! Он, в самом деле, такой же верный признак живого ума и свободной, открытой души, как дыхание – здорового тела. Это наше Эго пытается скрыть за насуплено-озабоченной серьезностью страх потерять власть, контроль, одобрение и собственную важность в глазах окружающих. А вечный Дух всегда весел и радостен. И тот, кто будит в нас добрый, искренний смех состоит на особой духовной службе, освещающей в человеке лучшее из задуманного Создателем.

Конечно, юмор самая манкая и притягательная грань таланта Жванецкого, но он только форма для содержания. Его смех – покров вечных вопросов и горьких истин, над которыми человек обязан задумываться, раз он пришел в этот мир. Отдаваясь власти сиюминутных соблазнов и покоряясь игу суеты, мы норовим пропустить трудный урок их постижения. И будто чувствуя наперед эту общую слабость, нам назначили Жванецкого, как капризным детям прописывают лекарство в цветной сладкой оболочке. Юмор демократичен по своей природе, в любой среде он имеет «допуск №1». А смех Жванецкого обладает исключительной созидательной силой. Он не унижает, но очищает накипь с главных органов человека – органов чувств. Мы отдаемся ему доверчиво и с удовольствием, хохочем заливисто и от души, ощущая с последним всхлипом, что она стала местом удивительного преображения – звонкого смеха в беззвучный плач, который отзывается изнутри эхом светлой пронзительной грусти и заставляет думать и размышлять.

На каждом его произведении стоит невидимое клеймо автора – «Сделано Жванецким». Ему невозможно ни подражать, ни повторить – только насладиться. Неудивительно, что некоторые из текстов, «прочитанные» компьютерной программой, по морфологическому строению почти совпали с такими «шаманными» малыми формами как заговор и притча. Значит, не случайно краткость – сестра таланта. Это известное высказывание мне хотелось бы расширить одним словом: краткость – сестра таланта Жванецкого. Он обладает даром сказать о главном в нескольких строках, выразить суть афоризмом. Но эти лаконичные текстовые формулы с «выправкой» верлибра по концентрации мысли и содержанию мудрости равны романам хрестоматийных классиков.

В 70-е годы не было улицы и дома, где бы ни крутили песен Высоцкого и монологов Жванецкого. Вряд ли кто-то еще мог бы сравниться с размахом их славы и мерой влияния на умонастроения общества. Как личности, оба они олицетворили собой эпоху, выразив внутренний голос миллионов, как художники – создали образы достигающие уровня архетипа.

Галерея персонажей Жванецкого по полноте, красочности и меткости выписанных характеров вполне сравнима с собранием портретов в «Мертвых душах». А по тонкости и гибкости передачи лирического героя он сравним с поэтом. Не сомневаюсь, что его герой увлечет читателя. Вряд ли можно остаться равнодушным к этому обаятельному и неуемному типу, который то бросается к вам в объятия с книжной страницы, то что-то сердито выговаривает. Наблюдая за его переливами, не соскучишься ни на минуту. Он

созерцатель и экзистенциалист, сластолюбец и жуир. Временами лентяй и вредина. Иногда пуглив и робок, а иногда – отчаянный нахал. Большой любитель хорошо выпить и вкусно поесть. Он и весельчак и меланхолик. Горячий ценитель женской красоты. Его постоянно носит между высью и бездной: он то переживает о судьбах человечества, то упивается жалостью к самому себе. В тепле он с удовольствием рассуждает о жизни и делает это очень умно и глубоко. Он невозможно трогательный и нежный, обезоруживающе искренний и добрый. Он вызывает сочувствие, сострадание, понимание и любовь.

Такой вот герой. Единственное, на что надо сослаться как на прямую связь с автором – склонность к сомнениям. Вообще-то, качество само по себе замечательное, свидетельствующее о здоровье творческого организма. Ноу автора это отдельная история. Его сомнения легко переходят в мнительность, а мнительность – в панику. Следом вступает выворачивающая душу тема мученичества, на которое он обрекает себя добровольно. Вероятно, в этих страданиях есть особый смысл: они обостряют внутреннее зрение и способность ощущать и выражать мир. Возможно, без них Жванецкий не был бы Жванецким и не написал своих замечательных произведений. А он написал.

Каждое лето он, как перелетная птица, прилетает из Москвы в Одессу и вступает в отношения с бумагой. В его окна смотрит море, которое, будучи в хорошем настроении высылает к нему веселую волну, без умолку приговаривающую: «Пи-ш-ши, пи-ш-ши!». И он макает перо в чернильницу Черного моря и крупными буквами выводит формулы жизни. А к осени, оперившись исписанными каракулями страничками, и починив скрепками свой старый портфель, приходит читать их нам. Эти тексты, как фрагменты одного полотна, складываются в грандиозную фреску времени и открывают лик человека, который в сути, в сердце и душе своей остается неизменен. Он был таким за тысячу лет до нас и будет через сто лет после. Он по-прежнему раздираем противоречиями и так же божественно, космически одинок. Он смеется над тем же и из-за того же плачет. Из этой вечной истории и состоят произведения Михаила Жванецкого, который сквозь нашу общую слезу дал рассмотреть себя – настоящих.

Валентина Серикова